Владимир
ШЕСТЕРИКОВ

ЧТОБ СВЕТИЛАСЬ ДУША

Владимир
ШЕСТЕРИКОВ

ЧТОБ СВЕТИЛАСЬ ДУША

Петропавловск
2014

УДК 821 (574)-1
ББК 84 (5Каз-Рус)-5
Ш 52

Ш 52 **Шестериков В.**
Чтоб светилась душа. В. Шестериков. Стихи / г. Петропавловск: Издательство «Северный Казахстан», 2014 – 384 с.

ISBN 978-601-7247-55-3

Редактор-составитель Василий Коноплев

546241

Владимир Георгиевич Шестериков – известный казахстанский поэт. Без преувеличения его можно назвать певцом родного края. В своих стихах он воспевает и необъятную хлебную степь, и милые сердцу приишимские просторы, и удивительную красоту окружающей природы. В его размышлениях о жизни, близких ему людях вы увидите добрую, чистую и трепетную лирическую душу настоящего русского поэта.

УДК 821 (574)-1
ББК 84 (5Каз-Рус)

ISBN 978-601-7247-55-3

© Издательство «Северный Казахстан», 2014

Северо Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

От всей души с прощёным воскресеньем
Я поздравляю вас,
И, стало быть,
Простим обиды всем без исключенья
И даже тем, кого нельзя простить.

Давайте выйдем с замкнутого круга,
Какой в тупик нас может завести,
И скажем искренне, по-доброму друг другу
Простое и заветное: «Прости».

Я говорю всем в тихом озаренье,
Боясь мгновенье это пропустить:
«Прощаю всех. У всех прошу прощенья,
Но лишь себя я не могу простить

За то, что был к кому-то невнимательным,
Не смог беду чужую отвести
И не успел в печальный час я матери
Из сердца тихо выдохнуть: «Прости».

И потому прошу я в час прозренья
Тебя, мой друг, с кем довелось пройти
Пусть трудные, но чудные мгновенья:
«Прости меня. Пожалуйста, прости!»

Прощаю всех. И сам прошу прощенья
У тех, кого за что-то не любил,
За все обиды, ссоры и сомнения,
Чему виной я сам, быть может, был.

Нам всем, для мира и добра рождённым,
Воистину бы надо понимать,
Как хорошо, как важно быть прощённым,
Просить прощенья и уметь прощать!

АВГУСТ

Еще пронзительно-победно,
Неистовы и горячи,
Блестят прощальные лучи,
Как всплески спиц велосипедных.
И словно спутницы в пути,
Светло запутываясь в лето,
Летят грустинки паутин
Седыми прядками рассвета.
Еще торжественно заманчив
Высокой просини ледок.
Ах, август, как же ты обманчив –
Жара и первый холодок.
Машины первый хлеб увозят,
Гуляют ветры по стерне,
А может, август – это возраст,
Что в сердце постучался мне.
Еще цветы не отгорели,
Еще им столько дней цвести.
Еще так много нужно сделать,
Чтоб в мудрость осени войти.

***

А в детстве ярче каждый миг
И даже небо в детстве чище –
Цеплялись мы за грузовик,
Отчаянный народ – мальчишки.

Хотелось нам на край земли
Умчаться просто так, без спроса,
Пока вдруг нас не увезли
Из детства быстрые колеса.

Теперь испытываю грусть
О временах я тех немножко.
И жаль, что в детство не умчусь,
Как гость, у ветра на подножке.

АПРЕЛЬ

Маленькая поэма

Лишь глаза прикроешь – и приснится
Юности нездешняя река,
Голубое платьице из ситца,
Ситцевые в небе облака.
Зеленеющих полей полотна
И большое мужество пути
Вечно-вечно жаждущих полёта
Снова с юга прилетевших птиц.
И уходят за цветами вьюжными
В те места, где стонут провода.
Девочка-струна, весенний юноша.
Кто готов за нею хоть куда.
Кто готов уйти по зову сердца
В сумасшедший, солнечный апрель...
Брошенная ими сказка детства
Прячется за тридевять земель.
Кажется, она бы стала былью,
Только лишь возьми да постучи.
Может быть, и двери б отворились,
Но давно потеряны ключи
Где-то за дремучими лесами,
Тёмными, как долгая беда...
Где-то за гремучими ручьями,
Где живая плещется вода.
Двое смотрят в синюю безбрежность,
Горизонты взглядами кроя.
Крошечными яхтами подснежники
Уплывают в дальние края.
Им сейчас вдвоём бы вдаль уехать,
Ничего с собою не беря,
В ту страну, где лишь хохочет эхо
Да бросают ветры якоря.
Не заметили среди цветов пахучих,
От всего земного далеки,
Как подкрались к небосводу тучи,
Как скрестились молнии-клинки.

Пальцы в пальцы, и, сплетая руки,
Побежали, в сказку не дойдя.
А вокруг невидимые луки
Били в землю стрелами дождя.
...Зябко, будто ветерком подуло.
Нелегко который час подряд
Ощущать холодный, словно дуло,
Материнских глаз упорный взгляд.
Падали подснежники подкошенно
Из девичьих рук, как призрак зла.
Спину выгнув вкрадчиво, как кошка,
Сплетня-вертихвостка в дом вошла.
Выгони попробуй гостью важную,
Все равно она не убежит.
Мир чужой она в замочной скважине
Взглядом неусыпным сторожит.
Нет, не дашь, пожалуй, сплетне сдачу.
Скользкая, руками не возьмёшь.
Кумушки, как курицы, судачат:
Дескать, вот ведь нынче молодёжь!
Мол, поскольку видели их вместе,
Значит, и недолго до греха.
А, бывало, глаз поднять невеста
Не посмела бы на жениха.
Словно бритвы, языки отточены.
Сколько слов, как семечек пустых.
Были восклицанья, многоточия,
Точек не было и запятых.
Часто верят сплетне, а не правде,
Ну, а это значит – быть беде.
Если бы отнять у сплетни право
В скважины замочные глядеть,
Мать сказала, будто между прочим,
Что признаться ей во всём пора.
Ну какая, дескать, мать не хочет
Для любимой дочери добра.
Сдвинув брови, намекнула мельком,
Что пора на нём поставить крест.
Что ей сесть придётся на недельку
Под домашний бабушкин арест.

Рановато, мол, считаться взрослой,
Всякую заботу прочь гони.
Ну, а слёзы девичьи, что росы,
Солнце выйдет – высохнут они.
А цветы качались и гудели,
Бушевали яростью в ночи.
Если вы апрелем заболели,
Знайте – тут беспомощны врачи!
Говорят, что время – лучший лекарь.
Но ничем он тоже не помог...
Что осталось? Только лишь уехать,
Ну хотя бы на короткий срок.
Чтоб без долгих вздохов и стенаний
Мужественно ложку проглотить
Горького лекарства – расстоянья,
Чтобы от самой себя уйти.
Побежать туда, где легкой просинью
Шпиль вокзала шумного обвит!
– Вам куда? – кассир привычно спросит.
– Мне билет до станции Любви.
– Проданы...
Захлопнется окошко.
Мимо пронесутся поезда.
Как обидно, в рейс такой оплошно
На одну секунду опоздать.
Впрочем, нет. Не стал бы он терзаться.
Только бы с одним плащом в руке
Он помчался б самым скорым «зайцем»
На грохочущем товарняке.
Стал бы птицей, ветром стал бы, пулей,
Чтоб догнать состав, чтоб быть вдвоём.
Был вокзал похож на шумный улей,
Пчёлами кружились люди в нём.
Фонари бежали, словно солнца,
Шумная дорожная страда.
Кажется, страдал перрон бессонницей,
Как страдают люди иногда.
Мы порою где-то на перроне
Оставляем горести свои.

Отплывают медленно вагоны
От нелёгкой станции Любви.
Покатилось небо чёрным шаром
И сгорело, кажется, дотла.
По асфальту вежливо шуршала
К бедам равнодушная метла.
Путевые столбики и будки.
Отправлений неустанный бой.
Может быть, была апрельской шуткой
Грозовая первая любовь?
Нам она нужна, как день весенний,
Словно воздуха пьянящий вдох.
Приходили гости в воскресенье,
Поднимался пар от влажных дох.
Снег солидно таял на калошах,
И она, закрыв платком лицо,
Словно птица, выстрелом подкошена,
Молча вылетела на крыльцо.
А снежинки падали косые,
И казалось, чуть не ползем ли
Снежные подснежники Россию
Голубой метелью замели.
Словно выйдя из полей безбрежных
В зимнюю ночную карусель,
Целыми охапками подснежники
Ей швырял в лицо хмельной апрель.
Где он скрылся!
За какой границей
Золотятся юности огни!
Таяли снежинки на ресницах,
А быть может, вовсе не они.

***

В горах закаты цвета меди
В снегах нетающих купаются...
И льды, как белые медведи,
Огромным стадом с гор спускаются.
Внизу, где пели камни громко,
Где эхо исторгало крик,
Сидела девушка в штурмовке,
И ноги ей ласкал ледник.

ВТОРОЕ ЧУВСТВО

Я думал, что всё прошло.
Меня сторожила чуткость,
Зачем всем ветрам назло
Приходит второе чувство!
Гоню его прочь от себя...
Ну что же это такое!
Все люди и вещи спят,
А мне вот не до покоя.
Ты недруг мне или друг –
Я не решу, наверное.
Я знаю, из чувств этих двух
Второе страшнее первого.

***

А высшее веселье – грусть,
И этой грустью душу лечат,
Летит ко мне, как белый гусь,
Зима метельная навстречу.
Имеет право грусть на жизнь,
Я сотню раз хоть с кем поспорю,
Что грусть – совсем не пессимизм
И не тоска в минуту горя.
Но убедительно и веско
Мне говорят: «Грустить нельзя».
Мне говорят: «Чего невесел?» –
На разных праздниках друзья.
Как объяснить им, что совсем
Не в громком гомоне веселье,
Не в том, чтоб вдруг взорвался смех,
Не в том, чтоб песни хором пели.
Когда тепло друзей не греет, –
Приятен снега свежий хруст...
И подтверждают мне деревья,
Что высшее веселье – грусть.

***

До отрешенности лихи
Мальчишки, песнями воспетые...
Они великие поэты.
Хоть наплевать им на стихи.

***

И взглядом тоже предают,
Как будто что-то продают,
Отводят в сторону глаза,
Когда грозит бедой гроза,
Когда бы сердцу только надо
Лишь голубую ясность взгляда.

И подлости давая сдачу,
Взгляни ты на того в упор,
Кто тихий взор стыдливо прячет,
Чтоб не вмешаться в трудный спор,
Чтоб не прочли в нём, не заметили
Коварную, как в спину нож,
Чтоб ни за что не быть в ответе,
В глазах припрятанную ложь.

Они умеют быть приятными,
Но мы с презреньем в них глядим...
О, это тихое предательство,
Неуловимое, как дым.

Я думаю про дни те вьюжные,
Про те тревожные года,
Когда к нам приходило мужество,
Чтоб не покинуть никогда.

И я боюсь: вдруг в непогодину
За тихий угол и уют
Сегодня – друга, завтра – Родину
Глаза вот эти предадут.

546241

КАЛЕНДАРИ

Как дерево, календари...
Летят листки с них, словно листья...
В них и закат, и зов зари...
И дали – дальние и близкие.
Вам могут щедро их дарить,
Отдать задаром могут даже.
Но есть ещё календари,
Которых вовсе нет в продаже.
И вряд ли принесёшь их в дар,
И вряд ли принесёт он вести.
Есть в каждом сердце календарь,
Лишь одному ему известный.
И тихо склонится заря,
И стих замрёт в последней строчке.
Когда слетит с календаря
Последний трепетный листочек.

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

КОМБАЙН

Я перед ним склонил бы тихо голову,
Коснулся бы железного плеча...
Но, торопясь, прошёл комбайн по городу,
Всем корпусом жестоко грохоча.
Он вам в степи надолго бы запомнился,
В своей работе деловит и лих.
Ну почему же он такой беспомощный
Среди высоких зданий городских!
И почему, спеша в степные дали,
Стесняется он вида своего!
Простите вид его провинциальный
За то, что хлеб – провинция его.

***

Летят снежинки плавно, звонко,
Я снегопад такой люблю.
Как будто кружатся девчонки
На выпускном своём балу.
Снежинки тают, тают, тают,
Снежинки в юность улетают...
Нас ослепляет снега девственность –
Девчонки покидают детство.
Я все ещё в тот снег бегу
И ощущаю вдруг устало
Прикосновенье робких губ –
Снежинка на щеке растаяла.

ЛУННАЯ СОНАТА

Война безумствовала в мире,
В глазницах окон – ночи власть,
И только из одной квартиры,
Как пламя, музыка рвалась.
Сначала плавно, тихо, робко,
Грустна немножко и светла,
Как будто одинокой тропкой
По саду девочка прошла.
Потом всё громче, громче, громче
Сквозь притаившийся квартал...
И каждый знал, что бой не кончен,
И каждый бой свой начинал.
Казалось: в небе грозы бродят,
И грома нарастает гул,
И чужеземец, сдвинув брови,
Вдруг крикнул: «Больше не могу!»
Надменно дернулись кокарды.
Блеснули холодом штыки.
Громили «Лунную» прикладами,
И ноты рвали на куски.
Грозили мраком и бедою.
Но сквозь войны зловещий вой
Над миром ликовал Бетховен –
Повстанец с львиной головой.

***

Мальчишка с детства бредит небом.
Оно вверху, как океан.
А небо – это только небыль,
А небо – голубой обман.
А он того не замечает,
Чтоб небо стало голубей,
В него на зорьке запускает
Охапку снежных голубей.
Он с ними будто бы прощается,
Когда, срываясь с чердака,
Они летят и превращаются
В живое чудо – облака.
И по ночам ему не спится,
Он смотрит в небо, не дыша.
Ему бы только уцепиться
За ручку звёздного ковша.
Сияют звёзды, как целковые,
Мальчишка ходит сам не свой.
Наверно, в детстве Циолковский
Был тоже болен Синевой.

МАРТ

О, марта радостные признаки...
И неба синяя струя,
В вечернем сумраке, как призраки,
Деревья сонные стоят.
Прозрачны веток очертанья,
Они, как юности года,
Окружены какой-то тайной.
Которой мне не разгадать.
Белёсая вершина леса,
И небо – наслоенье льда,
Как знак вопроса, смотрит месяц
На заколдованную даль.
И всё меня куда-то тянет,
Как будто знает он секрет...
А может, то и было тайной,
Что этой тайны вовсе нет.

***

Месяц в озеро с неба упал,
И его не поймать руками...
Я б на удочку месяц поймал
Серебристыми вечерами.
Голубое мерцанье в тиши...
Что со мною! Да это я ли!
Косит месяц серпом камыши,
А они стоят, как стояли.

***

Мы входим в этот мир незримо
И, удивлённые, глядим
На буйство трав, в глаза любимым,
И в небо синее глядим
На то, как жгуче вьются тропы
И как трепещет стрекоза.
Нацелены, как телескопы,
В мгновенья звёздные глаза.
Идём туда, где ветры свищут,
Где крепко солит спины пот.
Мы ищем счастья, вечно ищем,
А нам его недостаёт.
К нему приходим, как к опушке,
Презрев предательский уют...
И счёт годам ведёт кукушка
И снегом яблони метут.

***

Ослепляла солнца ярость,
Выбегали мы к реке,
Где виднелся белый парус,
Снежный парус вдалеке.
Мы к нему стремглав бежали,
Чувству детскому верны,
Но его не достигали
И проваливались в сны...
Уходили в юность парни,
С чемоданами в руке,
За кормою детства парус
Бился в дальнем далеке.
Так и жить бы нам, не старясь,
Ожидая каждый год,
Что, как в синем детстве, парус
Белым облаком мелькнёт.

РАЗДУМЬЕ

Смотрю на современных мальчиков
И думаю: богатыри...
Не вы ль уходите, как мачты,
В туман морей на зов зари.
А нам, родившимся в тех грозных
Годах, что жутко горячи,
Нам все давалось так непросто:
Не та пора, не те харчи.
Нам их делили честно поровну
На меньших братьев и сестрёнок.
И наше детство пахнет порохом
Отцовских рыжих гимнастёрок.
И наше детство пахнет боем
И горьковатым дымом неба.
И наше детство фронтовое
Вставало в очередь за хлебом.
Мы знаем, что такое боль,
Мы знаем, что такое муки.
Труднее жизнь, трудней любовь,
Трудней даются нам науки.
Но пусть... но пусть подруги наши
Не ставят это нам в вину...
Ведь мы сейчас не просто старше –
Взрослей на целую войну.

РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ

Война трубила дни разлуки...
И за околицей села
Они роняли молча руки,
Как птица два крутых крыла.
И как последние патроны,
Сухие слёзы берегли
Для беспощадных похоронок
И братских холмиков земли.
И ждали в будни, ждали в праздники,
И сколько ждать им впереди...
С каких же пор они повязаны
Крестами шалей на груди!

***

Тебя открыл я, как планету,
И столько зим, и столько лет
Лечу к тебе, как будто к свету,
Не взяв в галактику билет.
А ты совсем не ожидаешь
И тихо прячешься в рассвет,
А ты таинственно мерцаешь,
Как белый яблоневый цвет.
И волны бьют в лицо тугие,
И нет уже пути назад...
И раньше, может быть, другие
До той планеты долетят.
А мне – лишь только песни ветра,
А мне – крутых дорог разбег,
И вместо яблоневого цвета
Мерцающий на ветках снег.

***

У любви тоже возраст свой
И свои сентябри и май...
Мы всю жизнь стремимся к одной,
А её на всех не хватает.
Мы глотать будем воздух ртом
И уйдём в штормовые дали.
И внезапно вдали поймём,
Что не ждут нас, что мы опоздали.
И напрасно будем весной,
Задыхаясь, спешить на свиданья...
У любви тоже возраст свой,
И не терпит она опозданья.

***

У памяти свои мосты,
Что нас соединяют с прошлым,
И их не могут замести
Седого времени пороши.
И вот по ним проходишь ты,
И плещет небо голубое.
Но кто-то сжёг давно мосты
И за тобой, и за собою.
Но снова ты приходишь в сны,
Которые всё реже снятся.
Давно мосты те сожжены,
И всё-таки они дымятся.

***

А в мире – шум и тишина,
И краткий миг, и просто вечность,
И просто осень, и весна,
Конец пути и бесконечность.

И потому на свете этом
То выбиваешься из сил,
То дышишь каждой клеткой лета,
Весь мир в себе соединил...

***

А на юге цветы на праздник
Дарят, как диковинки лета...
Полыхают букеты разные
Синим светом
И алым цветом.

Дарят розы
И дарят мимозы,
Снег бумажный вокруг рассеивая,
Полуватные Деды Морозы,
Не грустящие вовсе по северу.

А у нас здесь трещат морозы,
Индевеют теремы высей.
Да зазвонистые берёзы
В синеве, как сосульки, виснут.

А у нас лютый снег серебрится,
Жарки зорьки, как полушалки.
И совсем ни к чему –
Из теплицы
Стебельки цветов получахлых.

Остаются с нами навеки,
Горьковатые, словно хвоя,
Ослепительных вьюг фейерверки
Да тревожный дым непокоя.

БАЛЛАДА О ХЛЕБЕ

Теперь бы он был нелеп,
Теперь бы его не ели –
Тот трудный военный хлеб,
Жёсткий, как борт шинели.

Но был он высшей едой,
Тяжёлый, грубый, как камень,
Пополам с лебедой.
Пополам со слезами.

И, свято им дорожа,
Забудут ли хлеб этот вдовы,
Замешанный на дрожжах
Горя людского!

И сколько ни минет лет,
Я буду видеть воочию
Тот трудный военный хлеб,
Тоскливый, как очередь.

В пшеничном разгуле полей,
В колосьях звонко раскатистых
Мне вспоминается хлеб,
Выданный по карточкам.

И дрогнет душа, когда в зной
Под небом степным, бездонным
Берёт хлебороб зерно
И нянчит, как в люльке, в ладонях.

***

В степи рождаются солдатами.
В степи рождаются с талантами.
Здесь держат небо, как атланты,
Громады башен элеваторов.

Здесь могут ветры,
Буйны ветры
В берёзах вековых запутаться.
Машины бешено в кюветы
Ползут
В осеннюю распутицу.

Но шествует вперёд движенье
Всегда – и летом и зимою,
Одолевая притяженье
И неземное,
И земное.

И невесомо, и весомо,
Как пахарь,
С воротом распахнутым,
Швыряет солнце в степь солому
Большими щедрыми охапками.

И нет величественней битвы,
Чем та, где льются хлеба реки...
И в бронзу колоса отлиты
Дела и думы человека!

ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

Эта старая мельница –
Крест опущенных рук...
Что ж теперь ей не мелется,
Что ей видно вокруг?

Гордый взлёт элеваторов,
Зной колосьев тугих...
И она, виноватая,
Тихо смотрит на них.

Только я по обычаю
В пояс ей поклонюсь,
В ней я вижу величие
И нездешнюю грусть.

Словно встал над полями
Прадед мой с бородой,
Словно в душу мне глянул
С неизбывной бедой.

И такая в нём сила,
И такая в нём власть,
Будто это Россия
Всех времён в нём сошлась.

Как из сказки Емеля,
Все снесёт и простит,
Беды все перемелет,
От невзгод устоит.

До сих пор силой древней
Чутко веет от них:
За селом, за деревней –
Шелест нив золотых.

Там хлеба, как метелицы,
Разметались вокруг,
С ними старая мельница,
Крест опущенных рук.

ГРОЗЫ НАД СТЕПЬЮ

Вдаль тревожно глядят глаза,
Облака, как сугробы снежные,
А над степью –
Гроза,
Гроза,
А над степью – ветры мятежные.
Ну, а ты на мостике стой,
Стиснув руки на пыльном штурвале,
Навсегда потерян покой,
Если степи к себе позвали.
Дорог каждый бесценный час,
Брезжит утро синей соляркой,
Если можно было б сейчас
Затянуться хотя б цигаркой.
И шумит ковылей круговерть,
Будто знатному хлебу радуясь,
Будто вышли на хлеб посмотреть
Наши пращуры,
Наши прадеды.
Те, что хлебушек жали серпом,
Не оставив ни крохи лишней...
Если б можно сегодняшним днём
В день вчерашний подбросить пышек,
Чтоб смахнули пот рукавом
Да наелись хлеба досыта.
Не звенящей росы серебром –
Их слезами земля омыта.
Смысл особый в слове «страда».
Если вдуматься, ясно станет –
Это значит – за хлеб страдать,
Нет на свете выше страданья!
Прорастает забвенья трава,
Оставляя одно заветом:
Хлеб насущный – всему голова.
Наша радость и праздник светлый.
Пусть сентябрьских дождей шрапнель,
Пусть ревущих циклонов странствия –
Хлеб насущный – смысл наш и цель,
Хлеб насущный – наше богатство.
Если он твоя радость и боль,
И надежда твоя, и забота,

Принимай за него вечный бой
До последней капельки пота!
От ветров и дождей, в грозу
Стала жестью синяя роба.
Ты попробуй зерно на зуб,
Словно золото высшей пробы.
В нём восходов медленных медь,
Ясность зорь величаво-красных,
Не дадим же ему потускнеть,
Не дадим же ему погаснуть.
Пусть смешались и снег и дождь.
День и ночь, а вечер с рассветом.
Лишь горячих моторов дрожь,
Лишь зерно семицветным спектром.
И берёт степь за пядью пядь
Самоходка – красная птица.
Ни на шаг нельзя отступать
От своих боевых позиций.
Сомкнут жёсткий упрямый рот.
В строки мужества нива отлита,
Беспокойный в степи народ, –
Наша гордость,
Слава,
Элита.
И натужно гудят шкивы.
Стонут «МАЗы» в грязище липкой,
И осколком степной синевы
На бессонных лицах – улыбка.
Ох, и крут осенний настой,
И могучи страды раскаты
Там, где двадцать лет бороздой
Штриховали степную карту.
Среди зяби – кружок берёз,
Облаков рваных в небе заплатки.
Сколько было в степи бурь и гроз,
Начиная с первой палатки.
И поверьте, в пыли веков,
В словарях, манускриптах длинных
Не найдётся весомее слов,
Чем геройское слово – целинник.
В штормовых ветрах целина,
Из-под шапки выбились волосы,
Здравствуй, бой, до крупицы зерна.
До последнего самого колоса!

***

Деревьев медных купола,
Как будто их начистил дворник.
Звенят, как грусть, колокола
В осеннем праздничном соборе.

О, птиц прощальные уста,
О, золотой поры мгновенья,
Нет ничего!
Лишь красота,
Достойная самосожженья!

Пусть будет вечным этот миг,
И эта даль, и бесконечность...
Да вот замечено людьми,
Что красота недолговечна.

***

Задыхается конь. Спешит.
Через колки скачет и реки.
Степь! Ты слышишь грохот копыт,
Тот, что брошен, как вызов, веку?
И уже нет пути назад,
Эй, давай, эскадрон, в погоню!
И в бессмертие вскачь летят
Из эпохи геройской кони.
Так звени же, домбры накал,
Над простором степного края!
Струны вещие аксакал,
Словно юность, перебирает.
От весенней памяти пьян,
Он спешит в голубое утро,
Где сорвал свой первый тюльпан,
Где входил он в юность,
Как в юрту.
Ты звенящей домбре подпевай,
Рыжегривый ветер солёный...
И качается малахай,
Как в степи одинокий подсолнух.
А джигиты вокруг собрались:
Как кумыс, эти песни целебны...
И косятся глаза кобылиц
На пиалу лучистого неба.
Может, это – всплески ресниц,
Может, годы, что в ливнях пройдены,
Может, гимн возвращенью птиц
На свою степную родину.
И вокруг – торжество добра,
Степь лежит без конца и начала,
Словно птица, рвётся домбра
Из поющих рук аксакала.

ЗАКАТ

Мой предок бесконечно дик,
Степным загаром прокопчённый,
Остановился у воды,
Закатом солнца поражённый.

И замерло в руке копьё,
Была отложена расплата,
Когда увидел он, как пьёт
Лосиха зарево заката.

Напрасно подавался знак
Ему, пленённому навеки.
А он, восторженный, не знал,
Что стал впервые… человеком!

ЗЕЛЁНЫЙ ЦВЕТ

Не бросайтесь в подушку лицом,
Если кто-то, самовлюбленный,
Называет вас в споре юнцом,
С той обидной прибавкой – зелёный.
И кляня этот глупый цвет,
Не найдя в то мгновенье ответа,
Не забудьте – ваш оппонент
Променял бы всю жизнь на лето,
На бушующий юности вал,
Тот, какому не повториться,
Потому что желтеют трава,
Люди, годы, события, лица.
И порой, сентябрём опалённым,
И в морозный синий рассвет
Тем, кто вас называл зелёным,
Будет сниться зелёный цвет.
И в потоке летящих лет,
Где шумят одиноко вётлы,
Берегите зелёный цвет,
Никогда не сдавайтесь жёлтому!

***

И солнце смешано с печалью,
И тихий смех сквозь горечь слёз...
И ты, как будто бы нечаянно,
Снежинку вырвешь из волос.

И вдруг поймёшь впервые, с мужеством –
Уходит лето, словно стон...
И в буйной зелени закружится
Сухой оранжевый листок.

Но стихнут ветер и усталость,
Да как подумать ты могла,
Что медь та с дерева сорвалась,
А нить серебряной была?

ИМЕНА

На лугу диковинном приляжешь,
И живой водою оросит...
Сколько было на Руси Лебяжьих,
Сколько их осталось на Руси!

Козырьком ладонь,
Подковкой брови...
И я вижу: столько лет подряд,
Перья облаков роняя,
Снова
Лебеди в Лебяжее летят.

И растёт проросших крыльев шелест,
И, склоняясь тихо до земли,
Выгибают вдаль лебяжьи шеи
Мудрые степные ковыли.

Я люблю названья сёл непышные,
Их имен старинных карусель.
Вот пишу, а где-то над Метлишино
Колдовская мечется метель.

Берегите добрые приметы,
Как побродишь по родным местам,
Заново почувствуешь планету
По нехитрым этим именам.

Козырьком – ладонь,
Подковкой – брови...
И я вижу сквозь века
Подряд:
Лебеди, роняя перья,
Снова
На заре в Лебяжее летят.

***

Когда-нибудь из дымки рыжей
Придёт то время издали,
Когда я вовсе не увижу
Цветами пахнувшей земли.

Не в силах вымолвить ни слова,
На радость или на беду,
Я вдруг от воздуха хмельного
В траву звенящую паду.

Протянет руки тоненькая ива,
Я посмотрю на мир издалека.
И будет вечно золотиться нива
И стынуть в карауле облака.

КОЛКИ

Тихо-тихо. Запряженный в тройку,
Мчится ветер в поле удалом,
Да сороки за деревней бойко
Всё судачат что-то о былом.

Мне опять почудится, как будто
Серебром мороза опалён,
В зареве восхода алым утром
Полыхнут, как смерч, шелка знамён.

И о землю твердую, как бубен,
Стон копыт в глухой дали забьёт...
И о медь трубач шальные губы
В миг тревоги первой разнесёт.

Но спокойно. И не воют волки,
Словно прежде, в поле ледяном.
Лишь стоят в снегу неслышном колки,
Словно принакрытые щитом.

Вспыхнет солнце. Иней, как корона,
На ветвях серебряных сверкнёт...
Мы теперь не ездим на коровах
За дровами, как в нелегкий год.

Не сломили нас,
Не сбили грозы,
Вьюги колки те не замели...
В шлемах белых сторожат берёзы
Древнее молчание земли.

КОЛЬЦО

Улыбкой светлой и прощально
Озарено твоё лицо.
И, как колечко обручальное,
Блестит степное озерцо.

И за курганами, за скатами,
За золотым раздольем нив
Кольцо то катится и катится,
Сиянье солнца уронив.

И путь его в степи неведом,
И словно часть моей души,
Хранят забытые легенды
В озёрах синих камыши.

КОНИ

По лугам бродят грустные кони,
Им теперь не слышать погони.
Не подняться уже по тревоге,
Не поспорить с ветром в дороге.

Ходят кони грустные-грустные,
Всё чубы им снятся русые.
Раздувают ветры калёные
Звёзды алые на будёновках.

Эй, безусые мальчишки,
Жарких сабель острые вспышки
Да победы звенящей страсть,
Та, что песней в веках запеклась.

Бродят кони в степных просторах,
Ну, а где-то заводят моторы.
Прямо в лунные рассветы
Высоко стартуют ракеты.

Что поделать – на то и техника,
На коне... далеко не уехать,
Но сквозь время летят в погоню
Эскадроны, эскадроны...

КОСАРИ

Как ударит гром в горны
Раскалённой зари –
И получатся добрые
Из дождей косари.
Полыхнут в небе молнии
Блеском огненных кос,
И пойдёт ходом полным
Сенокос, сенокос.
Струи тонкие хлынут,
Будут степи стегать...
Светло-русые ливни,
Собирайтесь в стога!
Кос звенящих шуршанье,
Как шуршит в поле рожь,
Только листьев дрожанье,
Только скошенный дождь.

КОСТРЫ ЗЕМЛИ

Горят деревья, реки и кусты,
Сжигают степь ковыльную закаты.
А на земле – костры, костры, костры.
А на земле рождаются солдатами.
А на земле смеётся детвора,
А на земле-то тишина какая!
А на земле рокочут трактора,
А где-то ярость пушек не смолкает.
...Нетороплив высоких мыслей бег,
И ничего из памяти не стёрто...
И в поле через годы человек
Идёт в солдатской рыжей гимнастёрке.
И вспыхивает сердце на ходу
И замирает потому, наверно,
Что в нём и в мирном нынешнем году
Еще дымится грозный
Сорок первый.
Как пуля, эта память горяча,
Упав подстреленною птицей с лёта,
И в выхлопах шального пускача
Всё слышен лай свинцовый пулемёта.
В атаку поднимаясь в рост
Во сне,
Ах, время, время,
Как же ты жестоко...
Зачем, солдат, всегда ты на войне –
И в забытьи
И в памяти далёкой?
Но был солдат тот ветром опалён,
Но был солдат тот дерзким и упрямым,
И сел солдат в целинный эшелон,
И укатил за синими ветрами.
А в том краю полнебища зари,
А в том краю ковыльи перекаты
В краю том, будто бы богатыри,
Сутулят плечи башни элеваторов.

Еше живёт мгновение курка,
Но в кузов бьётся вьюжная и буйная
Пшеницы золотистая река
Из рукава сверкающего бункера.
Да будет это много, много лет,
Да будет солнце, поле и опушка,
Да будет хлеб,
Пахучий щедрый хлеб,
Да будет хлеб могучей всяких пушек!
Костры земли горят, горят, горят
У дня и ночи,
Где-то там, на грани.
И нет сильнее призванных солдат
И мирных хлеборобов по призванью.

ЛЕС

У степи порой повадки лисьи,
Машет полдень ковылём седым.
И проходят грозы где-то близко,
Только мы стеной, как лес, стоим.

И мужскими крепкими руками,
Матерея, словно мудрый лес,
Держимся, как дерево корнями,
За любовь и верность на земле.

Только бури выбивают сучья,
И летит по лесу сизый дым.
Потому так долго и беззвучно
Мы, как листья осенью, шумим.

И заламывает ветер ветви,
И цветы тревожно в даль глядят.
Впрочем, что я говорю об этом,
Просто – скоро будет листопад.

***

Летом мне не хватает снега
И салазок звонкого бега,
А зимой – зеленеющей ивы,
Серебристого плача иволги.
А ещё журавлиной стаи,
Улетающей вдаль, не хватает.

Дни пройдут. И снега растают.
Мне чего-то всегда не хватает.
В радость мне не хватает грусти.
Когда тихо – то песни русской,
Ночью мне не хватает дня,
В холод – ласкового огня,
Когда дождь – голубого неба,
Когда сыт – то ржаного хлеба.

ЛИЦА

Войдите в галерею лиц,
Знакомых и полузабытых,
И редькой вверх,
И редькой вниз,
Нам не всегда они открыты.

То неприступны, как скала,
А то, улыбкою сражая,
До мелочей,
Как зеркала,
Они нам душу отражают.

И просто так, и сквозь очки
Предстанет столько лиц невольно,
Застёгнутых на все крючки,
Распахнутых, как будто поле.

И ты попробуй разберись,
Где лести мёд, а где радушье,
Где торжество прекрасных лиц,
Где пустота лиц равнодушных.

Той галерее нет конца...
Но все же больше всех на свете,
Страшусь приятного лица
С неразличимой маской смерти.

МАТЬ

Бодро в хату родную вваливаюсь,
И кружусь я по ней и топаю...
Ну, а мать мне – мораль о валенках.
Ну, а мать – о носках незаштопанных.
Ну, а мать непременно выразит
Между делом, между пышками,
Что, мол, вот сыновей повырастишь,
А они – письма́ не напишут.
И ожгёт, как молния, жаркая,
Где-то мысль в уголке укромном,
Что опять забыл о подарке –
Самом маленьком, самом скромном.
А сама каждый раз вручает –
Не проводит пустым с порога...
И опять провожает ворчаньем –
Наставленья даёт в дорогу.
Ну, а мы по свету слоняемся,
Ну, а нас гонит ветер странствий,
А она – будто извиняется,
Будто к этому делу причастна.
И когда нам становится больно,
Пристаём мы к родному берегу...
И листаем тетрадки школьные,
Что нам мать сохранила бережно.
А назавтра – искристым утром,
С облегчённым надолго сердцем,
Мы вникаем в житейские мудрости,
Добавляя в пельмени перцу.
Мама, мама, морщинок складки,
Как у трудного серого хлеба,
Что себя отдаст без остатка
И взамен ничего не потребует.

МОЛЧАНЬЕ

Нет, не всегда молчанье – золото!
Особой в том заслуги нет.
Иной раз скажешь только слово ты,
А скольких сбережёшь от бед!

Когда вас кто-то бьёт отчаянно,
А на устах друзей – печать,
Тогда не золото – молчанье.
Предать вас – значит промолчать!

МОЯ НЕ ПЕРВАЯ ВЕСНА

А нужен ль нашим вёснам счёт?
Да, он кому-то очень нужен.
Вот, как берёзка, в мир завьюженный
Десятиклассница идёт.

Смотрю в улыбчивые лица,
Что не подёрнуты ледком...
А может, взять да заблудиться,
Да в ту весну уйти тайком.

В ту первую – уйти, как в небыль,
Туда, где столько лет подряд,
Крылами раздвигая небо,
Как снеги, лебеди летят...

Нам тот полёт необходим,
Я снова птиц весенних вижу.
С весною каждой – до седин,
До первых заморозков ближе.

И я хочу, чтоб были в них,
И все сегодняшние были,
И отблеск лет тех грозовых,
И чистота степи ковыльей.

И как высокое мгновенье,
Неистребима и ясна,
Неси, неси мне обновленье,
Моя не первая весна.

Вдоль шумных улиц я брожу
И солнцем вёсен память грею...
Нет, я о первой не тужу,
Вторая – всё-таки мудрее.

***

На ветках тихо догорает лето,
И оттого становится грустней,
Что в облако заснеженное вдета
Серебряная цéпочка гусей.

Сквозь синевы плескучую путину,
Сквозь тронутые золотом леса
Она вдруг обернётся паутинкой
В нагретых теплым солнцем волосах.

Не вырывайте!
Пусть она останется,
Заметьте то мгновение, когда
Та паутинка тянется и тянется
Через
Деревья,
Годы,
Города!

***

На земле всё не вечно,
Только вечны всегда
Синь небес бесконечных,
И снега, и звёзда.

Эх, пролиться б дождями,
Быть и всплеском воды,
И печальным дрожаньем
Одинокой звезды.

Белым снегом черёмух,
Звоном колоса в зной,
Ивы сладостной дрёмой
Над степною рекой.

Чтоб закат долго-долго
Над землей полыхал,
Чтобы кто-то в восторге,
Как и я, замирал.

***

Не торопитесь рано в взрослость,
Еще придёт к вам та пора,
Где росы – это только росы,
А не разливы серебра.

Где небо – это только небо,
Трава, так только лишь трава,
Где нет ни сказок,
Ни волшебниц,
И – никакого колдовства.

И не взорвётся град гранатой,
И будет целый мир скучней,
Брожу я грустным эмигрантом
По странам взрослости своей.

Где просто всё
И так непросто...
Где всё игра и не игра...
Не торопитесь вы во взрослость,
Еще придёт к вам та пора!

ОБОЙМА

Мы в обложку одну наряжены,
Мы в обойму одну заряжены.
Ох, и тоненькие книжонки.
Голоса в них, наверно, не звонкие.

Хотя, может быть, всё-таки разные,
Я последний!
Ах, чертова азбука.
Ну кому тут напишешь прошение,
Нахожу для себя прощение.

Ну представьте: уходим в бой мы,
Остается одна обойма.
Вспышки выстрелов в синий дым,
Остается патрон один.

И представьте, что в этой сече
Вдруг курок мой даёт осечку,
Значит, этот заряд был зря,
Значит, мне ошибаться нельзя.

Разлетаются мысли искрами,
Я в обойме – последним выстрелом.
Мы ведь тоже ведём свой бой,
Откровением и добротой.

Пусть же строки снарядами рвутся,
Мне никак нельзя промахнуться!

ОДА КАРТОШКЕ

Пропахло синим дымом небо,
Картошку мы печём в золе.
Её вторым считают хлебом
Недаром, видно, на земле.

Ветрами войн насквозь продуты,
Нам говорят отцы всерьёз,
Что им без этого продукта,
Наверно, туго бы пришлось.

Я знаю сам: картошка – сила!
Как снег, рассыпчата, бела,
От злого голода Россию
Она, наверное, спасла.

Заправлена воображеньем,
Неся своё названье звонко,
Была нам высшим угощеньем
Простая русская толчёнка.

Не сосчитают, видно, люди, –
Я в том их вовсе не виню, –
Какие существуют блюда
В большом картофельном меню.

И долго будут помнить в мире,
Раскиданном на тыщи вёрст,
Картошку русскую в мундире
В тряпице соль – крупицы звёзд.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Везут машины золотистый груз,
И от курганов веет былью древней...
Есть в осени особенная грусть
В полёте птиц и в шорохе деревьев.

И в жёлтом спелом звоне колоска,
И в облаках, что пролетают мимо,
И рвётся в душу осень, как тоска,
По той одной, единственной, любимой.

Еще в степи закаты широки,
Раскинувшись на сотни километров,
Как щедры лета бабьего мазки
На позаброшенном степном мольберте.

А дни стоят по-прежнему светлы.
Но так легко теперь в них обмануться.
И догорают на лугах цветы,
Чтобы вовек на землю не вернуться.

Крик журавлиный в небе потонул,
Печально факелов багряных шествие...
И лето умирает потому,
Что в осени достигло совершенства.

ОСТРОВОК

Я стою у весны на стрежне...
Бьёт по жилам весенний ток.
Затерялся в полях безбрежных
Рафинадной зимы островок.

Среди буйной весенней замяти,
Словно вьюг ослепительный смех,
Он воздвигнулся, будто памятник
Непокорной снежной зиме.

Только я каждый раз замечаю,
Уходя на весны огонёк, –
Он, как сахар в стакане чая,
Тает в ясный погожий денёк.

И на этом месте мятежно,
Раскрывая смысл доброты,
Поднимаются вверх подснежники,
Удивительные цветы.

Распустив зеленые лычки,
В степь парадом проходят они,
Как дозорные пограничники,
На границе зимы и весны.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Жгли боги в топке неба солнце,
Кипели в пекле облака,
Но шли вперед первопроходцы
Тропою длинной, как века.

Навстречу плыли мили, мили...
О жизнь, короткая, как взрыв,
Вы в неизвестность уходили,
Своих америк не открыв.

О, правота земного права!
Ушедшие в забвенье лица...
И ты, замученная правда,
В тисках суровых инквизиций.

Сгорает убеждений верность,
Но вижу сквозь века и бури,
Как из костра родился Бруно
И крутит шар земной Коперник.

ПЕСНИ ВОЙНЫ

Брезент под мокрым ветром с пушек рвался,
И были все огни притушены...
Кружились вы одни в случайном вальсе
На самом остром краешке войны.
Нам годы те не могут отосниться,
Еще полны тем временем сердца,
Как будто провожает на позицию
По-прежнему та девушка бойца.
Как будто бы ещё повестку почта
В той сумке на ремне не принесла,
Как будто скромный синенький платочек
Еще всю жизнь свою не берегла.
И пусть уже прошли десятилетья,
Но в памяти твоей всегда жива
Прощальная улыбка, чуть заметная,
И дорогого взгляда синева.
Как будто звуки, как дождинки, льются,
Перебирая в памяти за ладом лад...
Да где ж упал под Ржевом иль под Курском
Тот самый незнакомый лейтенант?
Пусть горестно концы платка опущены.
Но взгляд, как прежде, тот же, молодой,
Так много лет подряд
По-прежнему Катюша
Выходит на берег,
Высокий и крутой.

ПЛАНЕТА

Вот он – пышный,
С корочкой пахучей,
Как от солнца, от него светло.
Хлеб, наверно, тёплый, потому что
Сохранил поющих рук тепло.
А ещё он тёплый потому что
Сохранил тепло полей навек.
Умирают яростные пушки,
Если с хлебом дружит человек.
Пахнущую мёдом и рассветами,
Словно из пылающей ночи,
Маленькую круглую планету
Достают неспешно из печи.
Дышит она полной грудью поля.
Сколько солнца ей дано хранить!
Никому на свете не позволю
Даже крошку хлеба уронить!

***

По степи стелют кошмы
Ветерки, ветерки.
Солнце звонкое скошено
В золотые валки.

Полинявшей матроской
Синь комбайнер поджёг,
Огоньком папироски
На комбайне – флажок.

И как птицы, как птицы,
Полога, полога.
И пшеницы, пшеницы
Берега, берега.

Как наплыв, из тумана
Степь, мазут и бензин.
Всюду только комбайны –
Никаких бригантин.

Пляшет солнце, как маятник,
День от пыли ослеп...
Только к чёрту романтику,
Не в романтике хлеб!

ПОГОДА

Как в тумане небесная оптика,
Врут, в какой уже раз, синоптики,
Предвещая погоду отменную,
Ну, а в небе туч пересмена,
И включают шофёры «дворники»
И сидят за рулём, как затворники,
И в забытой районной столовой
В адрес неба – крепкое слово!
Ручейки с дождевых плащей,
Устоявшийся запах щей,
И набор разных шуток солёных,
И дымок самокруток смолёных,
И с картины укор негромкий
Всем знакомой нам «Незнакомки».
Не беда, что многим нет места,
Что порою невкусно да тесно,
И отсутствует книга жалоб,
Если хлебом да солью жалуют.
Не согласен я с разной критикой,
Если жалобы пишут нытики,
Как дожди, бесконечно нудные,
В столкновении с первой трудностью.
Не всегда будет небо синее,
Степь выносливых любит да сильных –
И щедра она в самом деле,
Если дождь зарядил – на неделю!
Если грозы – так это грозы!
И тогда бессильны прогнозы.
И туманится неба оптика,
И пора бы в отпуск синоптикам.

***

Пришла пора взглянуть с тобою
На дни, что, как дворцы, светлы...
Какое небо голубое,
Какие буйные цветы!
Ну кто почувствовать бы мог
В душистый зной
Под звон колосьев
Тот самый первый холодок,
Что невзначай приносит осень.
И я заметить не успел,
Когда бродил по травам сонным,
Как вместо солнца
Догорел,
Рассыпав искры в степь, подсолнух.
Как светофоры, желтый, красный,
Горят цвета полей сейчас...
Не с совершенства ль этих красок
Уходит молодость от нас.
И вспыхнут первые костры
Багрянцем осени печальной...
О, сколько скрытой красоты
В том увядании начальном!

***

Пусть из рук наших дальних сверстников
В глубину голубой высоты
Белым взрывом рвутся подснежники –
Островки самой доброты.

Чтобы там поля, как поверья,
Оживали в туманной мгле,
Пробуждая древнюю-древнюю
И святую любовь к земле.

Мы уходим – распахнут ворот –
В степь, где звонко царит весна.
Скоро жёлтою струйкой в просторы
Поплывут янтари зерна.

Облаков величавые стаи
Всё бегут, куда взор ни кинь.
Может быть, это просто растаяли
Рафинадной зимы островки?

Хорошо на лесной опушке
Под гранёным весенним лучом...
Пусть звучат только мирные пушки –
Только сеялок радостный гром!

Мы идём по планете молодо –
И улыбка у нас светла –
На границе тепла и холода,
На границе добра и зла.

Ветер треплет косынки шалые,
В косы тысяча солнц вплетена,
Где-то там, на земном нашем шаре,
Островками идет война.

И шагает, весь мир вздымая,
Ощущая его на вес,
Юность в синей косынке мая
С алой песней наперевес!

***

Пусть мороз выбивает морзянку.
Только песней память тронь,
Вспоминается сразу землянка
И в печурке тесной огонь.
Это, может, совсем не просто,
И мечта моя нелегка:
Если б в наши сердца подбросить
Из печурки той уголька.

МОЁ ПРИИШМЬЕ

Пусть просто запах хлеба,
Седая мудрость пня.
Пусть не ракетой в небо
Нацелена копна.

Пусть вечера не дивные,
Пусть просто у орла
Совсем не реактивные
Раскинулись крыла.

Где б ни встречал я росы,
Несу всегда с собой
Зелёные покосы,
Степи седой покой,

Нехитрые просторы,
Ветров полынных злость,
Да солнце то, что в формы
Ромашек отлилось,

Шершавые колосья,
Шум нивы за бугром
Да песню проголосную
О чем-то дорогом.

Пусть вьётся в синь бездонную
Кизячный сизый дым,
Пусть нет реки диковинной,
А просто есть Ишим,

Озёр вода незрячая
Да ржавчина куста...
Чем красота неярче,
Тем ярче красота!

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Снег в сентябре пошёл на диво
Свирепой огненной крупой,
Пошёл такой несправедливый,
Такой непрошенный и злой.

Какое это время года?
Скажите,
Дайте мне ответ...
Смешала краски все природа
В предательский и хитрый цвет.

Времён и месяцев смещенье,
Смешенье возрастов и лет...
И в том неистовом смешенье
Преобладает белый цвет.

Крылом, как лебедь, небо машет
И сыплет первой сединой,
Колосья, как войска на марше,
Встают единою стеной.

И серые от непокоя,
Мои ровесники в степи,
Как будто бы на поле боя,
В одном строю,
В одной цепи.

Готовы были хлеб собою
Прикрыть от яростных невзгод,
Когда по полю золотому
Шрапнелью снег с размаху бьёт!

...Моторы стыли в далях дальних.
И кто-то вымолвил в тот миг
С какой-то высшею печалью:
– На фронте легче, чёрт возьми!

И стали в строй под свист метели,
Могущей вспыхнуть, как бензин,
Готовые надеть шинели,
Все как один,
Все как один!

И перед этой самой ратью
Бледнел небесных сил накал.
И снег колючий и косматый
Не устоял и... перестал.

И снова сквозь лихую слякоть,
Сентябрьским снегом опалён,
Бросает бригадир в атаку
Степной гвардейский батальон.

СНЕГИРИ

Посмотри на снег, посмотри.
За окном – разноцветное зарево.
На снегу горят снегири,
Как на ёлке колкой фонарики.

Сколько надо им выдержать вьюг,
Сколько красок им тёплых рассеивать!..
Соловьями славится юг.
Снегирями светится север!

СНЕЖНАЯ ДЕРЖАВА

Входите в снежную державу,
Где, самобранкою стеля,
Снег невесомый плавно-плавно
Ложится тихо на поля.

Где так причудливы деревья,
Где стынут в поле, задремав,
Дрожащие огни деревни,
Стога, как будто терема.

Пойду направо иль налево,
Я перепутал век и час,
Зима одета королевой,
Зима невестится сейчас.

То хрустнет снег, то ветер дунет,
То тайным блеском вспыхнет лёд.
Как жгучая коса колдуньи,
Позёмка белая ползёт.

И шорох с тихой тайной смешан,
И всё мне кажется, что вот,
Как в давнем сне, дремучий леший
В державу зимнюю войдёт.

Скрипят полозья и салазки,
На ветках серебро звенит...
И нерассказанною сказкой
Зима державная лежит.

СТЕПНАЯ РОДИНА

Солончаки. Солончаки.
В упряжке ветра степь буксует.
Не разжимая губ сухих,
Полынь горючая тоскует.

Здесь был, наверно, край земли...
И тихо шествуя за нами,
Как аксакалы, ковыли
Качают мудро головами.

И кажется, ветра веков
Седые бороды щетинят...
И как ладони мужиков,
Земля изрезана морщинами.

И колос, словно косы, рус,
И пахнет чуть жнивьем палёным,
И небо кажется на вкус,
Как озеро, горько-солёным.

СЧАСТЬЕ

И с участьем,
И без участья
Не желайте, друзья, мне счастья.
Не прибавят его ни грамма
Поздравительные телеграммы
К дням рожденья
И к праздничным датам –
Просто счастье не терпит стандарта!
Пусть вам в сказочных снах приснится
Золотое перо жар-птицы...
Только в жизни совсем иначе:
Есть удачи
И есть неудачи,
Есть вокзалы и есть причалы,
Есть веселье и есть печали,
Есть сверкающий миг молчанья,
Есть безмолвный крик отчаянья,
Есть забота и есть работа,
Иногда – до седьмого пота.
Счастье – это бросок полёта,
Это груз бесценных хлопот...
Это просто когда чего-то
Нам с тобою недостаёт.
Это трудных распутий тыщи,
Это то, что мы вечно ищем,
И его никогда не находим,
И опять в вечный поиск уходим.

ТИШИНА

Тишина.
И ветка не хрустнет.
Только тихо вздрогнет волна.
Сколько смысла
И сколько грусти
Ты таишь в себе, тишина.
Пусть порой тишина обманчива
Только чутко её хранят
Полусумрачный лес загадочный,
И горящий в полнеба закат,
И сверкающий луг ромашек,
И огромная синева,
И платок, что вслед тебе машет,
И невысказанные слова.
Не люблю ничего крикливого,
Пусть плывёт и плывёт тишина
Хороводами журавлиными,
Тихой сказкой зимнего сна.
Я желаю в век сверхактивный,
Когда нервы напряжены,
И ветрам,
И винтам реактивным
Тишины,
Тишины,
Тишины.

ТРОЙКА

Тебе меня не докричаться,
Качнётся на метле метель.
Я буду мчаться, мчаться, мчаться
В пургу за тридевять земель,

Где смешан ветер с синей ранью,
И эта даль и эта высь,
И только снег, и только сани,
И только вслед разбойный свист,

И только вслед простор огромный,
Позёмка, что белее льна,
И в небе ледяной короной
Плывёт загадочно луна.

И звёзд-снежинок лучезарных
Касаясь, тройка нас несёт
За грань ту, где кончался старый
И начинался новый год.

То холм, то тихая равнина,
А ну, залётные, резвей!
Ну кто сказал вам, что машины
Быстрей стремительных коней.

Вон как выплясывает бойко,
И только ширь и только гладь...
Мне кажется, на этой тройке
До космоса рукой подать!

УВЕДИ НА ЛУГА

Уведи на луга меня ты,
В голубые свои просторы,
Где дымят колдовские цветы
Из осколков свинца и пороха.

Уведи на луга меня ты,
За туманы свои незрячие.
Отчего у тебя цветы
Неспокойного цвета ржавчины?

Отчего в лесах тишина
И о чем же тоскуют ветры?
И как древний шелом, копна
На тревожную землю одета.

Ощетинились зло плетни,
Паруса облаков опущены...
И с откоса сосна летит,
Как стрела, что из лука пущена.

ШАХМАТНАЯ КОРОЛЕВА

И направо смотрю
И налево,
И спокойна моя душа.
Но вдруг шахматная королева
В сказку елочную вошла.

Под огней серебристые ленточки
Пронесла в серпантинный рай
Платье в чёрных и белых клеточках
И корону из серебра.

И в манящих огнях, волнуясь,
Я вдруг чувствую – шах мне, шах!
И смотрю, как делает в юность
Детство робкое
Первый шаг.

И направо смотрю
И налево,
В ритме вальса кружится земля.
Подрасти бы чуть-чуть королеве,
Превратиться бы мне в короля!

***

Ах, кони деревянные,
В них с самого утра
Играла окаянная
Лихая детвора.
И я верхом на палочке
Летел во весь опор
По кочкам да по балочкам
В невиданный простор.
Ах, кони! Чудо-кони!
Как детство помнит вас,
В сраженьях и погонях
Бывали вы не раз.
В мальчишьих схватках бурных
В бурьяне пыль подняв,
Не кони – Сивки-бурки
Неслись из сказок в явь...
Теперь другие дети,
Взрослее и умней,
Сменили на ракеты
Стремительных коней...
...Не высекут подковы
Задорный сноп огня,
Ведите мне лихого
И верного коня.
Чтоб, как в легенду,
Снова, не замечая лет,
С последним эскадроном
В гражданскую лететь.
Чтоб взять нам, непоседам,
Прямой атакой в лоб
Свой первый и последний
Бессмертный Перекоп.

***

В медлительное лето,
Прозрачна и легка,
Сквозь ил тысячелетий
Вплетается река.

А на крутой излуке,
Где греется песок,
Лениво бродят щуки
У зарослей осок.

Сверкают солнцем волны,
Упруги и туги,
Но жутко вяжут омуты
Дремучие круги.

Ты слышишь и …не веришь:
У краешка скалы –
Свист не степного ветра,
А пущенной стрелы.

Под хмель разбойной песни
Не здесь ли в пропасть дна
Вдруг уронила перстень
Пленённая княжна!

Рванулась в глубь тягучую,
Спасаясь от беды,
И... ивою плакучею
Выходит из воды.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Вот так и сто, и тыщу лет назад
Безмолвный снег к ногам бесшумно падал,
И я ещё могу тебе сказать,
Что ни о чем нам сожалеть не надо.
И все обиды хочется простить
В круженье ёлок, в снежной карусели...
Как хорошо немного погрустить,
Когда гремит всеобщее веселье.
От огоньков-фонариков светло.
Звенят узоры тихо на окошках...
Ах! Как невозвратимо занесло
Метелью белой стёжки и дорожки.
Где стёрты все ступеньки прежних лет,
И нам уже назад не оглянуться.
И только карнавальным блеском вслед,
Мигая светом, звёзды елок льются.
И я лечу легко, как в светлом сне,
Что заметает боли и невзгоды.
Стихает ветер,
Тихо-тихо снег
К ногам неслышно падает, как годы.

***

В увяданье – особый свет,
И величье своё, и гармония,
И дают прощальный концерт
Птицы в звонкой лесной филармонии.

И смотрю я, как лес продрог,
Как туманится неба просинь,
Да с полей горьковатый дымок
Треугольники птичьи уносит...

***

Весна рождается в мороз
И пахнет еле уловимо...
Вот ветер, как намёк, принёс
Луч солнца, чуть пропахший дымом.

И звонко золотится снег,
Сверкает стог, играют тени,
Запечатлеть бы мне навек
Весны те первые мгновенья,

Когда ледком, белым-бела,
Зима залатывает лужицы,
И вьюга – с солнцем пополам,
И синева со снегом кружится.

Вот так же и мои года
Летят с метелями попутными...
Пришла ко мне пора, когда
Зима с весною перепутана.

***

Вхожу в распахнутый простор,
Где колки в малахаях лисьих,
Где осень, как монетный двор,
Чеканит бронзовые листья.

Из стёкол мир, светлым-светло,
Я узнаю погоду эту.
Бывает осенью тепло,
Как будто вновь вернулось лето,

Нам снова наши вёсны снятся,
И кажется, ветрам назло,
Вчера лишь минуло семнадцать
И вьюгой их не замело.

И солнце ласковое светит,
И всё мне дорого до слёз.
Задумчиво играет ветер
На белых клавишах берёз.

***

Есть слова, что, как день, светлы,
Что нам мир и счастье пророчат,
Распускается слово «цветы»,
Как родник, журчит слово «дочери».
Есть слова, что волнуют нас,
Окрыляя радостью звонкой.
Сколько красок в слове «весна»,
Сколько солнца в слове «сестрёнка»!
Загляните в словарь любой,
И в душе оживут незримо,
Как поэма, слово «любовь»,
Как подснежник, слово «любимая».
Слов высоких не занимать,
Но не сыщешь слов благородней.
Чем прекрасное слово «мать»
И священное слово «Родина»!

***

Живёшь, как в тихую погоду...
Но где-то после тридцати
Заметишь ты, как сладок воздух,
И так захочется уйти
Туда, где вдруг с особой силой
Поманят нас к себе до слёз
И облаков косматый иней,
И дым из труб, и звон берёз.
Где в пробуждении напевном
Ложатся в полдень веселей
Косые тени от деревьев
Вдоль фиолетовых полей.
И вмиг рассеются утраты,
И вспыхнет в сердце тайный свет,
Как вера в нечто невозвратное,
Чему в душе названья нет.

ЗАДАЧА

Я решал её со старанием,
Но не мог решить, хоть убей,
То таинственное расстояние
Между пунктами А и Б.

На листочке с задачей запутанной,
И с забытой запиской к тебе,
Нелегко приходилось путнику,
Не дошедшему в город Б.

Но летели со свистом годы,
Поезда торопились, трубя,
И однажды в том пешеходе
Я узнал самого себя.

Никуда от себя не деться,
Долго в поиске истин плутать,
Невозвратна дорога в детство,
Нет обратных путей в пункт А.

***

И миг, и тишина полей,
И рейд далёких журавлей,
И неба купол голубой,
И шорох трав перед грозой,
И дальний лес, и луг в тумане –
Нас всё таинственностью ма́нит.

И мы грустим порой украдкой,
Что наступает вдруг пора,
Когда находим ключ к отгадке,
К тому, что нам даёт игра.

Случайно или не случайно,
Но как нужна нам эта тайна
Внутри предметов и людей,
В полёте птиц и ковылей!..

То тайна в радости и грусти,
В морщинах лиц и в песне русской,
В платке, что поезду вслед машет,
В разливе солнца и ромашек,
И в терпком запахе полыни,
И в том, чему ещё нет имени,
И в том, что мучает нас сладко,
На то и мир, что он загадка!

К НАМ ВОЗВРАЩАЮТСЯ СНЕГА

Скирдуя облака в стога,
В неистовой весенней дрёме
К нам возвращаются снега
В цветенье яблонь и черёмух.

И, видно, в эту пору к нам
С зарёю ясной, небом синим
Приходит поздняя весна,
С души сдувая первый иней.

Ну отчего же, отчего ж
Неистребим цветенья запах!
И яблоню бросает в дрожь,
И ты плечом поводишь зябко.

С ветвей спускается рассвет
На заводь тихую несмело,
Летит на землю белый цвет,
И ничего с ним не поделать.

В какой уж раз мне постигать
Круговорота смысл огромный:
К нам возвращаются снега
В цветенье яблонь и черёмух.

День удивительно погож,
И щебет птиц – на всех наречьях,
И хочется поверить в ложь,
Что всё на этом свете вечно.

***

Как всё с тобою мимолётно –
Бег облаков, обрывки сна,
Мигнувший огонёк за поворотом,
Туман полей и тишина,
И первых птиц очарованье,
И дрожь весеннего листа.
Как миг волнующий свиданья,
И завороженность лица,
Мир звуков, шорохи и тени,
Всплеск ливня, и сверканье гроз,
Таинственных цветов смятенье,
Раскаты струн, разливы рос.
И уходя куда-то в странствия,
Узнаешь мир, каким он есть,
И всё твоё непостоянство,
И горечи, и счастья весть.
Но я ещё душой постиг
В её исканьях бесконечных,
Когда бывает вечный миг
И словно миг
Бывает вечность...

***

Какая чудная погода
Стоит на улице, когда
Обиды все и все невзгоды
Снег заметает навсегда!
И отступает всё плохое,
И сердце просится в полёт.
Густыми хлопьями пуховый
Над степью снегопад плывёт...

***

Какой тревогой тайной сердце дышит,
Как что-то обрывается у нас,
Куда зовёт, когда случайно слышишь
В последний раз
Прощальный школьный вальс.

Мне б с юностью своей хотя б полкруга
Пройти, касаясь тайного огня,
Но я стою...
И снежных платьев вьюга
Уносится всё дальше от меня.

И юность, как несмелая девчонка,
Дверь закрывает тихо за собой...
Ах, как метёт черёмухи позёмка,
Похожая на бал тот выпускной!

***

На ветру, прямо в синее небо,
Взмахи крыльями делая косо,
Вылетают, как гуси-лебеди,
Развороты газет из киосков,
Вылетают, будто к разлуке,
На вокзалах, в проулках, на пристанях,
Но их ловят крепкие руки,
Но в них смотрят пристально-пристально,
Чтобы правды услышать голос,
Чтоб увидеть, как в далях целинных
Наливается бронзовый колос
И рокочут гулко турбины.
Вылетают гордые птицы,
Их к себе звонко манят просторы...
И шуршат, как знамёна, страницы
В электричках, в домах и в конторах.
А в степи, по расхлябанной грязи,
Катит чудом старенький газик,
По расщелинам, по распутице...
Как ротация, крутятся, крутятся
Без конца и без промедления
По дорогам снега метельные.
И до цели совсем не скоро.
Но такая должность спецкора...
И в вагончиках неуютных
Мы ночуем, и нам не тесно...
Лишь бы только вовремя к людям
Постучались добрые вести.
Чтобы прямо в синее небо,
Взмахи крыльями делая косо,
Вырывались бы, словно лебеди,
Развороты газет из киосков.

***

На закат, любимая, взгляни-ка,
Задевая краешком лесок,
Солнце спеет, словно земляника,
Чуть надавишь – сразу брызнет сок.

Мы уходим... Дорого и любо,
Рдеющие ало, как закат,
Пахнут земляникой твои губы
Да полынью чуточку горчат.

Всё, как прежде, будто в самом деле
Ненадолго в юность мы зашли,
Только земляника отгорела
Да давно закаты отцвели.

И пожалуй, мы не виноваты,
Что однажды летнею порой
Ощущаем привкус горьковатый
Ягод тех, не собранных с тобой.

ТВОРЧЕСТВО

Опять не пишется мне что-то,
Уже исчёрканы листы
Корреспондентского блокнота.
И всё-таки они чисты.

Но снова, в груде мыслей роясь,
Зажав ладонями виски,
Идёшь мучительно на поиск
Одной, единственной строки.

ОРЛЫ

Орлы не гибнут в вышине...
Они неласковую землю
В огромной синей тишине
Крылами жадными объемлют.
С метелями, с дыханьем гроз,
С дождями шумными и градом,
С эскадрой марсиан-стрекоз
В блестящих голубых скафандрах.
И ринутся снарядом вниз,
В травой напоенную небыль,
И будет ликовать всё так же жизнь
И голову кружить хмельное небо.

ОТЧЕСТВО

Ту память на весах не взвесить!
Грозой военной рождены,
Мы ждём отцов своих, ровесники
Отечественной войны.

Составам проходящим машем.
Там едет день какой подряд
Тот самый, кто совсем не маршал,
А просто старший лейтенант.

Но выше званий всех на свете
Еще есть звание отца,
Того, кого впервые встретил
Я в сорок пятом – у крыльца.

Играют на медалях вспышки...
И мать, опомнясь, наконец,
Мне молвит, чуть жива: «Сынишка,
Вернулся с фронта твой отец!»

Чуть виноватая улыбка
Мне на его лице видна...
И между нами – та, Великая
Отечественная война.

И мне бежать куда-то хочется,
И нет у радости конца...
И у Отечества есть отчество
И есть начало – от отца.

ПАМЯТЬ

Вагоны тихо дрогнули, запели,
Качнулась в небе дальняя звезда,
По памяти, как будто по туннелю,
С включённым светом мчатся поезда.

В них нет свободных мест, они забиты.
За перестуком лет – за стыком стык –
Чего ищу я в днях полузабытых,
Каких друзей и недругов каких?

Как проводник, билеты проверяя,
Заметим вдруг на дальнем полпути,
Что много спутников мы верных потеряли,
Не успевая новых обрести.

Друзья уходят! Книгу лет листая,
Вдруг удивишься на краю земли:
Да на каком же это полустанке
Они так неожиданно сошли?

И вот уже вагоны опустели,
Уходят пассажиры навсегда...
По памяти, как будто по туннелю,
С включенным светом мчатся поезда.

***

Парни из двухтысячного года,
Как дела? Какая там погода?
И какие птицы? И какие песни?
Нам все это очень интересно.
Знаю, прочно встали в ваши были
Космос, химия, электромобили,
И межзвёздных лайнеров посадка,
И сердец непрочных пересадка.
Многих нам чудес уже не видывать,
Но не будем очень вам завидовать
Просто потому, что век двадцатый
В эскадронах лет прошел солдатом.
Он вставал, продымленный и горький,
В боевой солдатской гимнастёрке.
Яростный,
Напористый,
Открытый,
Из огня,
Из пепла
И гранита.
Вы из века своего взгляните –
Вот он,
Воин,
Зодчий
И строитель.
И в годах, качнувшихся, как маятник,
Будет он стоять, как вечный памятник.
Из бетона,
Смеха,
Солнца,
Света
Он построил новое столетье.
Пусть же впишется в него неброско
Легкая, как девочка, берёзка,
Из стихов придёт, как из тумана,
Тихая царевна Несмеяна.
Пусть поёт, как радость, вам природа,
Парни из двухтысячного года.

ПЕТРОПАВЛОВСК

Ветром кизячным иссечены...
Камни, как люди, помнят
Древние битвы и сечи,
Говор мечей и погони.
В складках-морщинках зданий
За перекатами лет
Сколько таится преданий,
Светлых поэм и легенд!
Вижу, как дым Отечества
Синий туманит взор...
Как командарм Тухачевский
Смотрит в степной простор.
Веером в небе полночном
Ветры над городом кружатся...
На привокзальной площади
Руку вздымает Куйбышев.
Ветры на улицах кружатся,
Башенных кранов армия...
Что же мне давнее чудится
В острых башенках старых!
Что за трехглавым собором
Явственно видится мне!..
Кто там, в полынных просторах,
Скачет на красном коне!
На стременах он привстанет,
И за рекою степной
С гиком рассыплются всадники
В шлемах с горящей звездой...

ПОЗДНЕЕ ЛЕТО

Еще до самой полуночи
Закаты ясные алеют...
А дни становятся короче,
А годы наши все длиннее.
Еще гусиный треугольник
На юг не держит путь тревожный,
Но отчего-то сердцу больно.
А отчего – сказать не можешь.
Еще усталость нам украдкой
Не отражают зеркала,
А смотришь – паутины прядка
Осенний тихий свет зажгла.
Не зная сам, чего же хочешь,
Всё бродишь в парке по аллеям...
А дни становятся короче,
А годы наши всё длиннее.

***

Помолчать...
Обо всём забыть.
Оборвать на полслове песню.
Нет, любимой не просто быть,
Это тоже большая ответственность.
Это значит – быть песней утра,
Поднимающим солнца блики,
Быть сверкающим шорохом трав,
Лебединым тревожным криком.
Быть мечтою твоей,
Пером,
Твоим сердцем.
Походкой,
Голосом...
Это жарко гореть костром.
Без угля и, конечно,
Без хвороста.
Это в воду,
В огонь и в бой
Навсегда,
На всю жизнь – с тобою.
Это значит – быть просто тобой.
Твоим сердцем,
Дыханием,
Болью.

ПРОБУЖДЕНЬЕ

Плодов зелёных горек хруст,
Всегда куда приятней спелость,
Но мне дороже горький вкус,
Чем сладость ягод перезрелых.

Имеет сладкий привкус лесть
И горький – правды откровенье,
В ней, как в лекарстве горьком, есть
Волшебной силы исцеленье.

Пусть говорят, коль сладки сны,
То будет горьким пробужденье,
Нельзя без горечи вины,
Нельзя без горького прозренья.

Без горькой тайны первых чувств
И горьких строк стихотворенья,
Пусть жизнь всегда горчит чуть-чуть,
Как в марте веточка весенняя.

***

Пусть ветры конницей отчаянно
Рвут опустевшие поля,
Хранит упорное молчание
Седая древняя земля.

Вся из полыни и печали,
Она, как колос, горяча.
Когда шли на неё с мечами,
То погибали от меча.

И пусть её терзают вьюги,
Ей по душе во все века,
Как луч блестящий, лемех плуга,
А не холодный взор штыка!

***

Разудалые ветры бродят,
А когда одолеют их сны,
Наступает тогда в природе
Час торжественной тишины.
Умолкают на время грозы,
Не звенит просветлённый луг.
Не гудят на полях стрекозы,
И не вяжет сети паук.
Не плеснет на излуке щука,
И у ястреба смирный вид...
И к ружью не потянутся руки,
И никто в этот час не убит...

РЯБИНОВЫЙ ОГОНЬ

Уже дни поздней осени настали,
Но хмурому ненастью вопреки,
Флажками ярко расцветили дали
Рябиновые алые деньки.

Последние завьюженные листья
Ты, осень равнодушная, не тронь...
Сквозь непогоду, ровно и неистово,
Светло горит рябиновый огонь.

Он не второй и, может быть, не третий...
В последний раз взяв яростный разгон,
Сквозь злость ветров и сквозь дождей наветы
Горит рябин рубиновый огонь.

СУДЬЯ

Он утверждает без улыбки:
– Ну что наделал ты, чудак,
Вот тут, наверное, ошибка,
А тут вот поступил не так.

А я ослушаться стараюсь...
И от него куда-то рвусь,
И постоянно ошибаюсь,
И снова, знаю, ошибусь.

Куда пути не привели бы
Со мной наедине всегда
Всё разберёт по справедливости
Мой строгий внутренний судья.

Он всё оценит, всё подметит.
Случится радость иль беда...
Нет ничего для нас на свете
Страшнее своего суда!

ТРИ РАДУГИ

И что так сердце радует!
Как в полдень голубой
Жар-птицами три радуги
Висят над головой.
Над городом. Над градом.
Полнеба накреня,
Три радуги, три радуги
Касаются меня.
Поют у радуг краски,
Ты только посмотри.
Как всё, что в русской сказке,
Их сразу целых три.
Три радуги-дороги,
А ну-ка, выбирай.
И тайны, и тревоги,
Что плещут через край.
Три радуги – три части
Симфонии степной...
А нам с тобой для счастья
Хватило бы одной!

УРОК ЧИСТОПИСАНИЯ

Снега, снега
Зима тасует.
Позёмкой низкою пыля,
Тетрадкой в линию косую
Светло раскинулись поля.
И я иду по зимним улицам,
Не пряча в воротник лицо...
Как хрустки льдистые сосульки,
Что в детстве слаще леденцов!
Как чист простор,
Как мир распахнут,
Как зимний вечер свеж и тих!
Спасибо, снег,
За то, что сахаром
Казался нам в сороковых,
Что был неповторимо вкусным
На перепутье грозных лет
С морозным воздухом вприкуску
Ржаной,
С горчинкой горя хлеб.
...Летят снега косыми стаями.
Косматый иней,
Свист саней.
Так много зим и лет растаяло,
Не тает только первый снег.
Он нам, как первое прощенье,
Нелегкой верности зарок,
Отмщение и очищенье
От ложных мыслей и тревог.
И только белых крыльев взмах,
И след поскрипывает санный,
Как в детстве грозовом, зима
Дает урок чистописанья!

***

Филе Павловне Смоляниновой,
потерявшей на войне
четырёх сыновей

На каких высотах упали
Сыновья, кровиночки близкие!
Дорогая Фила Павловна,
Вы примите поклон наш низкий.
Знаем, как нелегко быть матерью,
Потерявшей на фронте сына,
Ну, а если четверых? В памяти
Их глаза, их улыбки не стынут.
Так и кажется, кто-то окликнет:
Михаил, а может, Прокопий...
Но не звякнет, как прежде, калитка,
И плывет тишина по Европе.
Будто бы и не рвались снаряды
На Смоленском том направлении,
Где упал сын Ефим, твоя радость,
Твоё исцеление.
Ты взрастила орлов своих сильными
Под весенним солнышком красным.
Эх! Открылись бы очи Василия,
Но безмолвен снег Ленинградский...
Так спасибо за веру эту, за любовь твою,
Мудрость памяти.
Выше жизни и выше смерти,
Дорогие Вы наши матери!
И в боях, над просторами вечными,
Сквозь войну, огонь и страдания
Произносим мы имя женщины,
Как от смерти и бед
Заклинание!

ШИНЕЛЬ

Насквóзь простреляна, в заплатках,
Во время отдыха и сна
Была постелью, плащ-палаткой...
Чем только не была она!
И сколько раз она, бывало,
В сороковые те года
Отца надёжно укрывала
От злого ветра и дождя...
Когда смятенье наплывает,
Ближайшая тускнеет цель.
Отец на плечи надевает
Свою военную шинель.

***

Ах! Хороша в степи отава...
– Ну как, чабан, она на вид?
А он, к глазам ладонь приставив,
Не отвечая, в степь глядит.

Тот взор намётанный и верный...
За синей дымкой полевой
Он видит то, чего, наверно,
Ни я не вижу, ни другой.

Вобравший степь в себя бездонную
И затуманенный слегка,
О, этот взгляд из-под ладони,
В себя вмещающий века.

Спокоен он и тверже стали,
И справедлив, как взгляд отца...
Так в древности, наверно, ждали
С вестями добрыми гонца.

А день по-прежнему приветлив,
Ни туч, ни грохота копыт...
Лишь, словно всадник, мчится ветер
И пыль дорожную клубит.

Как облака, плывут отары
К ногам, что вдеты в стремена...
– Да, хороша в степи отава, –
Качнулась шапка чабана.

БЫВШИЙ ДРУГ

...И через боль я вижу ясно
Сквозь холодок его лица,
Что бывший друг порой опасней
Беды,
ненастья
и свинца.
Всегда на свете будет зыбкой,
Хоть сколько раз её не множь,
Способность прятать за улыбкой
И лёд предательства,
и ложь!

В ДОРОГЕ

Освистан ветрами привычно
Горчащий полынью простор,
Проводит смычком электричка
По бешеным струнам опор.
Где тот полустанок знакомый,
Для сердца родимый приют,
Где «зайцы» по крышам вагонов
Бесстрашно из детства бегут?
Мелькнёт то лесок, то деревня,
То лошадь, везущая воз.
И будут ту память деревья
Закидывать шапками гнёзд.

В СТЕПИ

Предгрозовая тишина,
Когда и лист не шелохнётся,
Когда душа напряжена,
И ей никто не отзовётся.
Но всё обманчиво вокруг,
Я весь предчувствием наполнен,
Сейчас глаза открою вдруг
И – грянет гром,
И вспыхнут молнии.
От ветра листья задрожат,
Земля притянет травы с силой,
Ах, если б стрелами дождя
Гроза бы степь тогда пронзила.
Не затвердеть ей от копыт,
Над лугом не вихриться осам...
Есть солонцы у нас в степи,
Которые не плодоносят.
...Но травы жёсткие растут,
Храпят стреноженные кони,
Да зорким беркутом пастух
Всё вдаль глядит
Из-под ладони.

В ТРИДЕСЯТОМ

Пусть ветер колючий неласков,
Покинув родимый порог,
Как в той незапамятной сказке
Стою у развилки дорог.
...А вьюги кащеями свищут,
Поют про удачу Емель...
Но мы ничего не отыщем
За тридевять с лишним земель.
И всё ж, спотыкаясь о камни,
Сквозь лес, что дремуч, напролом,
Не вправо, не влево, а прямо
Упрямо идём и идём.
В пути том – то грома раскаты,
То столб верстовой, то река...
Я где-то уже в тридесятом...
Всё ближе уже к сорока.
Но только забрезжат зарницы,
Я в утро иду налегке...
И солнце, как будто жар-птица,
Горит и горит вдалеке.

***

Всё, как прежде, при встрече:
Вон мой тополь растёт,
Вот разинул скворечник
В удивлении рот.
Только что-то мне словно
Показалось на миг:
Вислоухий подсолнух
Головою поник.
Как давно здесь я не был!
Здравствуй, дом мой родной!
Запрокинуто небо
В кадке с темной водой.
Взглядом пропасть бездонную
Не достать – велика.
Вот возьму и в ладони
Зачерпну облака,
Журавлиных порядков
Треугольную нить.
Удивишься, что кадка
Столько может вместить.
Эх, достать бы украдкой
Ключ от детства со дна.
Только что-то уж кадка
Нынче очень темна.
Тихо небо качается,
Кружит листья вода.
Вот и лето кончается
И грядут холода.

ВИТЯЗИ

Небо синее вытеснив,
Гордо, в самую высь,
В парке белые витязи
Изо льда поднялись.
Бросив в сторону книжки,
Целый день – вот беда! –
Озорные мальчишки
Здесь играли тогда.
Из-под снежной шрапнели
На конях боевых
Дружелюбно смотрели
Три героя на них
Из былинной поэмы...
И блистали сильней
В алом зареве шлемы
Да уздечки коней.
В острых солнечных вспышках,
Приходя к ним из снов,
Брали штурмом мальчишки
Города из снегов.
И как в песне, неправду
Будут сабли рубить,
За рекой, за Непрядвой,
Рати вражьи губить.
Припекает их солнце, –
Вроде б март, а не май! –
Пляшет снежная конница,
Отступает Мамай.
И лучами со смехом
Брызжет солнце на снег.
Тают, тают доспехи
Незаметно для всех.
Но печали не выразив,
Через те города
За собою нас витязи
Увели навсегда.
И пропали их шлемы,
И исчезли мечи...
Лишь над парком весенним
Солнце точит лучи.

***

Выгибая царственные шеи,
Призывали кликами они
Вместе с ними разделить лишенья,
Миг полета, кочевые дни.

Улетали вдаль единой ратью,
Землю оставляя под крылом,
Ну а их домашние собратья,
Гогоча, ходили за селом.

И своё предчувствуя бессилье,
Полететь за ними не смогли...
Можно жить, иметь для взлёта крылья
И... не оторваться от земли.

ВЬЮГА

Стонали за окном деревья,
Ни зги не видно.
Только мгла.
Вдруг снежная волна деревню
В глухую полночь понесла.
Потом все стихло,
Вся округа
Спала, не ведая забот,
Но до сих пор меня
Та вьюга
По свету белому несёт.

ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ

Вот он, ветрами продутый,
Горький полынный простор:
Цепь крепостей и редутов,
Ряской поросших озёр.
Только мне стоит забыться –
Вижу: на алый закат
Целят зрачками бойницы,
Долы булатом звенят.
Пыль поднимается, конница
Скрылась в неясной дали,
...Как здесь осокою колется,
Словно мечи проросли!
Давние эти былины
Деды до нас донесли,
Те, у кого горькой линией,
Складки у рта пролегли.

ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

В больших котлах помешивая солнце,
В брезентовой штормовке рыжий бог
То утренней зарёй в окно ворвётся,
То вдруг закатом выкрасит порог.
Он высекает радугу, как искру,
От древнего гигантского костра,
Где мы сидим друг к другу близко-близко
Ночь напролёт до самого утра.
И в переплясе, грозном и игривом,
Мне с каждым мигом чудится сильней,
Как горький ветер раздувает гривы
Степных, тревожно скачущих коней.
А вдруг стихия вырвется упрямо,
Заполонит и мир весь, и меня?..
Но верю я в джигита, что арканом
Надёжно держит красного коня.

ГРОЗЕ НАВСТРЕЧУ

Даль потемнела – из огня и стали.
У дня и ночи где-то на границе,
Войну напомнив, сабельно сверкали
За горизонтом дальние зарницы.
Зигзаги молний шарили сурово
По небосклону, что чернее страха...
Казалось, из ракетных установок
Гроза по травам луговым бабахнула,
Давая жизнь цветам, посевам, полю,
Погожим дням, малиновым рассветам,
И радостно дышалось грудью полной,
И засекать не надо те ракеты.
Шагая в полный рост грозе навстречу,
Я видел: тучу луч пронзает тонкий,
И, перекинув радугу на плечи,
Боится небо расплескать девчонка.

***

Задаём себе вопрос мы трудный,
Как сто лет назад, так и сейчас:
– Что же всё-таки когда-то будет
На планете нашей после нас?

И уходим тихо и незримо
В отблеск волн, в ночной грозы раскат.
Только птицы пролетают мимо,
Как и сто, как тыщу лет назад.

***

Задувает ветер на деревьях листья.
Письма. Нестареющие письма...
Ну зачем так долго у себя храню?
Может, надо их давно предать огню?
Среди дней бегущих, будней, быта
Всё прошло... Давно все позабыто.
Только сжечь – не поднимается рука,
Что-то в них как будто на века.
Будто говорю я с кем-то близким.
...На дворе сжигает ветер листья.

ЗАКЛИНАНИЕ

Когда я до того продрогну,
Что хоть тут плачь и хоть кричи,
Ты освети мою дорогу
Зовущим огоньком в ночи.
Мигни неясно и тревожно,
Чтоб снова мне сто вёрст пройти...
Ты где-то видишь сны и всё же –
Стань огоньком в моём пути.
Стань огоньком, когда на улице
Свирепый ветер валит с ног,
И пусть на миг тебе почудится
Тревожный, тихий стук в окно.
Тревога эта будет ложной,
Но чтобы мне сто верст пройти
В пурге слепящей, если можно,
Стань огоньком в моём пути.

***

И сколько тайн в степных просторах,
Здесь, словно вековая боль,
Хранится в дремлющих озёрах
Седая быль, седая соль.

И, как снега, они не тают...
Но рвётся руль из-под руки,
Когда машину завлекают
В глухую степь солончаки.

Ты слышишь, где-то за увалом
Кольчуга времени звенит.
И пыль эпох всех не примяла
Следов воинственных копыт.

И кажется, кривые сабли
Поднимут, слыша предков зов,
Вот эти каменные бабы
С глазами древних мудрецов,

Здесь было битв, сражений столько,
Что из мечей мы рождены...
Вода в степи бывает горькой
И даже ветры солоны.

***

Карнавал устраивает осень,
На него и мы приглашены...
Тихим светом, празднично высоким,
Волосы твои озарены.
Подбираясь вкрадчиво, по-лисьи,
Над большими сводами полей
Собирает в стаю ветер листья
И уносит, словно журавлей.
А ещё он, может быть, уносит
Всё, что было, всё, что не сбылось.
Щедро раздаёт сегодня осень
Золото больших кленовых звёзд.
В эту пору – светлую отраду –
Только станет жёлтый лист кружить,
Понимаешь, как беречь нам надо
Всё, чем жили, всё, чем будем жить.
Я не знаю, что со мной такое,
То ли душу трогает мороз...
Только мне всё не дает покоя
Факельное шествие берёз.
Я люблю, покоя не нарушив,
В тишину родных полей смотреть,
Так светло, как будто можно душу
У камина осени согреть.

КАТЕР НА ИШИМЕ

И синий ветер не расскажет,
Как он за дальний окоём
Тянул медлительные баржи
С дровами, хлебом и песком.
Как, обдуваемый норд-остом,
Трудился верно, на износ,
И вот железный ржавый остов
Истёртым килем в берег врос.

Здесь, на реке, в закате розовом,
В полынной горечи полей,
Он для мальчишек стал прообразом
Военных русских кораблей.
И представляется в потёмках
У засыпающей реки:
На гулкой палубе «Потемкина»
Еще грохочут каблуки.

И у степного косогора,
Отвагой зарядив сердца,
Глядит орудие «Авроры»
На окна Зимнего дворца.
В подтёках, саже и заплатах,
В неторопливом беге волн,
Живёт вторым дыханьем катер,
Осуществляя связь времен.
И где моя прошла босая
Неповторимая заря,
Теперь в грядущее бросает
Другое детство якоря.

«КЛАССИКИ»

Тот чертёж – заколдованный круг,
На асфальте начертанный мелом,
Пропусти меня, юный мой друг,
В недоступные эти пределы.
А в ответ – изумление глаз,
Мол, для шуток сейчас тут не время.
И не примет меня он в свой класс –
Озорное мальчишачье племя.
Да ещё он мне может сказать,
Что сюда, мол, ходить вам не надо.
И ещё – несолидно скакать
По квадратам столь взрослому дяде.
Он в сомненьях не будет один,
И прохожий сурово заметит:
«Лишку, видно, хватил, гражданин,
Разве можно проситься нам в дети!»
Вот чудак! В этот миг, в этот час
Это ж мы, озорные мальчишки,
По квадратам и клеточкам в класс
Убегаем из детства вприпрыжку.

***

Куда ведут далёкие просторы,
Просёлочные ниточки дорог,
Какою песней эхо небу вторит
И отчего задумчив я и строг?
Как мил душе полёт ковыльной пряди,
Опор ажурных непрестанный бег,
Не здесь ли шли когда-то наши прадеды
Под скрип и громыхание телег?
И в сердце грусть, как облако, нахлынет,
Нелёгким был переселенца путь...
Какие руки эту степь полынную
Смогли так щедро миру распахнуть?
Сплетенье ветра и дорог не пройденных,
Шуршанье ковыля и птичий грай.
Нет ничего вокруг – есть только Родина
Да неоглядный, милый сердцу край.
Есть даль полей, печальная немного,
И ветер, что за поворотом стих,
Да столбовая дальняя дорога
Вдоль берегов колосьев золотых.
И с этой далью, в огоньках таинственных,
Что б ни случилось – радость иль беда,
Я ощущаю вечное единство,
На все мои грядущие года.

КУКУШКА

Березняк,
простор,
опушка,
Где пророком на суку
Счёт годам ведёт кукушка
Замирающим «ку-ку».
В том лесном неясном шуме,
В милой сердцу стороне,
Погадает пусть вещунья,
Сколько жить осталось мне.
И ничуть не будет жалко,
Если, свой затеяв счёт,
В серых крапинках гадалка
Вдруг прервётся и солжёт.
Всё, наверно, ей прощу я,
Потому что много злей
Есть недобрые вещуньи,
Что живут среди людей.

МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ

Гудят ветра веками вещими,
Метёт метель белым бела,
Мне видится в тумане женщина,
Что в ссылку вечную пошла.

Как в латы, в лёд одеты реки,
Глухой дороге нет конца,
В ушах изгнанницы, как реквием,
Застыл державный гнев отца.

И уговоры бесполезные,
И крик безмолвный, и печаль,
Плывут полозья полонезами
В Сибирь,
В неведомую даль.

О, эта добровольность плена
В медвежьем сумрачном углу!
Пурга, как пляска пунша пенного,
Как всплески платьев на балу.

В глазах таинственных свеченье,
Огней мерцающих игра,
Всей жизни стоит отреченье
Во имя долга и добра.

Лишь только след саней поющих,
Снегов летящих серебро...
В туманном Петербурге Пушкин
Роняет грустное перо.

И пусть давно уже настали
Иные дни и времена,
Но нет любви без испытаний,
Во все века она одна.

В ней всё – и боль, и слёзы жгучие,
И радость, и раскаты гроз...
И нас, романтиков, всё мучает
Один пронзительный вопрос.

Седой пургой запорошённые,
Идя на самый край земли,
Достойны ль мы, чтоб наши жёны
Вот так за нами вслед пошли.

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Еще плывёт в толпе восторг
И звон кандальный не бряцает,
Еще не следует в острог
В санях графиня Трубецкая.
Не грянул гром судьбы пока,
Еще в промозглой зимней стуже
Солдат Московского полка
Выводит сумрачный Бестужев.
Утих сановный шум карет.
Как рекам, думам растекаться...
Безмолвно строгое каре
На гулкой площади Сенатской.
А до свободы – два шага,
Но трудно их сейчас осилить...
Кругом в глубокие снега
Была закована Россия.
Еще миг светлый вдалеке –
И не дожить им до рассвета...
И у Каховского в руке
Дымится дуло пистолета.

***

Нам о многом сегодня напомнят
Разноцветные искры огня,
Эти жаркие жгучие молнии,
Что, как током, пронзают меня.
И летят к нам, алея, навстречу,
Зажигаясь со всех концов,
Эти звёзды пятиконечные
На будёновках красных бойцов.
И высокие чувства рождаются,
И стоишь, почти не дыша,
Словно сабельным блеском гражданской
Озарилась сквозь годы душа.
Салютуем тому, что свято,
Пусть взлетают букеты звёзд,
Как в том памятном сорок пятом,
И... не надо стесняться слёз!

***

Нас вечно в странствия влечёт,
Обняв в порыве, ветер хлёсткий,
Грустит неведомо о чём
Степная русская берёзка.
И отправляясь в дальний путь,
Хочу из синевы бездонной
Немного неба зачерпнуть
И унести в ковше ладоней.
Кто мог рассыпать летом снег
На бесконечный луг ромашек?
И я стою, как будто мне
Здесь Родина косынкой машет.

НАСТЯ

На рассвете, 10 июня 1918 года,
в числе двадцати двух большевиков
в Пятом логу в Петропавловске
была расстреляна 18-летняя
Настя Прокофичева.

О чём мечтают в восемнадцать
В круженье утренней земли,
Когда спустя лишь миг раздастся,
Как горький выдох жизни: «Пли!»,
Когда коса поёт тугая,
Движенья девичьи легки,
Когда рассветы смяв, шагают
По незабудкам сапоги.
Но выпрямляются, не сломаны
Цветы на дальних берегах,
Горька травинка в нецелованных
И чуть прикушенных губах.
Ах, незабудки, незабудки...
Пролился в поле неба цвет,
Чуть наклониться в свежесть утра,
В последний раз нарвать букет.
Тихонько сунуть конвоиру
Записку маме и цветы...
А зори, что встают над миром,
Непогрешимы и чисты.
Но красоту земную сдунуть
Напрасно хочет Пятый лог.
Сейчас возьмёт на мушку юность,
Затвором щёлкая, стрелок.
Так значит, не увидеть больше
С извечным трепетом в груди,
Как солнце пляшет в светлых рощах,
Как тихо падают дожди.
Не захлебнуться синим небом,
Чтоб закружилась голова...
...Идут в бессмертье, а не в небыль,
Чеканным шагом двадцать два.

За спину руки их заломлены,
Но выше смерти, крепче уз
«Вставай, проклятьем заклейменный»
Срывается с горячих уст.
Что на прощанье крикнуть звонко
В траве скользящему лучу,
Когда холодные винтовки
Казаки вскинули к плечу?
Свинцом рассвет тяжёлый брызжет...
«Ра-а-вн-я-йсь!» –
Застыла вражья рать,
...Но есть мгновения у жизни,
Когда не страшно умирать.
В степи под выстрелы прицельные
Поплыл «Интернационал»...

Упала, обнимая землю,
И поднялась... на пьедестал.

***

Не дрогнула охотника рука,
И грянул залп по птицам перелётным,
Как лебеди, умолкли облака,
Поплыли медленно полей полотна.

Упала песня алая на луг,
Забила зябко крыльями рассвета,
Но только в песне был совсем не юг,
А маленькое северное лето.

Вошли, как вечность, в тот безмолвный крик,
Поля, луга, озёра, реки с бродами...
Каким коротким был последний миг,
Какой большой неласковая родина!

НЕОТРАЖЁННЫЙ СВЕТ

Шуршит сухой позёмкой ветер.
Кругом безмолвье, тишина.
Лишь ртутной лампой в небе светит
В ночи продрогшая луна.

И рыбой, плещущей на леске,
Экраном, вспыхнувшим в кино,
Заколдовала тайным блеском
В узорном инее окно,

Дразня моё воображенье...
Но видел я со стороны,
Что это только отраженье
Той, застеклённой в ночь, луны.

Ах, этот свет! Он так обманчив,
Как в детстве радужные сны,
Как взор, холодный и незрячий,
Где блики дня отражены.

И в полумраке озарённом
Тревожит мысль одна меня,
Чтоб свет цветных гирлянд неона
Не заслонил бы света дня.

И, начиная день свой новый,
Надеждой, тайной я согрет,
Чтоб в каждой мысли, каждом слове
Горел неотражённый свет.

ОТЕЦ

Ну что поделать, в самом деле,
Когда ему намного легче,
Дремать всю ночь не на постели,
А сидя, прислонившись к печи.

Он спал в такой же точно позе
Под нестерпимый вой фугасов,
Когда по Ладожскому озеру
Вёз сутками боеприпасы.

Теперь он часто среди ночи,
В пороховые те – руля,
Стоная, яростно бормочет:
«А ну, правей держи руля!»

А лёд надтреснутый ломается.
Чернеет зыбкая вода,
...Отец с войны не возвращается –
И не вернётся никогда.

ПЕТРОПАВЛОВСК

О, город у крутого яра,
На склон ты входишь, как на трон,
Как крепость, сдерживая ярость
Степных кочевников – ветров.

Где в старину в иные страны,
Верблюды, словно корабли,
Горбы качая, в караванах
С поклажею нелёгкой шли.

И солонцы белели вязко,
Коней засасывая в грязь...
Но почему-то верю – сказка
Здесь у Ершова родилась.

В базарной сутолоке тесной
Он шёл, рядами ослеплён,
Сквозь белые чалмы и фески
Иных народов и племён.

Призыв к России азиатской,
Сюда, на самый край земли,
Тревожной площади Сенатской
Нам декабристы донесли.

Шумели битвы, грозы, сечи...
Сражений жарких вился дым.
Здесь шёл Колчак, здесь Тухачевский
Смотрел на ледяной Ишим.

Манит здесь нас с ногтей младенческих
Эпох таинственная связь,
Причуды теремов купеческих
И деревянных кружев вязь.

Белеет церковь, словно парус,
Виднеясь нам издалека,
Живи и здравствуй, Петропавловск,
И славен будь во все века!

ПИСЬМО

Мальчишки влюбляются свято
В учительниц первых своих.
...Куда же, куда его спрятать,
То чувство, как солнечный миг?
Что делать им с этой любовью?
Как выстрел, она, как беда...
Пишу вот письмо Соколовой
В сороковые года.
Ложится за строчкою строчка,
Черкаю и снова ловлю
На синем тетрадном листочке
Щемящее слово «люблю».
В нём тайная скрытая сила,
В нём сладость мальчишечьих мук,
Как будто все чувства вместились
В пять этих пленительных букв.
Оно созревало, как яблоко,
Пронзительным светом маня,
Где Вы, Антонина Яковлевна,
Помните ли меня?
Зачем Вы тогда уехали
Вслед за ветра́ми солёными?
Стучат каблучки, словно эхо,
Из детства, войной опаленного.
...Мальчишки влюбляются свято,
Приходит любовь, как беда...
И пусть своего адресата
Письмо не найдет никогда.
Но Вам благодарность сыновнюю
Я в годы далекие шлю –
За ласку в то время суровое,
За жгучее слово «люблю».
За то, что по-прежнему светятся
Те годы любви и мечты,
Что ищем мы в наших ровесницах
Учительниц первых черты.

ПОДКОВА

Сказали мне: найти подкову – к счастью.
И я, поверьте, это не забыл.
Но ни деньком погожим, ни в ненастье,
Как ни хотел, её не находил.

Зато судьба подковами нас гнула,
И был изогнут, как подкова, путь.
А счастье только тех не обмануло,
Кто смог подковы эти разогнуть.

ПОЕЗД

Уходит мой поезд, уходит...
Лев Щеглов

Проходит в купе новосёл,
Попутчики весело бродят,
Мой поезд ещё не ушёл,
Но что-то как будто уходит.
И вот из вагона в тайгу,
Оставив дорожную скуку,
С оглядкой на поезд бегу
К газетным пакетикам с клюквой.
А поезд!
Не будет он ждать,
Как локти, задвижутся поршни,
Мне только б в тот миг добежать,
Схватиться за ржавые поручни.
И к чёрту базар, суету,
В её треволненьях дорожных,
Потом ты навряд ли на «Ту»
Состав уходящий догонишь.
Бегу я, тревогою полн,
И прыгают шпалы, как годы...
Мой поезд ещё не ушел,
Но что-то как будто уходит.

ПОСЛЕДНИЙ КРУГ

Когда пойду на последний круг,
Не прошепчу: «Спаси!»,
Если у жизни в полёте вдруг
Откажет в посадке шасси.
Брошу последний взгляд
На солнце,
на луг
и дом,
И... покачнётся земля
Под рвущим небо крылом.
Вниз не успеешь взглянуть,
Где мы любили и верили,
Дожить,
добежать,
дотянуть
В последнем вздохе пропеллера.
Прежде чем свет померкнет
И сложишь крылья ты,
К солнцу взвейся, как беркут,
И камнем –
вниз –
с высоты!

ХЛЕБНЫЙ СНОП

Напоследок захватив душистый,
Словно мёд, янтарный хлебный сноп,
Не спеша идёт по полю чистому
В телогрейке старой хлебороб.
Знает – будет нынче хлеба вдоволь,
Будут пышны калачи в печи,
По-хозяйски в поле заскирдованы
Солнечные теплые лучи.
Знает – никакой не страшен бой нам,
Если в поле, где ты не ступи,
Будет вечно полною обоймой
Колос, созревающий в степи.

***

Поступки,
мысли
и слова,
Одни и те же не однажды
Приходят к нам, и синева
Над головой кружится та же.

И даже та ж игра страстей,
И та же грусть, и те ж обиды,
И выраженье лиц друзей –
Всё это я как будто видел.

И тот же свет, и тот же цвет,
И те же люди и творенья...
Эпоха – это повторенье
Событий,
судеб,
зим и лет.

И та же боль, и та же быль...
Ну так чего ж тогда я сетую,
Ведь, значит, я когда-то был,
Да только вот
в каком столетии?

ПЯТЫЙ ОКЕАН

Аскеру А-ву

Склонились низко пять голов
Над голубою картой мира,
В которой шесть материков,
А океанов лишь четыре.
Не потому ли с той поры,
Флажками карту всю истыкав,
Хотели пятый мы открыть,
Величиной не меньше Тихого.
Но только позже, друг Аскер,
Его с тобою мы открыли,
Не в океанский ли размер
Вместился наш простор целинный!
Открыли степь, где – ни леска,
Немеренные километры,
Наш старый газик полоскал
Тугой, как парус, тент под ветром.
А вдоль полей и вдоль лугов
На кузовах, зерном наполненных,
Плескались крылья пологов,
Как на валу девятом волны.
Стояла знойная пора,
И уплывала степь куда-то...
Как белый сказочный корабль,
Из дымки вырос элеватор.
И было странно, почему,
Когда близка громада башен,
Чем ближе двигались к нему,
Тем он отодвигался дальше.
Казалось, от могучих стен,
Которые в безбрежность манят,
Привольно расплескалась степь
Огромным пятым океаном.

***

Сверстницы мои! Вы вырастали,
Как берёзки на хмельном ветру.
Дайте же на вас из дальней дали
Я глазами детства посмотрю.

И листая юность, словно томик,
И склоняясь перед вами ниц,
Видно, вас я буду вечно помнить,
Милых русокосых озорниц.

Об одном прошу я, чуть волнуясь:
Если вьюги заметут ваш след,
То, пожалуйста, почаще в юность
Вы спускайтесь по крылечку лет.

И куда ж вас судьбы разбросали,
Где же вы встречаете зарю?
Дайте же на вас из дальней дали
Я глазами детства посмотрю.

***

Сжигают прошлогоднее жнивьё
И сладко тянет горьковатым дымом.
Ничто не умирает, а живёт
В траве, солодке и корнях – незримо.

В огне равно всё – и добро, и зло.
Хохочет пламя. Дерзко стебли свищут.
О, как по кругу весело пошло
В замысловатом танце корневище.

В каком-то веке так и я сгорю
И поплыву дымком над светлым лугом,
И, превращаясь в алую зарю,
Пройду, смеясь, в последний раз по кругу.

Сжигают прошлогоднее жнивьё,
Но только как бы пламя в нём ни пело,
Ничто не умирает, а живёт
И прорастает песнею из пепла.

СИНОПТИКИ

В природе все наоборот,
Чем в сводках...
Скоро обнаружится,
Там лютым севером дохнёт,
Где обещали ветры южные.

То зной колючий, хоть и ждёшь
С надеждой тайною и сладкой,
Что на поля прольётся дождь,
Но нет обещанных осадков.

Кому-то вовсе не в укор
Я адресую эти строки:
Гадай всему наперекор,
Чтоб быть всевидящим пророком,

Чтоб различать добро и зло
Там, где порой бессильна оптика...
...Как сводок Совинформбюро,
Ждём сообщения синоптиков.

СНЫ

В час, когда ночью метель в трубах греется,
Сны к нам приходят, как сложные ребусы.
Жаль, что, проснувшись, под самое утро,
Всё вспоминается очень уж смутно.

Где-то под утро дальние-дальние
Видятся мне голубые костры –
Знаю: в предутренний час не дремали
Прадедов сторожевые посты.

Мне б у огня их однажды погреться,
Что-то понять в мудрой скупости слов,
Только уходят их тени, как детство,
Молча – в тревогу полуночных снов.

СТРОЧКА

В этом мире нет богатства лучше,
Начисто лишенного хлопот,
Чем моё – пластмассовая ручка
Да потертый маленький блокнот.

Полонящий душу и окрестность
Посвист ветра, шорох синих трав,
Сводные весенние оркестры
Птиц, с ума сводящие с утра.

Всё при мне: и песня в поднебесье,
И в широком поле дальний след,
Яблоня, что в мае, как невеста,
Излучает негасимый свет,

И удачи все, и неудачи,
И огонь души, и снов полёт.
Разве я не становлюсь богаче,
Если строчка в сердце запоёт.

Пусть ищу ту строчку, что ни день я,
Радуясь добру, противясь злу...
Я не жадный и свои владенья
С каждым, кто захочет, разделю.

СУХОВЕЙ

В край берёз и край лихих буранов
С давней, незапамятной поры
Шествовали важно караваны,
С грузами из дальней Бухары.
Путников жёг зной, хлестали ветви,
Как чалма, клубились облака...
А ещё с собою знойный ветер
Завезли купцы издалека!
Задохнёшься – только он повеет
Огненным дыханьем на поля.
От объятий знойных суховеев
На куски потрескалась земля.
Обжигая всё на белом свете
Желтоватым пламенем песка,
К нам доносит азиатский ветер
Сладковатый привкус кизяка.
Кажется, что жалобно на улице
Плачет одинокая зурна,
И осколки солнца мне почудятся
В жарких слитках страдного зерна.
Но мгновенно вспомнится о снеге,
Если в край свой возвратится в срок
Где-то совершающий набеги
Северный свирепый ветерок.

ТЕЛЕГРАММА

В небе точки с тире протянулись упрямо,
Из какой же далёкой чужой стороны
К нам, на север, отбита была телеграмма
Телеграфом весны, телеграфом весны?
Принимайте её, города и деревни,
Пробуждайтесь, поляны, от снега и сна.
Мы всегда среди всех иероглифов древних
Различим журавлиные те письмена.
Что душою поймёшь, то не надо заучивать,
Провожая птиц взглядом в высокий тот миг.
Потому за полётом следим мы задумчиво,
Что понятны без слов заклинания их.
И осенней ненастной порой спозаранку
Мы выходим, чтоб снова на них посмотреть,
И стучит сердце вслед
Им печальной морзянкой:
«Дорогие, до встречи! Точка. Точка. Тире...»

ТРАКТОР НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

В степи,
Где пылил бензовоз,
Вдали от дорожных обочин,
Запряженный в тросы, он вёз
Походный целинный вагончик.
И там,
Где полыни река
Вливалась в степное раздолье,
Он плуг за собою таскал,
Пластая на борозды поле.
С соломой на зубьях подошв,
С окалиной ржавой от зноя,
Тот трактор на танк был похож,
Рванувшийся в зарево боя.
Под залпы трубы выхлопной,
Сквозь жаркие хлебные битвы
Он шёл по равнине степной
На свой пьедестал из гранита.
Был прочной закалки металл,
В который одели когда-то
И трактор целинный, и танк,
Что в Прагу вошёл в сорок пятом.
Смотрю – тормознул самосвал,
Водитель фуражкою машет
Железному другу, что встал,
Над белым разливом ромашек.

***

У возраста свои календари
И их с другими ты не перепутай
...Вдруг, как цветы, качнутся снегири,
И вот уже пойдёшь по первопутку.

А то, что зря прожил, не соберешь
И по частям – ни в месяцы, ни в годы.
И в первый раз пронзительно поймешь,
Как мало нам
отпущено
природой!

ЦИКЛОН

Ждём гонцов – весенних гостей,
Поднимающих в небе трезвон,
И спешит караван гусей,
И на гуслях играет он.

Только льдом рассвет опалён,
Снег косой летит на поля.
Неуклонно клонит циклон
Ртутный столбик ниже нуля.

Первых птиц обманул апрель,
На весенний настроив лад...
За окном –
то ль метёт метель,
То ли гуси с весной летят.

Степь запуталась в снежных вожжах,
Степь подернулась тихо мглой,
Но ведёт свою стаю вожак
На нежданную встречу с зимой.

ЧЁРНЫЙ ЖАВОРОНОК

Всегда весной, я помню, в дальнем детстве,
Лишь снег сойдёт и станет даль светла
По старому обычаю из теста
Нам жаворонков мать в печи пекла.
И, захватив их, в поле, как на праздник,
Мы направляли весело стопы.
Казалось, рвутся птицы из-за пазухи,
Чтоб заливаться песнею в степи.
И птицы эти б вырвались, наверно,
И засветились песней, что есть сил,
Но только был у них один соперник,
Который их во всём превосходил.
Как будто струны колдовские тронув,
Взлетая к солнцу, в голубой предел,
Волшебник добрый – жаворонок чёрный,
Как колокольчик, далеко звенел.
И всё в степях бескрайних пенью радо –
От трав сухих до рыжих кобылиц.
Ему по праву – первая награда
На нескончаемом айтысе птиц.
Проходят дни, и снова ясным утром
Поёт весной он в дымке голубой.
И эту песню солнечную спутать
Мы не смогли бы ни с какой другой.
И чтобы вновь сверкающая песня
Вспорхнула в синеву из-под руки,
Я мать прошу: «Пожалуйста, из теста,
Как в детстве, жаворонков испеки».

***

Что ты на прощанье мне сказала?
Не расслышал... Шарф спадает с плеч,
Город начинается с вокзала,
С шумных расставаний, гулких встреч.

Нас уводят далеко от дома
Вечных странствий непрестанный зов,
Реактивный гул аэродромов,
Сумасшедший ветер поездов.

Ты стоишь внизу, ломая руки,
Я вернусь, ты только позови...
Город начинается с разлуки,
Город начинается с любви,

На восток дорога и на север,
Мир кольцом крутых дорог свело,
И хранят вокзалы, словно сейфы,
Первый холод, первое тепло,

Грусть и смех людей непосторонних,
Груз размолвок, дальних вёсен путь...
Где же ключ от сейфа, тот, которым
Целый мир мы можем отомкнуть?

...В небе реактивный след растаял,
Поезда уходят вдаль, трубя,
Город начинается с вокзала,
Город начинается с тебя!

***

А гриб чудовищный потряс
Вселенную... с душевной дрожью
В воображении не раз
Я видел то, что мир тревожит.
И ты представить не забудь,
Идя по лугу или тропке,
Как вдруг случайно кто-нибудь
Нажмет на гибельную кнопку.
И упадут деревья ниц,
И опалит грозою степи,
И смолкнет в роще пенье птиц,
И – только пепел. Только пепел...
Замрёт в душе безмолвный крик,
В суровом сумраке немея,
Перед глазами в этот миг
Пройдет «Последний день Помпеи».
Планета, холодом обдав,
Сойдёт в зловещий мрак распада.
Нет! Лучше больше никогда
Не видеть мне такого ада.
Я наконец переступил
Картины сумрачной границу,
И снова колос зрел в степи,
Смеялись дети. Пели птицы.
Плескались реки и поля,
Я шёл с огромным миром рядом,
И так не верил, что Земля
Сама вращается снарядом.

***

А у осени славна казна,
Посмотреть на неё дивно, любо,
Что не лист – то денежный знак,
Золотой иль серебряный рубль.
И пылая ларцами, хрустит
Под ногами червонное солнце...
За один только миг красоты
Платит осень любые червонцы.
Ну, а если уходит она,
То за ней никогда не угнаться,
Оглянись – опустела казна
И развеяно ветром богатство.

БЕРЁЗКА КОСМОНАВТА

В.А. Шаталову

Маленькой космическою блёсткой
Видится в холодной синей мгле
Космонавту хрупкая берёзка
На степной неласковой земле.
Видится надеждою и верой,
Лебединой сомкнутостью рук,
Той, какую бешеные ветры
Никогда уже не разомкнут.
Знаю: как бы ни были прекрасны
Звёздные далёкие пути.
Только на Венере и на Марсе
Нам таких берёзок не найти.
Ласковые шёлковые косы,
Эта ширь бескрайняя полей,
Трижды верю в то: чем ближе космос,
Тем родней берёзка на земле.
Солнцу к тонким веткам прикасаться,
Ветру гнуть её девичью стать,
На земле рождаться космонавтам,
От берёзок в звёзды стартовать.
Там, во мгле, я знаю, трижды дорог
Край, с которым нас судьбой свело...
От степных берёзовых просторов
Даже в бездне космоса светло.

В ПОЛНОЧЬ

Полёт звезды! Он был иль нé был?
Качнулись вечности весы...
Как циферблат ночного неба,
Горят наручные часы.
Вот хвост Медведицы, вот – Млечный...
Бездонны звёздные пути.
Сейчас бы стрелки жизни в вечность
Движеньем рук перевести,
Успеть бы каждый миг заполнить,
Внедриться б в звёздный циферблат.
Часы показывают полночь.
Грядите добрые дела!

***

В цветенье гнутся ветки,
Скользит по ним рассвет...
Да как мы не заметили
Годов опавших цвет?

Потом мы не заметим
Осеннею порой,
Как трижды свистнет ветер
За хмурою рекой,

Как отгорят закаты
И грянут холода,
И в этот мир возврата
Не будет никогда.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Когда-то, как жизни основе,
Учили меня не спеша:
Вот скажешь волшебное слово –
Засветится солнцем душа.

Неведомой силой влекомы,
Про игры забыв и кино,
Пытали мы бабушек дома:
«Да есть ли на свете оно?

Такое волшебное слово,
Чтоб людям с ним стало светло,
Чтоб в тень отступило все злое,
А доброе в души вошло?»

А бабушка, сидя за пряжей,
Нам тихо, как добрую весть,
Помедлив, загадочно скажет:
«Ищите, родимые! Есть!»

Признаюсь: с поры той по свету
Его находил я не раз
В твореньях любимых поэтов,
В народной премудрости фраз.

Но снова, как жизни основу,
Как дар самоцветный её,
Ищу я волшебное слово,
Но только, поймите, своё.

На радость себе или горесть,
Но, прежде чем слову расцвесть,
Я слышу тот бабушкин голос:
«Ищите, родимые, есть!»

ВОРОН

Будто чуя хмельное вино,
На пиру предвкушая удачу,
Надо мною кружит вороньё,
Злых намерений в клювах не пряча.

Так и слышишь базарный галдёж,
Не о том ли, что, может, однажды.
Ты от свары лихой не уйдёшь,
Утолишь ненасытную жажду.

И ведя за добычу свой спор,
Вороньё суетится проворно...
Вечно ссорятся с вором вор,
Ворог с ворогом, ворон с вороной.

Но сегодня меня им не выкликать,
Я их вздорному крику не в счёт,
Ворон ворону глаз не выклюет?
Ерунда!
И его он склюёт.

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Есть легенда, где слепец столетний,
Истину одну познал в пути –
Надо, убедился он, ослепнуть,
Чтобы силу зренья обрести.
Эту мудрость мы поймём и сами
В шуме дня, в глухой ночной тиши, –
Не увидишь никогда глазами
То, что видно зрением души.
Когда свет её высокий льётся,
Ощутима радость и беда...
Так со дна глубокого колодца
Днём видна полночная звезда.
Чтоб понять людских сердец волненье,
Различать добро и видеть зло,
Как хочу я, чтоб второе зренье
И ко мне когда-нибудь пришло.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Всё отступило – боль и беды,
Свинцовые метели лютые.
Пришёл заветный миг Победы
И вспыхнул звёздами салюта.
Пришёл с задымленных окрестностей.
Сполна изведав муки ада,
От стен твердыни – Брестской крепости,
С крутых откосов Сталинграда.
Пришёл, чтоб стать великой датой,
Чтоб пали ниц на Красной площади
Паучьи черные штандарты,
Как будто птицы заполошные.
Пришёл, когда из мутной Шпреи
Шеломом-каскою помятою
Земляк мой, смугло бронзовея,
Черпнул водицы в сорок пятом.
Пришёл недавно и... давно,
На боль высокую не сетуя,
Мы помним все Бородино,
И помнить будем Дубосеково.
Пришёл, чтоб Гёте рядом с Пушкиным
Звучал напевно в сердце русского,
Пришёл, чтоб после грома пушек
Разлиться соловьями курскими.

***

Древние наивней были нас,
Старины обычаи хранили,
И навечно в роковой свой час
С полным снаряженьем уходили.

Свято верил в тот последний миг
Уходивший в царство неземное,
Что придёт он снова в этот мир
И курган заброшенный разроет.

Постоит печально, помолчит.
На холме след давний обнаружит,
Память предков бережно почтит,
Заберёт одежду и оружие.

...Канет в вечность груз его забот,
И следы солёный ветер скроет.
Отчего же в наших жилах бьёт
Ток всё той степной горячей крови?

Я уйду, как всё, что есть, уйдёт
В мир иной – без горечи и страха.
Может быть, придёт и мой черёд
Восставать из пепла и из праха.

***

Еще цветы не вянут поздние,
С прищуром добрым солнце греет,
И мы с тобой идём по осени,
Как по картинной галерее.

Светлым-светло в прозрачном колке,
Где на шедевры мы глазеем,
Как в Лувре или в Третьяковке,
Иль в залах Русского музея.

Пойдёшь ли вправо, влево, прямо –
И запоют под птичьи трели
Картины в золочёных рамах –
И натюрморт, и акварели.

Осенний жёлтый лист летает
И озаряет нас, как вспышкой,
Вечерним светом Левитана,
Сосновым утром кисти Шишкина.

ЖАМАН-ШУБАР

Сабиту Муканову

Жаман-Шубар. Полынная тоска.
Белеет в солонцовых пятнах небо,
Раскинут в юрте щедрый дастархан,
Но он у бая не попросит хлеба.
Пусть он босой. И в порванных штанах,
Но маленький провидец, выйдя в поле,
Поверит в эту землю! И она
Еще восстанет из тоски и боли.
Вновь сирота проглотит ком обид,
И доброта людей согреет в холод.
Ты извини нас, маленький Сабит,
Что мы не знали, что такое голод.
И уроженец этой же земли,
Другой судьбы взамен себе не требуя,
Как я с тобой хотел бы разделить
Твои непозабытые «мектебы».
Потом здесь был высоких дум родник,
Летела мудрость птицею на волю,
... Не аксакал, а мальчик тот приник
Спустя полвека к дорогому полю.
Он шёл, не в силах взором отыскать
Зелёный берег детства грозового.
Жаман-Шубар. Полынная тоска.
Проросшее пшеничным злаком слово.

ЗАПАСНЫЙ ПУТЬ

Остановили и оставили,
Загнали поезд наш в тупик.
Составы мчатся за составами,
А он стоит один в степи
Наедине с малюткой-станцией,
Среди стальных гудящих пут,
Ему б по рельсам только мчаться.
Ему бы только в дальний путь
Но превращал в часы минуты
Пустынный крохотный вокзал,
И радуга в пятне мазута
Блестела в лужах среди шпал.
Мы оставались где-то с краю,
Казалось, будто навсегда,
Стояли, молча пропуская,
Составы, судьбы и года,
А мимо скорые вагоны
Ветрами жмурили глаза.
Вновь опустевшие перроны,
Забытой станции вокзал.
И только в тишине упорной
В даль поезд времени катил.
Но вот, цепляясь за опоры,
И нас рванул локомотив.

Так, сквозь сигналы пропускные,
Вперёд, судьба моя, лети,
Не выбирая запасные,
А только главные пути.

ЗВЁЗДОЧКА

Нет, не за хлебом, а за джинсами
Сегодня в очередь стоят,
Готовые отдать полжизни
За этикеток маскарад.
А в наше время было просто:
Была б картошка горяча,
Да перешитая по росту
Шинель с отцовского плеча,
Да ветры в лица, опалённые
Минувшей трудною грозой...
Что эти джинсы и дублёнки
Перед пилоткой со звездой!
Мои ровесники! Погодки!
Кому сейчас за сорок лет,
Поизносились те пилотки,
Реликвии военных лет.
Но мы носили их с любовью,
Простые, скромные на вид,
И вечно капелькою крови
Для нас та звёздочка горит.

ЗОРЬКА

Только выйдет зорька,
Рассветёт едва,
Запрягаем Зорьку,
Едем по дрова.
Гонит ветер листья
На проезжий тракт.
Птицами освистан
Чахлый березняк.
Мы въезжаем в лето,
Пряно пахнет луг.
Как скрипит телега
Без хозяйских рук!
Воздух бирюзовый,
Тишь да благодать...
В сапогах кирзовых
Сучья рубит мать.
Забираясь в поросль
Меж сухих берёз,
Мы таскаем хворост,
Складываем в воз.
С братом смотрим зорко,
Как в свою судьбу,
Где корова Зорька,
Звёздочка на лбу?
Ей остаться б дома,
Лес ей, как тюрьма,
Рог один обломан,
Да к тому ж хрома.
Но она беззлобно
Воз везёт домой,
Запряжён в оглобли
Целый шар земной.
Снова тракт разбитый,
Ветра свист нам вслед,
Молока попить бы,
Но – ни капли нет.
Едем мы в деревню,
В тусклый небосвод.
Год послевоенный –
Очень трудный год.

КАРДИОГРАММА

Здесь, на бумажной ленте, целый заговор,
Ты карту времени, дружище-врач, не прячь,
Давай-ка вместе разберём зигзаги
Всех горестей моих, удач и неудач.

Здесь будет всё – находки и потери,
Любовь, с которой горько не сошлись,
Неверие... Но больше всё же веры
В мудрёную лихую штуку – жизнь.

...Замысловаты линий ответвленья,
Нелёгких, неизведанных, крутых,
Как будто судьбы целых поколений,
Как путь-дороги сверстников моих.

Спасибо, доктор! Сделано неплохо.
За каждою отметкой – вечный бой.
Кардиограмма всей моей эпохи
Лежит
сейчас
перед тобой.

ЛЕБЕДКИ

Над бедою ли, над лебедой
Вышел в полдень месяц молодой.
Стог соломы, вётлы у реки...
Лебеди. Деревня Лебедки.

Вымахала лихо лебеда,
Лыком подпоясалась беда!
У плетня – прощальный взмах руки.
Тихая деревня Лебедки.

Буйно в те голодные года
Лезла вместо хлеба лебеда.
Лебедки! За ними вся страна.
Высечены павших имена.

Не вернулись лебеди домой.
Тёмные платки над лебедой.
Ждут они который год подряд:
Может быть, сегодня прилетят?

МАНЕКЕНЫ

Стоим. Глазеем на витрины...
И отражаются морщины,
И поредевших чубов проседь,
Следы забот. И нет, не осень
В глазах невыцветших осталась,
А только первая усталость.
Там, за витриной, манекены.
У них и модны, и отменны
Костюмы, брови и ресницы...
Довольны кукольные лица.
Бесстрастно смотрят манекены
На нас, ребят послевоенных,
А мы, а мы... Да, я не скрою, –
Не так мы «сшиты», хуже «скроены».
Всё безупречно в манекенах,
Что ж! Их не мучают сомненья.
Их не секут в дороге ветры,
И годы им не ставят метку.
А мы в подушку слёзы прячем:
Быть может, надо жить иначе?
Себя раздумьями мы мучаем
Всегда ли делали, как лучше.
Никак не вырвешься из плена
Вопросов, жгущих по ночам...
Но вдруг я вздрогнул: манекены
С витрин завидовали нам.
О, как инструкцию нарушив,
Вложить бы в них живую душу,
Да нараспашку, шире поля,
Чтоб смех, как искры, радость с болью.
Так вырви кто-нибудь из плена
Пустых обманчивых прикрас
С витрин сошедших манекенов,
Еще живущих среди нас!

НЕ В СЧЁТ

У взрослых игры не случайны,
И в них обман есть и расчёт,
Когда ошибки в них нечаянны,
Я тихо говорю: «Не в счёт».

Не в счёт, когда тропой рассветной
Идёшь с товарищем в поход
И отодвинутая ветка
Тебя нечаянно хлестнёт.

Не в счёт, когда, снежки бросая,
Тебе открыто, не тайком,
Но так, что ток тебя пронзает,
В лицо залепят снежный ком.

Не в счёт, когда, как в мир огромный,
Где есть заветная звёзда,
Уходят от тебя к другому,
Уходят гордо. Навсегда.

Не в счёт, когда тебе без ярости,
Как другу, а не подлецу,
Выносят суд твои товарищи
Не в спину, а лицом к лицу.

Неблагодарная работа,
Но жизнь сама тебе сочтёт
И счёт, предъявленный за что-то,
И благодарное: «Не в счёт».

***

Не надо женщину разгадывать,
Понять её нам не дано,
Как в душу к ней ты ни заглядывай,
Как ни смотри в её окно.
Вот так и ходишь, околдованный,
Тропинку ищешь к ней свою,
Ну, а уста её – медовые,
В руках её – по соловью.
И в миг заветного свиданья
Опять почувствовать ты рад,
И легкокрылых рук касанье,
И тихий жест, и светлый взгляд.
Она и грусть твоя, и радость,
Всё то, что сам ты не поймёшь, –
И высшая на свете правда,
И самая святая ложь.
Когда вдали мы или рядом,
Всех чар и тайн её не счесть,
Не надо женщину разгадывать,
Прими такой, какая есть.

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Только не сжата полоска одна.
Н. Некрасов

Лишь строка из творений поэта,
Но за нею эпоха видна,
И душой я болею, что где-то
Всё не сжата полоска одна.

Я живу в этом веке иначе,
Хлеба вдоволь. Хожу не босой.
Только грустную думу не прячу
Над несжатою полосой.

...Бродят осени запахи бражные,
Нива сжата. Спадает роса.
Но, наверное, в жизни каждого
Есть несжатая полоса.

НОЧНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Звонки в квартире часты и упрямы,
Но я в полночный час звонкам не рад,
Когда ночные птицы-телеграммы
Тревожным хриплым голосом кричат.

Посыльный смотрит на меня с участьем,
Так в дверь глядит входящая беда.
Расписываться в собственном несчастье –
На белом свете горше нет труда.

А жизнь шумит ликующим прибоем,
Людской поток раскованно течёт.
Но с каждым годом на душе пробоин
Всё больше. И растёт утратам счёт.

И по ночам гремят звонки упрямо,
И от беды уйти не удалось...
Ко мне звонок?
Но нет... не телеграмма,
А входит, к счастью, запоздалый гость.

Он говорит о чём-то увлечённо,
Готов его я слушать до утра
И угощать, вздыхая облегчённо:
Сегодня обошлось без телеграмм.

ОБОРВАННЫЕ СТРУНЫ

Играют вальс «Оборванные струны»
На встрече разных лет выпускников,
И выплывает в белом платье юность,
И машет нам приветственно рукой.
А сверху, в чёрных рамочках разграфленных,
Глазами не вернувшихся ребят
Со школьных стендов строго фотографии
На нас из сорок первого глядят.
Играют вальс... Сжигает сердце пламя
Лет грозовых у каждого из нас.
И пусть простят подруги, если в память
За них из нас вас пригласят на вальс...
Играют вальс. Полки уходят маршем
Под грохот орудийных канонад,
А мы сейчас, наверно, вдвое старше
Со школьной парты призванных солдат,
Еще безусых, озорных и юных,
Входивших в классы столько лет назад.
...Смолкает вальс «Оборванные струны»,
Но струны лет оборванных звенят.

ОГОНЁК

Шаг ещё – и свалит ветер с ног,
Одолеет путника усталость.
Но блеснул далекий огонёк –
И тревог дорожных не осталось.

Он, мерцая, свет дрожащий льёт.
И в душе затеплится надежда
Завернуть туда, где есть жильё,
Выпить чаю, высушить одежду.

И уже не так трескуч мороз.
Дым из хат клубится в высь упруго.
И к утру, как сумасшедший пёс,
В конуру забившись, стихнет вьюга.

Огонёк души!
Ты был и есть
Для идущих с доброю надеждой,
То исчезнешь, подавая весть,
То опять звездой печальной брезжишь.

ОДИНОЧЕСТВО

Ты говоришь, – и ты права, –
Что мне бывать нигде не хочется,
Что стал я чаще выбирать
Себе в подруги одиночество.
Оно уводит за собой
В молчанье на высокий берег,
А вслед мне, объявляя бой,
Сердито громыхают двери.
Что ж! Предпочел я всем речам
Друзей за праздничным застольем
И гомон птиц, и звон ручья,
И шум колосьев в чистом поле,
Лесной опушки светлый край,
Раздолье неба голубого.
Ну, а теперь меня ругай,
Я виноват перед тобою.

ОКЕАНЫ

Луной безлюдною облитые,
На избы, реки и стога
К нам, с океана Ледовитого
Летят скользящие снега.

А вслед за холодом арктическим
С густым туманом на заре
Тепло приносит Атлантический,
И льются ливни в декабре.

Игра судеб, игра обмана,
То буйны волны, то – тихи,
Идёт сраженье океанов,
Противоборство двух стихий.

И в нас стихия не смолкает.
Мы двери настежь на заре,
И вдруг поймём – снег выпал в мае,
А дождь пролился в декабре.

***

Отлиты строки из металла,
Газетных гранок верный страж,
Склонился над станком верстальным
Седой усатый метранпаж.

Здесь мирный фронт.
Но в этом гуле,
Как будто вижу я отца...
Отлито слово, как и пуля,
В горячем цехе – из свинца.

Оно не сгинет, не растает,
Как под весенним солнцем лёд,
Когда звучание металла
В моих устах приобретёт.

ПЕРВЫЙ ОГОНЬ

Его добыть сейчас нетрудно:
Всегда есть спички у меня.
А ты задумайся над чудом
Рожденья первого огня.

Как был он нашим предкам близок,
Брусок точившим о брусок.
...А мы вмещали солнце в линзу –
И плыл заманчивый дымок.

Не сразу удалась затея:
Добыть огонь – нелегкий труд,
Но я поверил: Прометеи
В нас с детства самого живут.

Лучи палящие тасуя
Под круглым выпуклым стеклом,
Открыл я истину простую:
Огонь рождается огнём.

Так пусть наш первый лёд растает,
Прости, любимая, меня,
Что нам с тобою не хватает
С трудом добытого огня.

ПЕСНЯ

Эстрада кружит получашей,
А на эстраде песня пляшет,
На сцене микрофон беснуется,
Но сердце что-то не волнуется.
В такт песне дёргая плечами,
Терзает струны бард отчаянно
Про вздох души и робкий взгляд,
О чем на людях не кричат.
Он щиплет струны что есть мочи,
А мне бы – «Синенький платочек»,
Хочу, чтоб зимняя тоска
Звучала песней ямщика,
Чтоб в сердце ало зарябила,
Качаясь, тонкая рябина,
И одинокая гармонь
Будила чувств моих огонь,
Чтоб встретилась мне утром росным
Девичья песня проголосная.
...Устав от шума, плясок, топота,
Душа кричит на полушёпоте!

ПЕТРОВКА

К берегам Ишима подступив,
Среди рощ раскинутая ловко,
Затерялась далёко в степи
На путях завьюженных Петровка.
Высятся дремучие стога,
Шествуют на пастбища вдоль рова,
Зори поднимая на рога,
С древнею тоской в очах коровы.
Пропылит нагруженный прицеп.
Душен летом горький дух полыни,
А по осени высокий хлеб
На полях, как дождь весенний, хлынет.
От научных центров вдалеке
Никогда не ведала деревня,
Притулившись избами к реке,
Что она всех сёл в степи древнее.
Долго здесь хранили старину
Берега ишимские пологие,
Но пришли в Петровку археологи,
Землю всю вверх дном перевернув.
Глянули с коровьею тоскою
На пришельцев вековые были.
Да! Здесь жили, разводили скот мы,
Воевали, плакали, любили.
Кажется, что в отблеске зарниц
Всё ещё грохочет топот конский,
Экипажи быстрых колесниц
Из веков летят навстречу солнцу,
Время их присыпало золой,
Скрыты страсти, радости, обиды...
Сколько лет лежащей под землёй
Древней приишимской «Атлантиде»?
Что там скрыто в вековой пыли,
В этой вязкой глиняной породе?
Ураганом по степи прошли
Древние безвестные народы.
Много отшумело здесь эпох,
Орды разбрелись по белу свету...
Как в Петровке зол чертополох,
Что пророс колючим ржавым цветом!

***

Пикируют птицы все ниже и ниже,
Нагрета лучами весенними почва,
Как весело в мае прорвалось и брызжет
Зелёное пламя из лопнувших почек!

Смотрю на тебя я в немом изумлении.
Ты вся в озаренье, как в свете заката,
И ввысь прорастает, врываясь в расщелины,
Трава, что покамест никем не примята.

Ты слышишь, как вдруг в эту пору весеннюю,
У сердца высокие струны затронув,
Ударил набат молодого цветения,
Как отзвук далекий весеннего грома.

И солнце прорвалось сквозь тучи рассеянно,
И трепетно вздрогнула первая зелень,
И дождь зашумел, словно зёрна из сеялок
Ложатся рядками в нагретую землю.

Давай под дождём этим первым побродим,
Покружим с тобой в этом ливневом танце...
Вот так возвращаются в первую молодость,
Чтоб с нею уже никогда не расстаться.

Пусть хлещет вода по раскатистым стокам
И зреет в душе незнакомая песня.
И мы умираем с тобой от восторга,
Чтоб снова для счастья и жизни
воскреснуть.

ПЛАЧ МАТЕРИ

Спи в покое вечном,
В шелесте травинок.
Милое сердечко,
Матери кровиночка.
Выйдет солнце светлое,
Застучат кузнечики...
Но не будет лета
У холодной вечности.
Ах, как небо синее
Слёзыньками вымыто...
Только, видно, сына
У судьбы не вымолить.
Смежены ресницы.
Тихий шорох лиственный...
Как тебе там спится,
Мальчик мой... единственный!
Не дождусь ответа,
Задохнувшись болью.
Тишина... Лишь ветер
Отпевает поле.
Ты в душе согретый,
Но всё чаще, чаще
Падают рассветы
В тишину кричащую.
Ну проснись, мой ласковый,
Лишь тобой жива я...
Видно, только в сказке
Есть вода живая.

***

Позаросли озёра ряской,
Уснули беспробудно щуки,
И сами мы уже с опаской
К дарам природы тянем руки.
Теперь все чаще в глушь кромешную,
В места, особо потайные,
Уходят братья наши меньшие,
Простые жители лесные.
Умолкли звонкие свирели...
Лесные милые артисты,
Да неужель вы оробели
Перед свирепостью транзисторов?
Как прежде, взвейтесь утром рано,
На взмах крыла – до небосвода,
До зорь вечерних охраняя
Ее величество – природу.
Но не заплачет флейтой иволга,
Не полыхнёт хвостом лиса,
Всё больше строчек в Красной книге,
Всё меньше пенья птиц в лесах.

ПОЗДНИЕ ЯГОДЫ

О, поздних ягод сладкий яд...
Как бродит дух медовый в чаще!
Они уже чуть-чуть горчат,
И оттого, наверно, слаще.

Не рвали люди их давно,
Но всё ж собрать не позабыли,
И выйдет доброе вино,
Когда загонят их в бутыли.

Ударит в дно горячий ток,
Поищет выхода и броду...
Вот так и молодости сок
До поздней осени в нас бродит.

***

Полдень подремать в степи прилёг
Под шуршанье скошенного колоса.
Русой песней заплетён валок,
Как коса у девушки до пояса.
Купол неба ясен и высок,
Выдалось погожее «оконце»,
Разотрёшь шершавый колосок –
И блеснут в ладонях капли солнца.
Ну, а рёв моторов горячей,
Воздух ароматом трав напоен,
Скирдами из солнечных лучей
Убегает к горизонту поле.
И когда из огненных печей
Вынут хлеб, нас летом обдавая,
Кажется, из золотых лучей
Сотворили эти караваи.
Мёду течь – не вытечь по устам.
Убран хлеб, а это значит в селах
Девушкам пригожим расплетать
Чудо-косы...
Свадьбам быть весёлым.

ПОЛЕВОЙ ВАГОНЧИК

Его на край света буксировал трактор,
Как трос, за собой горизонт натянув,
А кто-то из хлопцев гвоздём нацарапал
У входа в вагончик: «Даёшь целину!»
Его обживали ребята недаром,
Гудела в углу раскалённая печь,
И вьюга не раз на обжитые нары,
Пробуйствовав ночь, мечтала прилечь,
Напрасно прокравшись к дверям втихомолку,
Крутились лисою и этак, и так,
Не дал ей с напутствием добрым путёвку
Безусый ещё комсомольский вожак.
...Как в годы былые, в седые рассветы
Вагончик целинный по трассе везут,
И вновь разбиваются вдребезги ветры,
И светят улыбки сквозь гарь и мазут.
Спасибо ему за целинную верность,
За то, что его не состарить годам.
...Вагончик целинный и рядом цистерна,
А значит – рождаться в степи городам,
А значит – шуметь раззолоченной ниве,
И песням, как птицам, в просторах звенеть,
А значит – и сны будут сниться счастливые
Мальчишкам, родившимся на целине,
А значит – и с вьюгами спор не окончен...
Окошками зорко смотря в тишину,
Стоит порыжевший целинный вагончик,
И надпись не стёрта:
«Даёшь целину!»

ПРЕДЗИМНЕЕ

Стоит пора предзимняя,
В краю, где мы живём.
Дымок густой и синий
Клубится над жнивьём.
Надолго в скирдах лето
Укрылось от очей,
На нивах – отблеск света
Соломенных лучей.
За горизонт пролился
Холодный сок зари.
С деревьев вместо листьев
Слетают снегири.
Продрогший и поникший,
Притих за полем лес.
В туманных далях слышен
Высокий звон небес.
А это над равнинами
Родимой стороны
Надрывно журавлиные
Рыдают две струны.
А это вдаль уносится
Шуршанье камыша...
А это просто осени
Касается душа.

***

Приходи, ветерком тёплым дунь.
Синеглазый ты мой, белокурый июнь.
И приходит из давних времён
Тополиный циклон, тополиный циклон.
Он лебяжьей метелью метёт,
Словно птица подстрелена влёт.
Застревает пух в волосах,
Пух в автобусах и в небесах.
Я читаю стихи тебе вслух –
Забуранил улицы пух.
А давно ли, – пух, не балуй, –
Ты пушинкой плыла на балу,
Где-то рядом с тобою я был,
В белом танце мир нас кружил,
Пух летит... Он бывает злой,
И для нас обернулся зимой.
...Тополиный пух над полями,
Пахнет этот не снег тополями.

ПРОХОЖИЙ

Зарядил осенний дождик
И прядёт за нитью нить,
Под дождём промок прохожий,
Мне б его остановить.
Взять под локоть, словно друга,
В дом любезно пригласить,
Посадить бы в красный угол,
Пирогами угостить.
Поделиться доброй песней
Да кручиною своей,
Сколько в мире интересных
И неузнанных людей.
И когда идём мы в стужу,
В злую ветреную ночь,
Как нам друг хороший нужен,
Как бы мог он нам помочь.
...Дождь идёт да ветер вьюжит,
Листья кружатся в окне.
Может, кто-то так же тужит
И нуждается во мне.

РЕВНОСТЬ

И в ревности есть просветленность...
Что ни толкует там молва,
Тот не был никогда влюбленным,
Кто хоть чуть-чуть не ревновал.
И я тебя ревную к ветру,
Что для тебя цветок сорвал,
Ревную к солнечному лету,
Одетому в твой сарафан.
Ревную к шелковистым травам,
Тем, по которым ты идёшь,
Ревную, тыщу раз неправый,
Когда облепит платье дождь.
Ревную, молнией сражённый,
Когда нам вслед летит гроза!
Ревную к звёздам, отражённым,
В твоих полуночных глазах.
Хожу и мучаюсь сомненьями,
В ответ – молчанье. Ты права.
Прости меня, что всю вселенную
К одной тебе приревновал.

РОЛЬ

Какой подъём! Какой накал!
Летят отточенные фразы...
А я на сцене не играл,
Никем не смог я быть ни разу.

Не превращал меня Шекспир
Ни в лицедея, ни в злодея...
Но шёл спектакль, и я спросил:
Зачем пришёл я в этот мир,
Чего достиг, чего не сделал?

Ведь, как в театре, как в кино,
По доброй и недоброй воле
И зрителям отведено
Играть на сцене жизни роли.

А если выбор есть – тогда
Играют ту, что им удобней...
Мой друг! Я верю – никогда
Не будешь в роли ты подобной.

Чтоб понимать чужую боль
И доброты людской раздолье...
На свете нет труднее роли,
Чем быть всегда самим собой.

РУЧЕЙ

В зеркальной глади ручейка –
Твоё лицо
и облака.
И отражаются деревья,
И чей-то дом
и вся деревня.
И отправляет в путь с утра
В нём флот бумажный детвора.
Быть можно морем
и рекой,
А можно –
просто ручейком –
И тоже радовать людей...
Весь мир вмещается в ручей!

САНИ

Мелькали рощи и дома,
Летели мы быстрее ветра.
Простор сверкающий. Зима.
Мальцы, тулупами согретые.

Ядрён берёзовый настой.
Сугробы снега. Бездорожье.
Перед глазами – конь седой.
Деревья, как сосульки. Вожжи.

И не с тех пор ли в нас всегда
Есть ощущение полёта?
И вот – грохочут поезда,
Ревут турбины
самолетов.

Теперь мы дальше и скорей
Стремимся мчаться по планете,
Но не со свиста ли саней
Берет начало
взлёт ракеты?

На сумасшедшем вираже,
В неукротимо быстром беге,
Сейчас не верится уже,
Что кто-то едет
на телеге.

Но в памяти я берегу,
Одолевая расстоянья,
Полозьев пенье на снегу.
Седую лошадь.
Иней.
Сани.

СЛОВА

Мне б крикнуть: «Воду, брат, сливай!»,
Когда бубнят нам, как в трубу,
Святые вечные слова
Иные лекторы с трибун.
Они, как порожняк, гремят,
Не став от этого звучней,
И вот грохочет водопад
Крупнокалиберных речей.
А я стесняюсь громких слов,
Сдираю с них бесцветный лак,
И тем ораторам назло
Пишу и думаю не так.
А те прекрасные слова,
Что в сердце лишь дано носить,
Нам надо выстрадать сперва,
Потом, друзья, – произносить.
Высоких слов заветный ряд,
Что в штамп пустой заряжены,
Я б запретил употреблять
Моральным кодексом страны.
Чтоб лишь, когда настанет срок,
Когда придёт такой порыв,
Их вырывали, как клинок,
Что в ножнах дремлет до поры.

СОРОКА

Летит сорока-белобока
Вслед за тобой по белу дню,
Её прозвали балаболкой
За сплетни и за болтовню.
Но кто вас встретит и проводит,
Паря крылами на весу.
Другого нет экскурсовода
Для гостя каждого в лесу.
Зато раздастся грай сорочий,
Когда ей кажутся враги,
Как зашумит, как застрекочет,
Хоть сразу из лесу беги.
И в зной, и в зимнее ненастье,
Когда от снега лес пернат,
Летят другие восвояси,
Она родным местам верна.
Иду по роще с ней проститься,
Одетой в черно-белый фрак.
Ищите, мальчики, жар-птицу,
А я простой сороке рад.

СТАНЦИЯ ДЕТСТВА

За окошком – травы росые
Да берёзовый родник...
Слышу: «Станция Зарослое», –
Объявляет проводник.

Ну кому сказать спасибо,
Что, неброская на вид,
На больших путях Транссиба
Эта станция лежит.

Никакой другой на свете
Я за эту – не отдам.
Строго девушка в берете
Семафорит поездам.

Замечаю с косогора,
Как просторы широки,
Как проходят мимо скорые
И гремят товарняки.

Может, именно отсюда
Той порой пороховой
Зачехленные орудия
Проплывали предо мной.

Марш играя в сорок пятом
На гармонике губной,
Мимо станции солдаты
С песней ехали домой.

Ликовали мы... но только
Непонятно было нам,
Почему соседский Борька
Волю горьким дал слезам.

Что понять мы не сумели,
Понял я в тот самый миг,
Как к продымленной шинели
Своего отца приник.

И теперь, хоть стал я взрослым,
Ни уехать, ни уйти, –
Всюду станция Зарослое
На моём лежит пути.

Я увидеть снова жажду
Сердцу милые края,
Потому что есть у каждого
Детства станция своя.

***

Творенье – это словно магия.
Вот и колдуешь над строкой.
И непорочный лист бумаги
Слепя, лежит передо мной.
Как первый снег, такой он белый,
Что отливает синевой.
В душе рождается несмело
Еще неясный голос мой.
Но длит мгновенье за мгновеньем
Молчанье чистого листа,
Пока душа от изумленья
Не разомкнёт мои уста.

ТОВАРНЫЙ ПОЕЗД

Эгей, мальчишки! В памяти поройтесь,
И в ней былые годы пролистайте,
Как на ходу вскочив в товарный поезд,
Мы мчались мимо рощ и полустанков.
Как отплывали в сторону вокзалы,
Как мы летели в поисках удачи,
И нам почти волшебными казались
Глаз семафора, башня водокачки.
Сверкали рельсы серебристой сталью,
В глаза мигнув пронзительным фонариком,
Нас ревизоры строгие снимали
Из детства прямо – по дороге... к африкам.
Вновь поезда сквозь годы отправляются,
И в сорок лет нам слышен детства зов,
И часто ночью в наши сны врывается
Знобящий свист товарных поездов.
И учащённей в час тот бьётся сердце,
И за собою нас зовут просторы,
Вскочить бы с ходу на подножку детства,
И пусть потом снимают контролёры.

УГОЛ

Я с детства угол рисовал.
П. Коган

Округлость свойственна земле:
Округлы яблоко и юрта,
Округлым караваем хлеб
Стол золотит нам каждым утром.

Округлость форм тебе дана, –
В ней свежесть лета, легкость луга,
Но почему так тесно нам
В пределах замкнутого круга?

В нём волны хмуры и туги,
Вращенью нет конца и края.
И только лишь круги, круги
Вода безумная смыкает.

Смыкает яростней и злей,
И трудно выйти нам из круга,
Округлость свойственна земле,
Но мы рисуем все же угол!

ЦВЕТНОЕ СТЕКЛО

Мы глядели в цветное стекло,
Восхищение миром не пряча,
Когда в наших глазах расцвело
Всё, что виделось раньше иначе.

Мы глядели издалека –
И причуда пришлась нам по нраву –
На оранжевые облака,
На высокие красные травы,

На заморских диковинных птиц
В необычном сиреневом небе,
Пламя красок далёких зарниц
Пело в стёклышке детства волшебном.

Лишь потом мне открылся секрет,
А не в ту беззаботную пору,
Как обманчив был розовый цвет,
Как легко получается – чёрный!

Я заметил потом: неспроста, –
Только стоило лишь присмотреться, –
Как с трудом возвращались цвета
На своё изначальное место.

ЦВЕТОК

Зной сушил. Гремели грозы,
Но от солнца разомлев,
Расцвели однажды розы
На неласковой земле!
Расцвели вполне законно,
И сорвав цветок с куста,
Парёнек в комбинезоне
Чуть присвистнул: «Это да!»
Ярче зорьки полыхал он,
Хоть возьми да прикури
От горячего и алого
Огонька степной зари.
Нёс цветок он, как надежду,
Чтоб девчонке подарить,
И боялся – как бы нежность
Невзначай не уронить.
К лепесткам приблизив губы,
Он дыханье затаил...
Да! Рукам в мозолях грубых
Целый мир послушным был.
Эти ночи и рассветы
Уронить бы он не смог...
Легче удержать планету,
Чем единственный цветок.

ЦЕЛИННАЯ ПАЛАТКА

Нет, не для праздных ротозеев
Она сменила ширь полей
На тихий уголок музея
И снова радует людей.

Пусть молодым она расскажет,
Когда придёт заветный миг,
О нашей юности отважной,
О современниках моих,

О длинных шумных эшелонах,
В печурках где пылал огонь
И звёзды таяли студёные,
Рвалась там удалью гармонь,

О том, как в стыни невеселой,
С упорством твёрдым, как гранит,
На месте будущих посёлков
Был первый колышек забит,

Как в первый раз в степи разбуженной
Колосья стали бронзоветь,
Как согревал и в дождь, и в стужу
Тугой палаточный брезент,

Как хлопцы с жаждой неуёмной,
С улыбкой доброй, озорной,
В ладонях, от мазута тёмных,
В страду баюкали зерно,

Как парни тульские и вятские
Пришли на зов степных дорог.
И в речь казахскую вплетался
Солёный волжский говорок,

Как жёг мороз, хлестали ветры,
Но взяв дары степи сполна,
Открыли сердцем мы планету
С названьем кратким – целина.

Теперь, где степь была глухая,
Штормит пшеничная волна…
И жаль, что те, кто нынче хают,
Всё ж хлеб едят твой, целина!

***

Я был метелью опалён,
Не в силах в дом пробраться...
Крутился бешено рулон
Бумаги на ротации.
Потом всё стихло... Среди тьмы
Лежал снег непочатый.
Смотрите – весь тираж зимы
За вечер отпечатан.
Ну, а когда седой рассвет
Пробил в ночи полоску,
Белели кипами газет
Почтовые киоски.

***

Я сразу дождь узнал по голосу,
Хотя казалось – обознался,
Казалось, что пшеничный колос
Медовой силой наливался;

Казалось, что за дальней рощей
Всё было дивных звуков полно:
Плескался луг, травой поросший,
Шумели листья, пели волны;

Казалось, что в безбрежном поле
Лучи соломы ворошили,
А, может, просто на ночь волосы
Освободила ты от шпилек...

***

Я убит подо Ржевом.
А. Твардовский

Трава окопная ржавеет
На поле отгремевших битв,
В том сорок первом подо Ржевом
Я не был в грозный час убит.
Горела рожь. Дымились зданья.
Снаряды рвали тишину.
А мы родиться опоздали
С тобой на целую войну.
Нам не пришлось изведать ада,
Сражаясь насмерть той порой,
У стен стального Сталинграда,
Шагать в бессмертье под Москвой.
И с дерзкой огненной отвагой,
Которой хватит на века,
Автограф высечь на рейхстаге
Гранёным лезвием штыка.
Не довелось нам в порыжевших,
Но твердых строчках, как гранит,
Живым поведать: «Подо Ржевом
Я в сорок первом был убит».

ЯНДЕБА

Злые волчьи ягоды,
Сосен перепляс...
Берег речки Яндебы
Вдаль уводит нас.

Ах, туманы ранние,
Сумрак тишины,
Едем с ветеранами
По следам войны.

Здесь стояли насмерть
В зоревую стынь...
...Надолбы и насыпи,
Ржавые кусты.

Берега неровные...
Там, у высоты,
Капельками крови
Проросли цветы.

Не цветы – осколки
От ручных гранат,
Проволока колкая,
Нет пути назад.

Некуда деваться,
В жизнь возврата нет.
В эти девятнадцать,
В двадцать полных лет.

В их бы очи глянуть,
Слышать голоса...
Ясные поляны,
Хмурые леса...

Сколько ж нам отмерено?
Если упаду –
Из куска фанеры
Вырежьте звёзду.

***

А как себя я в мире выразил?!
Кем был? И правильно ли жил?
И сына я, увы, не вырастил,
И строк бессмертных не сложил.

Давно за полдень годы тянутся...
Нет прежней силы и огня,
Так что же всё-таки останется
На этом свете без меня?

Лесная синяя опушка,
Звезда, упавшая в реку,
И одинокая кукушка
С её обманчивым «ку-ку»...

Останутся на белом свете,
Пусть без меня – с моей землёй –
Цветы – весной и птицы – летом,
И белый чистый снег – зимой!

***

А полуправда – это ложь,
И сколько раз её ни множь,
Как на весы ни положи,
Не перетянет чашу лжи.

Не сыщешь истин в спорах мнимых,
Лишь сердце обнажив до дна,
Поймёшь, что правда неделима,
И потому – всего одна.

Себя считает каждый правым
За честь души своей в борьбе,
И все ссылаются на правду...
Но всё ж – ищи её в себе!

***

Ах, где вы, мальчишки-задиры,
Которыми двор знаменит?
Рождаются девочки к миру –
Народная мудрость гласит.

Рождаются девочки к миру...
Неужто мальчишки к войне?
Владеть им мечом и секирой,
Скакать на лихом скакуне.

А значит, а значит, а значит,
Поникнет их старая мать,
И надо, и надо удачи
Мальчишкам бы тем пожелать

Помилуй их время, помилуй
В своей и чужой стороне...
Все дети рождаются к миру,
Никто не родится к войне.

БЕРЁЗЫ

Я на них смотрю с любовью,
И берёт меня печаль:
То они стоят, как вдовы,
Тихо всматриваясь в даль,

Будто ждут и ждут кого-то,
Добротой озарены,
Кто вот-вот придёт с работы
Или с давней той войны;

То, как робкие невесты,
Излучают белый свет
И поют негромко песню,
У какой названья нет.

В их чертах неповторимых
Над раздольями полей
Что-то есть и от любимых,
И от наших матерей,

Кто прощает все обиды,
И кому – поклон несу,
Будто Родину увидел
Я – в берёзовом лесу.

БЕССМЕРТНИК

Он затерялся бы в букете
Цветов пахучих, словно мёд...
Зато – с названием бессмертник
На свете белом он живёт.

Не привередливые розы,
Ни колокольчик полевой
Не выстоят, как он, в морозы,
Не выдержат палящий зной.

А он стоит, согретый солнцем,
Опрятен, радостен, пригож...
И сам на солнышко он словно
Своей наружностью похож.

Ну что с того, что не для вазы
Рождён бесхитростный цветок,
Зато в стакане он отважно
Пылает, словно огонёк.

Его выбрасывать не смей ты,
Пусть греет душу нам зимой,
Хоть мы с тобой простые смертные –
Пример с бессмертника возьмём.

БРИГАДНЫЙ НАЛАДЧИК

Дядя Стёпа – бригадный наладчик,
Невысок, неказистый на вид,
Но плащом запылённым шуршит,
Словно маршальскою плащ-палаткой.

«Дядя Стёпа! Сюда!» – ему машут,
И он к ним направляется ходко,
Поколдует над гайками, смажет –
И опять зашумит самоходка.

Сапоги порыжевшие стоптаны,
Полиняла на солнце роба,
После смены шумят: «Дядя Стёпа!
А ты смог бы достать воробышка?»

Ну, а Стёпа ключом поворожит,
Будто к шутке той непричастный,
Пробурчит он: «Да что там воробышка!
Вот достать бы сейчас – запчасти...»

***

В печурке белой яростно горят
Свирепые морозные поленья...
Из века в век передо мной подряд
Проходят племена и поколенья:

То над землёй поют колокола,
То буйствуют колосья золотые,
То ветер раздувает купола,
То пролетает конница Батыя,

То вдруг тюльпаны вытянутся в рост,
То за селом подсолнух распрямится,
То промелькнёт пушистый рыжий хвост
За кем-то устремившейся лисицы.

То вспышки молний, то борьба стихий,
То оживают давние поверья,
То шпоры распускают петухи –
Всё это кровь во мне
бунтует
древняя.

ВАСИЛЬКИ

Вплетены васильки в поле хлебное,
Надо мной – васильковое небо.
Васильки, васильки, васильки
Заплетают девчата в венки.

Парни ладны здесь, высоки.
Загляделись на них – васильки,
И глаза стали синими-синими,
И слывут парни сильными, сильными.

Васильки...
Совпаденье какое! –
И названье села – Васильково.
Здесь лекарствам иным вопреки
И на раны кладут васильки.

А спроси у парней, как зовут,
Улыбнутся, плечами пожмут:
Мол, и мы удивляемся сами,
Но, представьте себе, –
Васильками.

ВРЕМЕНА ГОДА

Снег побелил и обновил
Деревья, улицы и годы,
Пусть осень – это черновик,
Зима как чистый лист природы.

Играет вдохновенье в нас,
Мы снова делаем помарки,
Не замечая, как весна
Приходит, кровь волнуя жарко.

На холст наносит краски кисть,
Играет радугою цвета,
И вот, откуда ни возьмись,
Шедевр самой природы – лето!

***

Все кричат на свадьбе: «Горько!»
В голос дружно... Да и только.
Стёрла слёзы ты украдкой:
Горько – это значит сладко.
Это значит, это значит,
Все желают вам удачи.
Почему же у любимых
Жизнь порой невыносима!
Почему же, почему же
Столько ссор у них ненужных.
И как будто ненароком
Столько споров и упреков
И раздоров разных столько...
В самом деле: горько-горько.
Горько! Горько! Но любимый
Подойдёт. Тебя обнимет...
В полумраке зыбком-зыбком
Ты засветишься улыбкой,
И смахнёшь слёзу украдкой:
Горько – это значит сладко!

***

Всё слаще пряный дух отавы,
Всё шире сильных рук размах...
И я себе отца представил
С косою-молнией в руках.

Как он, денькам погожим радуясь,
Неспешно сметывает в воз
Рассветы звонкие и радуги,
Раскаты прошумевших гроз.

Потом, под небом фиолетовым,
Когда закончится покос,
Плывёт, как воз, качаясь, лето
Дымком отцовских папирос!..

Мне проследить бы за полётом
Того дымка ещё б хоть раз,
И за каким же поворотом
Он скрылся навсегда из глаз?

Свежее ближе к ночи воздух,
Душистый движется поток,
Лежу, зарывшись в сена стог.
И земляникой пахнут звёзды.

***

Дочери Жанне

Всё – в семнадцать – считается первым:
Всюду хочется первым успеть,
Обретается первая вера,
Первый в жизни приходит успех.

Незаметно, как дым, улетает
Горечь первых разлук и обид,
Раскрываются первые тайны,
А из первых – вся жизнь состоит.

Сколько в мире придётся изведать!
Недалёк испытания час...
Только в первый, почти как в последний,
Мы бываем счастливыми раз!

***

Всегда душой к тебе стремиться.
Порою ссориться, мириться,
Быть мягким, нежным и суровым,
Светить улыбкой, хмурить брови,
Негодовать и ненавидеть,
И невзначай тебя обидеть,
И вновь прощения просить,
И зла на сердце не носить,
Быть глупой ревностью томимым
И быть порой невыносимым,
Стараться лучше, чище быть,
А значит – просто полюбить.

***

Говоришь ты мне всё чаще
И не требуешь ответ:
В пониманье, видно, счастье,
А его, как видишь, нет.

Благодарен я заранее
Этой правоте твоей:
Да, порою понимания
Нет у близких и друзей.

Я твоим словам внимаю,
Только как мне объяснить,
Что излишним пониманием
Можно даже оскорбить.

Говори – я весь внимание –
Про себя и про меня…
Иногда непонимание
Тоже надо бы понять.

Впрочем, видно, виноват я,
Что шагаю сам не свой,
Всем, наверное, понятный
И не понятый тобой.

ГРОЗНЫЙ ДИАГНОЗ

Огни пристанционных зданий
Навстречу поезду летят...
Как на особое задание,
Собрался старший лейтенант.

В глухую полночь, как в бойницу,
Зачем-то пристально глядит.
...Везёт отец меня в больницу,
Диагноз грозен: спондилит.

Он смело дрался за планету,
От взвода требуя огня...
Но как спасти от лихолетья
Грозы невиданной – меня?

Бессильны тут его солдаты
В своём порыве боевом,
Никто не сможет лейтенанту
Помочь прицельным артогнём.

Еще не спороты погоны,
Шинель затянута в ремни...
Всё перегоны, перегоны,
Пристанционные огни.

...Лязг буферов, составов грохот
Тревожно будят тишину,
Мы уезжаем на войну
С проклятой палочкою Коха!

Увы, ответ нам убедительный
Не даст прокуренный вагон:
«Ну как мне выйти победителем
В борьбе с невидимым врагом?»

ДЕД ЕГОР

Медовый запах скошенной травы
На городском ухоженном газоне,
Повеяв очистительным озоном,
Рождает чувство родины в крови.

И видится мне в ту минуту вдруг,
Как за деревню вышли спозаранок
Косцы, и звонко падают на луг
Цветы, сойдя с девичьих сарафанов.

И я невольно замедляю шаг:
Мелькает на газоне перед взором
Немыслимо замасленный пиджак,
Как будто с плеч он дедушки Егора.

Косарь и правда на него похож,
Залюбоваться можно – так движенья споры,
Так он, как русский мóлодец, пригож,
Жаль – не хватает здесь ему простора.

Косы крестьянской невелик разбег,
Газон не луг – с косой не развернуться.
Но всё ж спасибо, дед Егор, тебе,
Что мне помог на родину вернуться...

ДЕТСТВО

Лепят бабу снежную ребята,
Смех ребячий сыплется, как снег.
...Я припомнил детство, где когда-то
Начинался жизненный разбег.

Вспомнились больничные невзгоды,
Белые халаты медсестёр,
И в постели прожитые годы,
И недуга яростный костёр.

Детство... Нет, оно так не смеялось
Под неволей гипсовых оков,
И по льду стремительно не мчалось
Тысячами солнц из-под коньков.

Жизнь мела безудержною вьюгой,
Коченели ночи в полумгле,
Может быть, порой и было туго,
Только есть Корчагин на земле!

Есть друзья надёжные... И верю я
Если вдруг не выиграю бой,
Ты сама сестрою милосердия
Тихо наклонишься надо мной.

ДЯДЯ ГНАТ

В колхозной кузнице – жара,
Горячим зноем дышит воздух.
И дядя Гнат нас со двора
Не гонит, рассыпая звёзды.

Когда раздует он закат,
То вдруг заметишь, как красиво,
В полнеба вспыхнут возле хат
Багряным заревом осины.

А где притих застывший пруд,
Качнётся, зазвенев задорно,
Рябины покрасневший прут,
Что закалён под жарким горном.

...Пусть ветер, рвущийся в простор,
Как журавля, меня приносит
В края, где с очень давних пор
Напоминает кузню осень.

Благодарю вас, дядя Гнат,
Что через годы вижу снова,
Как листья медные летят
И так похожи на подковы.

В каком бы ни был я пути,
И в день погожий, и в ненастье,
Мне почему-то не найти
Хотя б одну из них – на счастье!

***

Еще зима свершает бег,
Еще звенеть капели рано,
Но с рынка я несу тебе
Три огонька живых тюльпанов.
Неуловим весенний дух,
Что нам на север прислан с юга.
Как важно, чтоб он не потух
В твоей душе и сердце друга.
Как важно хрупкие огни,
Что маем вдруг на нас повеяли,
С тобой нам бережно хранить,
Чтоб мы опять в весну поверили.

***

Гремят о шеломы мечи.
(Из «Слова о полку Игореве»)

Звенели в ошеломлённой
Степи на заре и в ночи
В седые века о шеломы,
Гремя и ломаясь, мечи.

Недолго врагам быть, недолго
В раздольях славянской земли...
Каяла, Непрядва и Волга
Сквозь сердце моё протекли.

Ты помнишь, как шли эшелоны
На запад в лихие года,
И сколько осталось шеломов
На поле на ратном тогда.

Вложить бы оружие в ножны,
Шеломом водицы испить,
Но в мире, как прежде, тревожно,
И враг у прицелов не спит.

Вздохнуть бы полям опалённым,
Но столько столетий подряд,
Сверкая, мечи о шеломы,
Как в век Ярославны, гремят.

Давно нам живётся иначе,
Но голос её и сейчас
Сквозь время тоскует и плачет,
Как прежде, в тот утренний час.

ЗЁРНА В КОНВЕРТЕ

Дочери Жанне

Хлеб, тобою присланный по почте,
Излучает рук твоих тепло,
От него, ты понимаешь, очень
На душе становится светло.

Нет, не зерна жаркие в конверте,
Ты на этот раз прислала мне
Зори, раздуваемые ветром,
Луч прощальный солнца на стерне,

Дальний гул комбайнов, перекличку
Лето уносящих журавлей,
Синих звёзд холодное величье,
Бесконечную печаль полей.

Мы настолько породнились с ними,
Будто через годы и века
Прорастём вдруг – и добавим к ниве
Два налитых солнцем колоска.

Тихо-тихо отдадим поклоны
Людям тем, что через много лет
Будут нянчить бережно в ладонях
Пахнущий горячим мёдом хлеб!

***

Знакомый нехитрый пейзаж –
Колосья шумят без умолку,
Густой паутины монтаж
Ведётся в берёзовом колке.

Смотрю я, как бродят грачи,
Как к току машина несётся,
Как в поле скирдуют лучи
Янтарного ясного солнца.

Такая сквозит синева,
Так ласково осень мне светит,
Что кругом идёт голова
От счастья, что есть я на свете.

Пусть полдень от пыли ослеп
Смеётся душа от приволья,
И зреют стихи, словно хлеб,
В пронизанном ветрами поле.

ИЮНЬ

Белым снегом засыпан июнь,
Снег летит – только ветром дунь.
Ты на свете такая одна,
Тополиная седина.

Еще молодость не прошла,
Голова не белым-бела,
Но снежинка, как будто в лесах,
Заблудилась в твоих волосах.

А ещё на дворе июнь,
А ещё ты, как тополь, юн.
Но однажды проходит весна
И летит с тополей седина.

***

Как важно вовремя уйти!
Оставь сомненье и тревогу,
Сойди с привычного пути –
И снова выйдешь на дорогу.

Поймёшь, быть может, через год,
А может статься – через годы:
Скорее вновь себя найдёт
Лишь тот, кто вовремя уходит!

КАЛЕНДАРЬ

Как всегда, без опозданья,
С января до января
Опадает, опадает
Снег листков календаря.

И летят, летят страницы
В череде незримых дней,
И сужаются границы
С каждым годом жизни всей.

Я нарочно позабуду
По утрам листки срывать,
Хоть и знаю – будет трудно
Повернуть мне время вспять.

Укротить бы мне однажды
Равномерный суток бег...
Что летишь ты, снег бумажный,
Настоящий выпал снег!

Скрыл друзей ушедших лица
Безмятежный снегопад...
Только как мне примириться
С тихой горечью утрат?

КАПИТАНЫ СВОБОДЫ

13 июля 1826 года на флагманском корабле «Князь Владимир» была совершена гражданская казнь моряков-декабристов. Как государственные преступники офицеры были приговорены к лишению чинов и разжалованы в солдаты.

В парадную форму одеты,
Становятся узники в ряд,
Срываются с плеч эполеты
И в бездну морскую летят.

От жертв отступив на три шага,
В каре замирает конвой...
Со свистом ломаются шпаги
У каждого над головой.

В Сибирь офицеров опальных
Отправят – с лишеньем чинов...
Закованы в цепи на палубе
Бестужев... Беляев... Чижов...

Баркасы отходят от берега,
Пронзительно чайки кричат.
...Не станет ни Куком, ни Берингом
Ни этот, ни тот лейтенант.

Но верят они: через годы
Взойдёт над страною восход,
А их в капитаны свободы
Россия произведёт.

И пусть не положен при этом
Ни крест и ни блеск эполет,
Но выше нет званья на свете,
Где знаков отличия нет...

***

Караван гусей плывёт вдали,
Слышится их хор многоголосый,
Что они с собою принесли,
Древние и мудрые философы?

Каждый раз, когда придёт весна,
Разгадать стараюсь я, как тайну,
Птичьего народа письмена,
Колдунов крылатых бормотанье.

И смотрю я долго птицам вслед...
Жаль, что им не выразить словами
Из миров заоблачных привет
Нам от тех,
кого давно нет с нами

КОЛОС

Он, насквозь пропылённый,
Ощутимый на вес,
Жарким солнцем калёный,
Перекрученный весь,

Битый градом, грозою
От макушки до пят,
Пережаренный зноем,
На ветрах всех распят,

Мытый дождиком нудным,
Веян снегом седым...
Вот и сила откуда,
Когда хлеб мы едим.

КРЫЛЬЯ

И самый мудрый аксакал
Ответить на вопрос бессилен,
Откуда в нас жива тоска
Так неосознанно – о крыльях.

И кто б, скажите, не отдал
Всю жизнь за взлёта миг счастливый?
Летел над степью конь тулпар,
Над Русью – конь золотогривый.

Наверно, людям неспроста
Из уст в уста мечту дарили...
Тот, кто о крыльях не мечтал,
Тот не имел вовек бы крылья.

Мы мчались вдаль быстрей мечты
На птице-тройке в чистом поле,
И не боялись высоты,
Летя с макушек колоколен.

Простор безбрежен и суров
Слились, как вихрь, в снегах косматых
Лихая удаль ямщиков,
Джигитов смелых, космонавтов.

Идём с тобой смотреть байгу
В степные дали, где игриво
Из края в край, смеясь, бегут
Пшеницы золотые гривы.

И рвутся в высь, лишь посмотри,
Как восклицательные знаки,
Карагандинских шахт копры,
Стальные вышки Мангышлака.

Да будет славен наш союз
Полётом дружбы неуклонным,
Горячей, как Экибастуз
В гружённых солнцем эшелонах.

Разбег – и спрятаны шасси...
Мечта! Ты нас не обманула,
Не сердце ли твоё, Турксиб,
Пылает в маках Байконура,

Туга сухих ветров камча.
Но им навстречу катит с силой
Крутые волны Капчагай,
Срываясь чайкой белокрылой.

О, миг полёта, – смелых дар,
Взметнувших крылья горделиво.
Есть у казахов конь тулпар,
У русских – конь золотогривый.

***

Легко меняют очертанья
В высоком небе облака:
То всадник промелькнёт, то странник
Шагает с посохом в века.

Я удивляюсь не на шутку,
Когда порою надо мной
Плывут – то купол парашюта,
То дед с дремучей бородой.

Не потому ль полдневной тишью,
Прикрыв ладонями глаза,
То ль ветра шорохи я слышу,
То ль чьи-то слышу голоса.

Пусть не пришла ещё разлука
Со всем живым, но наяву
Мне кажется: раскинув руки,
Я сам, как облако, плыву.

ЛИСТОГОН

Надо мною кружит листогон,
Будто шёл впереди почтальон
И набитою сумкой потряс…
Ты пришла на почтамт сентября.

Письма, марки эпох и времён
Закружил озорник листогон.
Опускается в руки само
Неизвестно откуда письмо.

В нём обратного адреса нет,
Это что? Запоздалый привет
Кто-то вдруг от тебя передал…
Ты прости меня. Видишь? Не ждал.
Но, наверное, это не сон…
Что-то долго кружит листогон.

ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ

Лодейное поле... Лодейное поле...
Мне кажется все ещё – будто вчера
С крутых стапелей в голубое приволье
Отсюда сходили фрегаты Петра.

Быть может, тогда прорубиться в Европу
С Балтийского моря они помогли...
...Колючей травой зарастают окопы,
Осколки торчат в каждой пяди земли.

Её отстояли совместно с другими
Бойцами мои земляки...
За тысячу вёрст от неё Приишимье,
Но Свирь и Ишим – две родные реки.

Рвались здесь снаряды и выли фугасы,
Ржавела земля от посева свинца.
И нет уж в живых лейтенанта запаса,
В живых моего нет отца.

Гвоздики сбегаются алою ратью
На поле сражения, где на бегу
Споткнулись с Ишимского брега ребята,
Оставшись на Свирском лежать берегу.

В седую легенду и быль окунувшись,
Я чувствую всею душой наяву,
Какая есть связь между веком минувшим
И веком, в котором я нынче живу.

А Свирь всё течёт и течёт величаво,
В течении плавном своём широка,
И каждый боец, мой односельчанин,
Был чем-то похожий на Ермака.

Дана за победу великая плата...
Когда, захлебнувшись вдруг в крике «Ура!»,
В бессмертье своё уходили солдаты,
Была в них отвага и дерзость Петра!

***

Море мне подарено тобою...
И, пожалуй, нет его древней,
По ночам мне снятся шум прибоя,
Крики чаек, грохот якорей,

Смуглые и дерзкие пираты,
В алых фесках, рвущиеся в бой,
Слышатся далёкие раскаты
Моря, привезённого тобой.

Как морской воде в бутыли тесно!
Ей, привыкшей к буре и штормам,
Чудятся нагих русалок песни,
Парус, пробежавший по волнам.

Вечную разлуку предвещает
За кормой прощальный след луны,
И я кожей всею ощущаю
Жар нагретой гальки вдоль спины.

И в груди рождается волненье,
Как волна рождается вдали,
После шторма в порты назначенья
Долго не приходят корабли.

Я в их возвращенье буду верить!
Жизнь порой как продолженье сна,
Где однажды нас с тобой на берег
Штормовая выбросит волна.

***

Мы, конечно, не вечны.
Только вечны всегда
Синь небес бесконечных
И снега, и звезда.

Эх! Пролиться б дождями,
Быть – и всплеском воды,
И печальным дрожаньем
Одинокой звезды,

Белым снегом черёмух,
Звоном колоса в зной,
Ивы сладостной дрёмой
Над степною рекой...

Чтоб закат долго-долго
Над землёй догорал,
Чтобы кто-то в восторге,
Как и я, замирал.

НАДЕЖДА

Матери моей
Надежде Ермолаевне

Назвали мать мою Надеждой,
Чтоб с верой в лучшее жила,
Когда без крова и одежды
Семья крестьянская была.

Пусть горя вынесла немало,
Пусть в доме хлеба и тепла
Всегда чуть-чуть недоставало, –
С надеждой мать по жизни шла.

Она ей придавала силы,
Когда на зорьке лет меня
Надолго с нею разлучила
Судьба нелегкая моя.

Она её не оставляла,
Как солнца добрый луч, светла,
Когда валила с ног усталость,
Когда отца с войны ждала.

Пускай и я живу непросто,
Боль разбивает губы в кровь,
Со мной всегда идут, как сестры,
Надежда, Вера и Любовь.

Одно твоё святое имя
Всю жизнь даёт мне, мать, понять:
Все можно у меня отнять, –
Никто надежду не отнимет.

Надеюсь, верю и люблю,
Когда невмочь мне, то, как прежде,
Я о единственном молю:
«Не покидай меня, Надежда!»

***

Осенний лес и пуст, и гол,
Хоть кто-нибудь сюда б зашёл!
Но... не заходят.
Не заходят!
Ко мне придут друзья сегодня,
А завтра, может, не придут –
Вот так тихонько предают.
Будь славен тот, кто в лес пришёл,
Когда он пуст, когда он гол!

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Планирует сверху отважно
Осенней лучистой порой
Он, как самолетик бумажный,
Что детскою послан рукой.

Планирует лист... И я думаю:
Он дням нашим чем-то сродни...
Как с дерева жизни бесшумно
Срываются сверху они!

Срываются тихо рассветы
И нет им возврата назад.
Чем больше нам лет, тем заметней
Оранжевых дней листопад.

Сквозь годы увидишь однажды,
Свой взор устремив в небосвод:
Исчез самолётик бумажный,
Ревёт в синеве самолёт.

...Подула метелица снежная,
Раздался неистовый свист,
Но держится, держится, держится
Последний оранжевый лист.

***

Открыты широко ворота,
Сугроб у самого крыльца...
Не надо плакать, мать! Да что там!
И дом чужим стал без отца.

И на часах застыли стрелки,
Попробуй время отыщи,
Мать разливает по тарелкам,
Когда за стол садимся, щи.

И лишь одно пустует место...
Кто б в красный угол сесть посмел?
Вдруг колыхнулась занавеска
И ветер в форточку влетел.

И мать дала сигнал к обеду,
За ложку взявшись, наконец,
Промолвив: «Это нас проведать
Сегодня приходил отец...»

ОТЦОВСКАЯ НИВА

Вагончик. Дымок самосада.
Поля и поля без конца.
Летучка, а проще – бригада,
Носящая имя отца.

В пыли подорожники тонут,
И спичкой чиркнув о зарю,
Дымком затянулся Платоныч,
– А я, ты прости, не курю.

Но всё ж убедительным тоном,
Баском хриповатым своим
– Кури, – говорит мне Платоныч,
И мы потихоньку смолим,
И степью любуясь, молчим.

Не сельсовет и не вече,
Без разных бумажных забот
Навечно увековечил
Отцовскую память народ.

– Скажи мне, Платоныч, по правде, –
Ему говорю, наконец:
– За это высокое право
Что сделал такого отец?

– Что сделал? – взлохматил тот брови,
Как будто вопрос был нелеп,
Потом помолчал и промолвил:
– Он первый, кто сеял здесь хлеб.
Кто землю баюкал и нянчил
И нам к ней любовь завещал...

Волнения в сердце не пряча,
Он бросил цигарку и встал.
Скомандовал хрипло: «По коням!»
И сам – на комбайн. И – айда!
За ветром рванулся в погоню,
Туда, где кипела страда.

Смотрел я, как дружной ватагой
В звенящей полынной дали
Громады комбайнов в атаку
На хлебную ниву пошли.

Казалось мне – степь сама вздрогнула,
Привстав на стальных стременах,
...Мы в хлеб запускали ладони,
Сдували полову с зерна,

Пропахшего жарким раздольем,
Всем тем, чем напоена степь...
Так вот он, с отцовского поля,
Душистый, с горчинкою хлеб!

В нём гулких моторов раскаты
И хлёстких ветров круговерть,
Сиреневых плавных закатов
В озёра упавшая медь.

Мы бережно взяли по горстке
И пробуем молча на зуб
И зарево зорь хлеборобских,
И душных июлей грозу.

А солнце сверкает неистово,
Как будто бы сварку ведёт...
И хлеб золотым обелиском
Встаёт на току каждый год.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

В разгаре лето, но скатилось
Пораньше солнце за село...
Еще ничто не изменилось,
Но что-то всё ж произошло.

Так замирает на излуке
Реки, где небосвод уснул,
Почуяв перемену, щука,
Хвостом нечаянно плеснув.

Так замирает на изломе
К глубокой осени душа,
И я в предчувствье незнакомом
В дороге замедляю шаг.

Во мне сомненья смутно бродят...
Самой природой отведён
Вот этот возраст переходный
Для всех людей и всех времён.

Не только там он, где граница
Из детства в юность пролегла...
...На землю жёлтый лист ложится.
Нет, нет! ещё к нам не пришла

С дождём и листопадом осень,
Но, лета чувствуя исход,
Светлеет паутинки проседь
Да всё душа чего-то ждёт.

И ты тревог своих не прячешь,
И ты в свою поверишь ложь,
Что можно жить начать иначе,
Но жить иначе – не начнёшь.

***

Под крылом – в немеренных просторах,
Где лишь ветры листьями шуршат,
Плёнкой льда покрытые озера,
Сиротливый шорох камыша.

В небе говор журавлиный замер,
Долог птиц нелёгкий перелёт,
Только там, за дальними морями,
Вряд ли счастье кто-нибудь найдёт.

Впереди летит вожак охрипший,
Вот и сделан им прощальный взмах...
Лишь весной ликуют птичьи крики
На родных весенних берегах.

Птицы, птицы! Я, поверьте, знаю,
Как от встречи с родиной тепло,
Как людей свиданье с отчим краем
Тоже поднимает на крыло.

Провожая вас печальным взглядом,
Думаю я, глядя в облака:
Человеку крылья дарит радость,
А бескрылым делает тоска.

ПОДРАНКИ

Хотя мы не горели в танках,
Но простынёй заметены,
Лежим в больнице, как подранки
Незабываемой войны.

Пора б к ребятам воротиться
В родное дальнее село,
Лететь бы с ними вольной птицей.
Да что там...
Сломано крыло!

Обход свой делает в палатах,
Как врач заботливый, весна...
...Был День Победы.
Сорок пятый!
Но... продолжалась та война,
Напоминая поневоле
Мне о себе в полночной мгле
Не знающей пощады болью
В неровно сросшемся крыле.

***

Ползла позёмка по земле,
Померк закат в снегах лиловых,
Я брёл один среди полей,
Волшебной силой околдован.

Я брёл и падал, но опять,
Чтоб не заснуть, чтоб не застынуть,
С одною мыслью – надо встать –
Вставал в заснеженной пустыне.

Стояла тишина, как страж
Глухого снежного раздолья.
Каким был радужным мираж,
Каким бескрайним было поле,

Где вечным сном курганы спят,
На зыбкий снег отбросив тени,
С трудом я сбрасывал с себя
Картины злого наваждения.

Не знал тогда я, что опять
Придёт мираж ко мне в полночной
Морозной тишине палат
Казнить, испытывать на прочность.

И с той же магией игры
Опять метель завоет звонко,
Завьюжив снежною позёмкой
Бинтов в руках у медсестры.

Как в поле, нрав её суров
В больничном полумраке душном.
Со стоном падаю в сугроб
Карболкой пахнущих подушек.

Но в тот же миг, длиной в года,
Хочу я в полный рост подняться,
И не сдаваться, не сдаваться
В плен белой вьюге – никогда!

ПОРА СУХОРОСА

Уходя, молвил просто
Он с улыбкой сквозь грусть:
Я – к поре сухороса
Непременно вернусь.

Будет круглые сутки
Молотить мой комбайн...
Будут песни и шутки
Литься в степь через край.

Так и врезался в память
Он твою навсегда:
Перетянут ремнями,
На пилотке – звезда.

Ты в грозу ту узнала,
Ни жена, ни вдова,
Как сухими слезами
Плачет в поле трава.

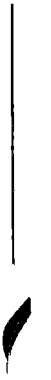
Как стучится без спроса
В дом лихая беда.
Степь...
Пора сухороса.
Меркнет в небе звезда.

***

Почему-то непременно
Ходят парою всегда
Вместе с ревностью измена,
Рядом с радостью беда.

По одной идут дороге,
Нет надежнее подруг...
Мне б хотя бы ненадолго
Разорвать порочный круг.

Но со мной они – как тени,
Будто нет иных путей,
Видно, цену обретений
Не познать нам без потерь.

ПТИЧИЙ БАЗАР

За окном – птичий крик и галдёж,
Не весна ли пришла? Не поймёшь.
За окном – седовласый январь,
На дворе – гололёд и хмарь.

Ну, а птицы кричат и кричат,
Стукнуть клювом в окно норовят,
В чём же дело? Кто-то сказал:
«Знаю я – это птичий базар!»

...Мне под утро туманное снится:
Торг ведут на заре синицы,
Торопливо судачат сороки,
Разбирая чьи-то пороки,

Воробьи так и распетушились,
Вербы белые снегом умылись,
Ароматом запахло весенним,
Разлилось по земле всей цветенье,

И, как говор сорочий, речисто
Ручейки зазвенели лучистые,
Птицы с гомоном, шумно скандаля,
У зимы нам весну покупали.

***

Пусть характерами схожи...
Уготовила судьба
Выбирать нам чаще всё же
Непохожих на себя.

Да легко ли равных встретить
И душой, и сутью всей?
Потому что нет на свете
Одинаковых людей.

И поверьте – будут пресны
Только тишь да благодать.
Это даже интересно
Каждый день себя ломать.

Пусть из двух вулканов кратеры
Дышат огненной грозой...
Притираются характеры –
Лед и пламя – твой и мой.

РАЗЪЕЗД

Давным-давно когда-то мной
Была картина эта видена:
Старуха древняя с клюкой,
Гусей пасущая на выгоне;

Идущие в лесную синь
По ягоды с лукошком бабы;
Гудки толпящихся машин
У полосатого шлагбаума.

Я видел будто наяву
И этот стог, и эту рощу,
Щипала, фыркая, траву
В степи стреноженная лошадь,

И так же, стоя босиком,
С тревожной грустью, неустанно
Махала девочка платком
Вслед уходящему составу.

Как будто видел я уже
И тот плетень, и блеск зарницы...
Потом не раз в моей душе
Картина эта повторится.

Поляна. Роща. Тихий свет
Девичьих глаз с немым вопросом,
Летящие мне долго вслед
Платки берёз простоволосых.

РЕПРОДУКТОР

Люди жадно с фронта вести слушали,
Когда голос «Говорит Москва»
Собирал в круг вставших за осьмушкой
Хлебного военного пайка.

А сегодня мощная колонка
Вряд ли сможет приковать к себе,
Как в те годы, горем опалённые,
Чёрная тарелка на столбе.

Булькал репродуктор тот прерывисто,
Как на фронте, службу свою нёс,
Может быть, теперь в музеях выставлен,
Не волнует он уже до слёз.

Но я помню: затихает гомон
В шумной разновозрастной толпе,
Когда он: «Вставай, страна огромная», –
Так, что стыла в жилах кровь, хрипел.

РОДИНКА

Называется Родинкой
Не ручей, не река...
Отражается родина
В глубине родника.

Дышит поле покоем,
Спал полуденный зной,
Ах, приволье какое!
Золотистое дно.

Куст созревшей смородины,
Пропылившийся весь,
Родниковая родина
Начинается здесь.

И нигде не кончаются
У неё берега.
Мы с тобой повстречаемся
У того родника.

Может, ты умывалась
В роднике, озорна,
И от брызг всех осталась
Только капля одна.

Ах ты, Родинка, Родинка, –
Не река, не ручей...
Родниковая родинка
У тебя на плече.

По дорогам непройденным
Мы уйдём делеко...
Начинается Родина
С голубых родников.

Ах, ты, Родинка, Родинка,
Взмах прощальный руки,
Куст смородины...
Родина,
Мы твои родники!

РОДНИК

Сюда, где ключ целебный зреет,
Теперь все едут на авто,
Глядят наивно ротозеи,
И я гляжу: а где же тот

Пробившийся на свет однажды
Из самой глубины земли,
Чтоб путникам усталым жажду
В горячий полдень утолить?

Никто, наверно, не забудет
Чудесный миг в палящий зной,
Когда заломит даже зубы
От влаги доброй и живой.

Теперь родник в бетон одели
Самой природе вопреки...
А мы душой не обмелели,
Когда мелеют родники?

***

С душою, полною огня,
Ты горечь слов в подушку прячешь.
Ты рождена – не для меня,
Я для тебя – не предназначен.

Я не создал тебе чудес,
И ты в меня давно не веришь…
Но мир прекрасен, если есть,
Кому ты целый мир доверишь,

Кто у тебя печаль уймёт
Как будто волосы причешет,
Кто обнадёжит и поймёт
И словом ласковым утешит,

И в ком в предчувствии беды
Никак не сможешь усомниться,
Как две мерцающих звёзды,
Одна душа к другой стремится.

Так где ж мы ходим, боже мой,
Когда полжизни за спиною,
И я, не встреченный тобой,
И ты, не встреченная мною?

СВЯТАЯ ЛОЖЬ

Ты совесть, друг, мою не трожь.
Не надо мне морали праведной,
Пойми, что есть святая ложь,
Святая ложь – во имя правды.

Так до взросления порой,
Скрывая тайну от ребенка,
Ему с открытою душой
Мы лжём расчётливо и тонко.

Так врач, ведя с недугом бой,
Скрывает свой диагноз грозный,
Чтоб веру обретал больной
В оптимистических прогнозах.

Берет грех на душу?
Ну что ж.
Есть исключения из правил.
Я только за святую ложь...
А в остальном – пусть будет правда!

СИБИРСКИЕ МАДОННЫ

Осатанело вьюги стонут
На перепутьях дум-дорог.
Спешат сибирские мадонны
К невольникам в глухой острог.

О, эта добровольность плена
В медвежьем сумрачном углу!
...Пурга, как пляска пунша пенного,
Как всплески платьев на балу.

Снега, снега, как привиденья,
Да редких огоньков игра,
Всей жизни стоит отреченье
Во имя долга и добра.

Лишь только след саней поющих,
Звенящих елей серебро,
Узнав про то мгновенье,
Пушкин возьмётся гордо за перо.

В час вдохновенья, полный страсти,
Предвидя на Руси восход,
До современников Некрасов
Великий подвиг донесёт.

И на сибирских старых улицах
Мне в зимний день, под свист пурги,
Из века прошлого почудятся
Тех женщин доблестных шаги.

И я отдам поклон им низкий
За то, что шли в неравный бой
За честь души, за бескорыстие,
За верность долгу, за любовь,

За то, что путь их был увенчан
Высоким светом красоты,
За то, что ищем в наших женщинах
Чеканных профилей черты.

И пусть уже давно настали
Иные времена и дни,
Но в час суровых испытаний
С гравюр глядят на нас они.

И жгут нас взглядом напряжённым,
Как будто ждут они ответ:
«Достойны ль мы, чтоб наши жёны
Вот так пошли за нами вслед».

СИНИЦА

Задует ветрами закаты,
Взойдёт одиноко звезда,
И больше не будет возврата
Уже нам сюда никогда.

Уже никогда не приснится
Ни луг, ни заря над прудом,
Три раза на ветке синица
Вдруг свистнет за синим окном.

Умолкнет... и свистнет нам снова
Уже напоследок в пути...
От вечности тайного зова
Нам всем никуда не уйти.

Даётся лишь время проститься
Со всеми, с кем жили в любви...
Синица, синица, синица,
Подольше меня не зови.

***

Скользит твой взор за птичьей стаей,
Поднявшей утром ранним крик.
Вот щебет птиц тех, нарастая,
И в нашу форточку проник.

И почему-то на рассвете
Ты вдруг почувствуешь душой,
Как пахнет теплым полем ветер,
Как манит день голубизной.

Пусть снег лежит свинцово-тусклый,
Пусть дни бывают холодны,
Но надо жить всегда в предчувствии
Надежды, Веры и Весны!

СКОРЫЙ

На полустанке транссибирской
Дороги, замедляя ход,
Промчится скорый пассажирский,
И чей-то взгляд к стеклу прильнёт.

Свет излучая фиолетовый,
Летя в полуночную мглу,
Как будто кадры киноленты,
Вагонок окна промелькнут.

Что там, за шторками из ситца:
Беда, разлука, счастье, боль?
Чьих судеб таинство вершится,
Чьё горе там и чья любовь?

...Скользнёт туманный взор с тревогой
За фонарём последним вдаль,
Качнётся, как во сне, в дороге
И чья-то радость, и печаль.

Вновь промелькнёт разъезд и сгинет,
Курьерский – наберёт свой ход...
Как будто фильм многосерийный
Безостановочно пройдёт.

В нём – непокой и вечный поиск,
Миг отступлений, свет побед...
Несётся жизнь, как скорый поезд,
Которому возврата нет.

СНЕЖНАЯ ЯГОДА

Каждому в срок выпадает цветенье,
Каждому в срок – созреванье плодов.
Каждому в меру и света, и тени,
Каждому – столько-то дней и годов.

Лето прошло. Хмурой осени флаги
Тихо приспущены с темных ветвей.
Всё отцвело, только снежная ягода
В роще пустой зацветает сильней.

Ягода-ягода, белая-белая,
Что же случилось, скажи мне, со мной,
Не для того ль ты так рано поспела,
Чтоб обернуться метельной зимой.

СТАРЫЙ ДОМ

Не здесь ли родины исток?
Сейчас с холма увижу древнего,
Как сторожит ворона стог
У края поля, за деревней.

Там дальше, в сумраке седом,
Смотря на мир с немым укором,
Стоит забытый отчий дом
За покосившимся забором.

Да вот он! Я его нашел.
Пойду за поворот, и – прямо...
...Качнётся под ногами пол,
До блеска выскобленный мамой.

И пригласит за стол она,
И будет радостно светиться
Её лицо, а из окна
Печальный свет на землю литься.

...Взмахнуло прошлое крылом,
Седую память в сердце будит.
Давно оставлен отчий дом ,
И в нём живут чужие люди.

Но с почерневшим потолком,
С поющей старой половицей,
Казался в детстве он дворцом,
Куда уже не возвратиться.

Не постучусь я в дом чужой.
Туда, где долгой зимней ночью
Раскатисто, как домовой,
Метель в печной трубе хохочет.

***

Стихи рождаются из прозы,
Они рождаются тогда,
Когда шумят над нами грозы,
Когда нам сердце жжёт беда.

Они рождаются, когда нам
Бывает в жизни тяжело,
Когда наносит недруг раны,
Когда с добром схлестнулось зло.

Любви и ненависти пламя...
Борьба грохочущих стихий...
И мы не замечаем сами,
Как зреют в недрах душ стихи.

Когда обида не стихает,
Огнём прицельным бьёт навет,
Мы защищаемся стихами,
И лучшей нам защиты нет.

Шумят, как очищенье, грозы,
Идёт сраженье душ и слов,
Стихи рождаются из прозы,
И нет весомее стихов.

***

Строчек огненная плавка,
Что идут в нелегкий бой,
Выдаётся после правки,
Где редактор – горновой.

И порою до рассвета,
Как мартеновская печь,
Плавит свой глагол газета,
Чтоб сердца людские жечь.

СУХАРЬ

Лежим в палате, как положено,
Гадаем: что там, на обед,
А на обед дают пирожное!
И – пляшет детвора в ответ.

Но есть причуды у больного,
Я чудаком в тот день прослыл,
Когда вдруг сухаря ржаного
Взамен у няни попросил.

Вот так отец мой перед боем,
Чтоб сохранить души закал,
Идя дорогой фронтовою,
Сухарь хрустящий доставал.

Я, как и он, навек запомнил,
Собрав все крошки до одной,
Пропахший дымом, полем, домом,
Бодрящий дух, сухарь ржаной.

УЧИТЕЛЬ

Нас увозит куда-то поезд...
Ждёт тайга нас, и ждёт нас полюс,
А учитель наш остаётся...
На всю жизнь нам урок им даётся –
Чести, совести и благородства.
Он ответствен и он причастен.
К нашим радостям, к нашим ненастьям.
Нелегко в большом его мире:
Дважды два – не всегда четыре.
И как правила деления,
Там удачи, а там... сомнения.

И в душе он ведёт неустанно
То сложение, то вычитание
И побед, и надежд на успех,
Лишь бы счастье было у всех.

Мы уходим... А он упорно
Никуда от нас не спешит,
Извлекая квадратный корень
Человеческой души.

ЧЁРНАЯ БЕРЁЗА

То ль ей душу опалили грозы,
То ли ствол ей молния прожгла,
То ли в лес к нам чёрная берёза,
От беды скрываясь, забрела.

Или угодило в лес снарядом
И лишь чудом выжила она,
Когда смерчем прошумела рядом
Страшная, жестокая война.

И до боли нам напоминая
Наших незабвенных матерей,
Когда вьюга налетает злая,
Не сгибается в беде своей.

Будто ждёт, когда к коре целебной,
Запоздалый путник припадёт,
И она взлетит вдруг чёрным лебедем
И печально в небе поплывёт.

ЧУДАКИ

Творить всегда – кому на радость,
Кому на зависть... И вам вслед
Несётся едкий смех: «Не надо
Изобретать велосипед».

Но всё же стройте и стругайте,
Вникайте зорко в чертежи...
Пусть вас бракуют и ругают,
Не надо, чудаки, тужить!

Дерзайте, в облаках витайте,
Гоните прочь покой и сон,
Велосипед изобретайте,
Ведь лучший – не изобретён.

Когда приходит вдохновенье –
Пред ним ничтожен взгляд косой,
Так пусть живёт в нас древний гений,
Кто первым сделал колесо!

***

Эту землю не охватишь взглядом,
Только на три шага отступи
И – увидишь ниву в неоглядных
Островах берёзовых в степи.

Вьются осы над полями мирными,
Где незримо зреет урожай,
Где холмы, как дерзкие батыры,
Тишину степную сторожат,

Где прошли подобно урагану
В небыль кочевые племена,
Канули под вечными курганами
Всадников забытых имена.

И суровы перелесков думы,
И тревожен птиц весенних гам,
И костями воинов Кучума
По степи белеть солончакам.

И кругом, где облака кочуют,
Из расщелин треснутой земли
Ржавые, как древние кольчуги,
Буйные колосья проросли.

ЭХО ТИШИНЫ

С замиранием слушали люди
Тишину долгожданной весны,
Когда смолкли навеки орудия
Самой долгой, великой войны.

И куда бы они ни уехали,
И надеждой и верой полны,
Через годы им слышится эхо
Той второй мировой тишины.

Только время суровое тронешь –
Зазвенит, как горячий свинец,
Эхо горьких, как скорбь, похоронок,
Эхо выжженных трав и сердец.

Эхо мужества, эхо страданий,
Эхо памяти, эхо войны,
Что звучит, как набат, заклинаньем:
Третьей нам, не дай Бог, тишины.

***

А высшее веселье – грусть,
И этой грустью душу лечат.
Летит ко мне, как белый гусь,
Зима метельная навстречу.

Имеет право грусть на жизнь,
Я сотню раз хоть с кем поспорю,
Что грусть – совсем не пессимизм
И не тоска в минуту горя.

Но убедительно и веско
Мне говорят: «Грустить нельзя».
Мне говорят: «Чего невесел?» –
На разных праздниках друзья.

Как объяснить им, что совсем
Не в громком гомоне веселье,
Не в том, чтоб вдруг взорвался смех.
Не в том, чтоб песни хором пели.

Когда тепло друзей не греет,
Приятен снега свежий хруст...
И подтверждают мне деревья,
Что высшее веселье – грусть.

БАЛЛАДА О БЕРЁЗАХ

Мы бредили Африкой в детстве,
В придуманной сказке своей
Среди захолустных и тесных
Дворов, огородов, плетней.

Мели в ней полынные ветры,
Цвёл яркой затянутый пруд,
И рос подорожник в кюветах,
Который на раны кладут.

Потом, когда стали мы взрослыми,
Ну кто б мог подумать, что к нам
Пожалуют гости заморские,
К ишимским седым берегам,

В целинные наши просторы
Из жаркой волшебной страны,
И вновь оживут перед взором,
Как в детстве, лианы, слоны.

А нам удивить здесь какою
Экзотикой наших гостей?
Да чтоб не давала покоя
Им в Африке даже своей?

Ну что здесь порадует око?
На чём остановится глаз?
Из птиц разве только сорока
В диковинку будет для вас.

И мест у нас нет знаменитых,
Чтоб миру поведать о нас.
Душистей лесной земляники,
Наверное, ваш ананас.

Пусть в небе застенчивей спеет
Багряный румянец зари,
Пусть солнце у нас здесь скупее
И звонче и злей комары.

Зато как пойдём за околицу
К считающим вёрсты столбам,
То в пояс берёзки поклонятся,
Как русые девушки, вам.

И где бы вы ни были, снова
Не встретите больше таких,
И даже из кости слоновой
Искусно не выточить их.

Напрасно лукавые блёстки
В глазах ваших вспыхнут на миг,
Ни грамма белил и извёстки
Не тратили вовсе на них.

Хоть в самую сильную лупу
Смотрите на свет и на цвет,
Бессильна тут будет валюта –
Цены этим рощицам нет.

И тут торговаться напрасно:
В краях не прижиться чужих
Берёзам, хоть цену вы красную
Назначьте за саженцы их.

Нужны им не сказки волшебные
От родины милой вдали,
А эти просёлки да небо,
Где клином летят журавли.

Ватага ветров непокорных,
Метелей неистовых стон,
Закаты в реке, от которых
Малиновый чудится звон.

В цветах фиолетовых лето,
Степная неяркая даль,
Холодная проседь рассветов,
Полей бесконечных печаль.

И я никогда не покину
Свой край, что душицей пропах,
Где небо вприкуску с полынью
Горчит у меня на губах.

Милее мне нет и желанней
Берёзовой этой страны...
И что перед ними лианы,
Жирафы и даже слоны!

Из близкой по духу мне песни
Я выстрадал строки сполна:
«Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна!»

***

Бегут вперед неслышной ратью
За чередою дней года.
Уходит что-то невозвратно,
Уходит кто-то навсегда.

И с каждым днём ранимей слово,
И с каждым годом горячей
Смолистый дух ветвей еловых
И свет мерцающих свечей.

Но нипочём мне будут годы,
Пока всегда перед собой
Я буду видеть лик твой гордый
И тот чеканный профиль твой.

***

Благодарю за всё, что было
У нас с тобой за тридцать лет.
За то, что мне казался милым
С тобою вместе белый свет.

За то, что мы, как хлеб, делили
С тобой невзгоды пополам.
За то, что мы с тобой прожили,
Не замечая счёт годам!

Благодарю за свет лучистый
Из синих, словно небо, глаз,
За первый вальс осенних листьев,
Что закружил по свету нас...

За верность ту, что ты хранила,
За радость светлую в груди...
Благодарю за всё, что было,
И всё, что будет впереди...

***

В Праге сняли с постамента
знаменитый танк – памятник
советским воинам,
освободившим Чехословакию
от фашистов!
(Из печати)

О, русских воинов отвага,
Решимость лиц в суровый час,
Когда эфир: «Спасите Прагу!» –
Европу древнюю потряс.

Мелькали рвы и полустанки,
Тряслись ажурные мосты,
Когда спешили наши танки
От пепла стольный град спасти.

Был грозен путь их к пьедесталу,
Сквозь смерть, страдания и прах.
И сколько воинам досталось
Цветов и радости в глазах!

Цвели каштаны и улыбки...
Века в один поставят ряд
Героев Праги, Плевны, Шипки
И тех, кто пал за Сталинград.

Воздаст история по праву
Всем, утверждающим враньё
Про нашу честь и нашу славу,
Про лебедей и вороньё.

А на забытом полустанке.
Устав от смуты и обид,
Под марш «Прощание славянки»
Терзает душу инвалид.

Так пусть над ложью и неправдой
Через поруганный гранит
В сердца, как стон:
«Спасите Прагу!» –
К нам пепел памяти летит!

ВЕРА

Живёт в нас вечная потребность
Во что-то верить, жить светлей.
Но позабыв богов на небе,
Мы их творили на земле.

На лжи, как на крестах, распяты,
За храмом сокрушая храм,
Как поклонялись мы им свято,
Земным и грешным божествам.

Мы поступиться верой смели,
За что терзала нас судьба,
А что взамен создать сумели,
Чтоб снова обрести себя?

***

Всё проходит – радость и невзгоды,
Только лишь оглянешься вокруг
И увидишь, как промчались годы,
Завершив ещё один свой круг.

И опять уже пора в дорогу,
В путь длиною в триста с лишним дней,
Мы сегодня пригласим немногих,
Но желанных, дорогих гостей.

Лучшие друзья уже далече...
Без иных – спокойно проживём,
Только знаю – предстоит нам вечер,
Когда мы останемся вдвоём.

Пусть промчатся годы снегопадом,
Но какая б вьюга ни мела,
Только бы всегда со мною рядом
Ты, мой друг единственный, была!

Платье лучшее своё надень ты!
О годах ушедших не тужи,
С Новым годом!
Счастьем!
Днём рожденья!
Выше на год голову держи!

ВСЕХ НАС ЖИВЫМИ ДЕЛАЕТ ПАМЯТЬ

Друзьям-журналистам,
коллегам по работе,
безвременно ушедшим из жизни

Ты любил закат,
Дождь и листопад,
И коней, и луг,
Мой друг.

Так зачем гроза
Пламенем в глаза
Полыхнула вдруг
Вокруг?

Целый шар земной
Стал вдруг сиротой
Без судьбы одной
Такой.

В шорох летних трав,
В синеву утра
Ты ушёл от вьюг,
Мой друг.

С высоты планет
Не дойдёт привет,
Посланный тобой,
Домой.

Разорвать бы круг
Вечности разлук.
Слышишь сердца стук,
Мой друг?

Только ветра вскрик,
Лебединый клик
В душу к нам проник
На миг.

Замирает звук.
Тишина вокруг,
Да лишь эхо лет
Нам – вслед.

***

Вьюга за окнами мечется птицей,
Стоит лишь только прикрыть мне глаза,
Вижу друзей незабытые лица,
Слышу знакомые их голоса.

Все мы, как звёзды, однажды растаем
В дымке тумана, в печали полей,
Сколько нас ждёт на земле расставаний,
Как у рыдающих в мгле журавлей.

Вьюга за окнами, в сердце тревога,
Стук ли мне чудится, тайная ль весть?
Что, если вдруг перед дальней дорогой
Некому будет со мною присесть?

Часто меня обжигает, как пламя,
Истина та, что душой я постиг:
Всех нас живыми делает память!
Можем ль друзей мы забыть хоть на миг?

***

Давай с тобой представим девочку,
Что родилась под Новый год
И умудрялась сказку делать
В степи, где пыль да небосвод;

Могла, под дождь подставив тёплый
Лицо, вести с ним хоровод;
Босой по летней пыли шлепать,
Измазав в ежевике рот;

И семь цветных ступенек радуги
В одно мгновенье перейти;
Смеяться, плакать, сердцем радуясь
Всем добрым людям на пути.

Пусть не всегда твой путь был ласков,
Но благодарен я судьбе,
Что есть та девочка, и сказка
Жива по-прежнему в тебе!

ДЕЛЕНИЕ

Теперь мы знаем, что напрасно
Делили семь десятков лет
Весь мир на белый и на красный,
Враждующий друг с другом цвет?
И по какому это праву
В нелегкий для Отчизны час
Уже на левых и на правых
Зачем-то разделили нас.
Многострадальное Отечество!
Каким знамёнам ни верны
Мы все, но всё же перед вечностью
Цвета и стороны равны!
И вам, встающим на дыбы,
Всегда во всём непримиримым,
Хочу сказать: вы не правы,
Кто признаёт лишь путь борьбы,
А не согласия и мира!

ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ВОЙНЫ

Всё в дрёме – нивы и покосы,
Звеня от чуткой тишины,
Рассвета серая полоска
Мир отделяет от войны.

Еще не вздыблено Отечество
И не изведан ад сполна,
Еще не верят перебежчику,
Который выдохнул: «Война!»

Еще спокойно спят дороги
И мирно дремлют облака,
Еще в Кремле никто не вздрогнул
От телефонного звонка.

Еще не знают в сне глубоком
Отчизны верные сыны,
Что на Россию все бинокли
С той стороны наведены.

Еще вдали зарёю вешней
Восток румянится едва,
Но плачет где-то безутешно
Ночная птица, как вдова!

***

И через боль я вижу ясно
Сквозь холодок его лица,
Что бывший друг порой опасней
Беды, ненастья и свинца.

Всегда на свете будет зыбкой,
Хоть сколько раз её не множь,
Способность прятать за улыбкой
И лёд предательства, и ложь!

***

Как судьба нас ни кружила,
Как ни жёг мороз и зной,
Но мы, слава Богу жили,
Как положено, с тобой.

Никого не предавали,
Не творили людям зла,
Если надо, отдавали
Свет душевного тепла.

И какая б в жизни вьюга
Надо мною ни мела,
Нет и не было подруги
Самой лучшей для меня,

Дорогой, неповторимой,
С щедрым сердцем и душой,
Самой верной и любимой,
Милой, искренней, родной,

Самой доброй и весенней,
Как ушедшие года,
Той, какую не заменишь
И никем, и никогда!

***

Клеил он крестóм конверт,
И никто не знал, не ведал,
Что состряпанный навет
Был распятьем для соседа.

И пока есть зло и месть,
В Лету истина не канет,
Если Авель где-то есть –
Для него найдётся Каин!

***

Когда закружит в поле вьюга
И круто заметут снега,
Дай Бог спастись от лести друга
И злобной клеветы врага,

И от усердного участья
Всех тех, кто нам бывает рад,
И от избытка того счастья,
Что накукуют, насулят,

От неприязни затаённой,
Что бьёт, как ток, по проводам,
И от любви неразделённой,
И от всего, в чём трудно нам.

***

Когда неслышно и незримо
Уходит старый год, как дым,
Давай присядем, друг любимый,
И просто – тихо помолчим.

Хочу, чтоб ты не изменилась,
Хочу, чтоб только ты прошла –
Всё тихим светом озарилось:
И луг, и поле, и душа.

И глядя вслед, улыбки доброй
Уже никто не погасил,
И уносил тот милый образ,
Что в сердце он всю жизнь хранил!

***

Мгновенья счастья и размолвки –
Всё было... Что там говорить!
Но вместе мы прожили столько,
Что нас с тобой не разлучить.

Лишь понимаю с каждым годом:
Приходит тот однажды час,
Когда мы в прошлое уходим,
А в будущем не будет нас.

Пройдут мгновенья золотые,
Которых нам не позабыть,
И будут вместо нас другие
Смеяться, плакать и любить.

И может быть, другой уж жизни
Во всей Вселенной не дано,
И нам кружиться, как снежинкам,
Потом, быть может, суждено.

Но и тогда, когда сравниться
Придётся с ней моей судьбе,
Я буду всё равно стремиться
Из дальней вечности к тебе!

И чтобы ни было на свете
На этом и на том со мной,
Ворвусь к тебе с весенним ветром,
С вечерней первою звёздой,

Примчусь с надеждой и любовью...
И с юным месяцем в строю
В твоём – с ним вместе – изголовье
Немного просто постою.

***

На судьбу нам не надо сетовать,
Ни к чему наш извечный вопрос,
Хорошо ли жилось нам на свете,
Хорошо ли?
Да как уж пришлось!

Ну представь, если вдруг бы нас не было,
И без нас бы всходила заря,
И без нас облака плыли в небе,
И без нас пахла хлебом земля...

Не представить?
Ну что ж, и не надо,
Да и я бы представить не смог
Эту землю без вьюг и без радуг,
Без Тебя, без разлук и тревог.

Так давай же с тобою не сетовать
На судьбу, что иной быть могла,
Без печалей и радостей светлых,
Без любви, без надежд и тепла.

Пусть нас ветры судеб закружили
На излом, только знай – хорошо,
Что на свете мы жили да были,
А даст Бог, то побудем ещё!

НАШИ МАРЬИ И ИВАНЫ

Дорогим внучатам
Ванечке и Машеньке

Всем на радость и на диво
Да на зависть разным странам,
Кто под стать таким красивым
Нашим Марьям и Иванам?

Кто под стать таким певучим,
Удалым и с гибким станом...
Под венец пойдут – нет лучше
Пары Марьи и Ивана!

Запоют – в озноб всех бросит
От их песни и баяна,
А у Марьи русы косы
И лихой чуб у Ивана.

С речью дивной и напевной
И со взглядом, полным ласки,
Как царевич и царевна,
Что пришли из русской сказки.

Не найдёшь таких же сильных
Да в работе неустанных,
Если держится Россия –
То на Марьях и Иванах!

Постоянно они с нами
В горе, радости, разлуке...
Мы не зря их именами
Называем внучку с внуком.

***

Не спрашивай меня: «Который час?»
Порой часы обманывают нас.
Счастливые часов не наблюдают,
И мы с тобой не наблюдали их
И не заметили, как закружились дали
В осенней мгле и вихрях снеговых.
Как на часах, на наших циферблатах
На двух пятёрках стрелочки сошлись,
И мы с тобою в том не виноваты,
Что есть лишь миг, и он зовётся – жизнь.
Она, как ты, по-прежнему прекрасна,
Всё ясно в ней как будто, но не ясно,
Как промелькнули детство наше, юность
И молодость – в словах не передать,
Но всё же, как бы ни было нам трудно,
Давай с тобой часов не наблюдать.
И не беда, что вдруг похолодает...
Счастливые часов не наблюдают!
К тому ж часы обманывают нас.
Не спрашивай меня: «Который час?»

ПОД ЗНАКОМ ЭДЕЛЬВЕЙСА

Человек, рождённый
под знаком Эдельвейса,
обладает всеми качествами
хорошего друга.
(Из астрологического календаря)

Каждый год, наполненные негой,
Проникаясь духом высоты,
Где парят орлы, сплетаясь с небом,
Вырастают дивные цветы.

И когда душа моя в небесную
Взмоет над горами синеву,
Под высоким знаком эдельвейсов
Я тебя увижу наяву.

Сын степи, не знал я и не ведал,
Что цветы, как брызги синих глаз,
Загляделись в декабре на небо,
Чтобы ты с тем знаком родилась.

Может быть, в последний миг на круче,
Оглядев всю Землю просто так,
Я пойму, наверно, почему ты
Тех цветов несёшь мятежный знак!

***

Посмотри, дорогая,
Проходя по земле,
Как заря догорает
В вечереющей мгле.

Кто зовёт нас куда-то
За далёкий предел,
Где не гаснут закаты
От земных наших дел?

Кто сигналит из края
Несгораемых дней,
Словно весть подавая
От родных и друзей?

Кто нас манит из вечности
В тот неведомый круг,
Где сбываются встречи
И – не будет разлук?

***

Предгрозовая тишина.
Когда и лист не шелохнётся.
Когда душа напряжена,
И ей никто не отзовётся.

Но всё обманчиво вокруг,
Я весь предчувствием наполнен.
Сейчас глаза открою вдруг
И – грянет гром,
И вспыхнут молнии.

От ветра листья задрожат.
Земля притянет травы с силой.
Ах, если б стрелами дождя
Гроза бы степь тогда пронзила.

Не затвердеть ей от копыт,
Над лугом не вихриться осам...
Есть солонцы у нас в степи,
Которые не плодоносят.

...Но травы жёсткие растут,
Храпят стреноженные кони
Да зорким беркутом пастух
Все вдаль глядит из-под ладони.

***

Скинут осени наряд.
Только, как рубины,
Посреди снегов горят
Ягоды рябины.

Всем стихиям вопреки
В трудном поединке
Рассыпает огоньки
Тонкая рябинка.

Греет душу мне огнём
И я вижу с радостью,
Что хотя бы у неё
Не бывает старости!

***

Стояли за окном деревья.
Ни зги не видно. Только мгла.
Вдруг снежная волна деревню
В глухую полночь понесла.

Потом всё стихло, вся округа
Спала, не ведая забот,
Но до сих пор меня та вьюга
По свету белому несёт.

СУДНЫЙ ЧАС

Качнутся стрелки на весах истории,
Которая рассудит до конца
Творцов эпохи культа и застоя
И наши с вами души и сердца.

А перед ней не встанешь на колени:
Не вымолить прощенья в судный час
Ни тем, кто был в гранитном облаченье,
Ни тем, кто звёзды вешал напоказ.

Пусть миновала их людская кара,
Но от неё уйдя в небытиё,
Присуждены там мучиться кошмарами
От иска грозной памяти её.

ТЫ ВОВСЕ В ТОМ НЕ ВИНОВАТА

Жене и другу Нине

Ты вовсе в том не виновата,
Сверкая яблоней в цвету,
Что слишком дорогую плату
Судьба берёт за красоту.

Что как-то раз сведя с тобою
На стропах жизненных путей,
Заставит заплатить ценою
Не обретений, а потерь.

Ценой того, что тайно мстили
В тебя влюбленные друзья,
Что не они в кумирах были,
Что изменить тебя нельзя.

И со злорадством замечали,
Как год от года красота
Чуть горькой складкою печали
Обозначается у рта.

Теперь с годами стала чаще
Тревожить душу цепь невзгод,
А больше всё-таки на счастье
Подругам золушкам везёт.

И ты глядишь в окно устало,
И белый свет порой не мил,
А мне всё кажется, что мало
Тебе стихов я посвятил.

Но обжигает душу жарко
То оправдание себе,
Что и у Блока, и Петрарки
Нашёл стихи я о Тебе!

***

Я не сравню тебя ни с кем,
И не приму сравнений громких
Ни с незабвенной Анной Керн
И ни с прекрасной «Незнакомкой».

Пускай в тебе, мой друг, нашли
Всё то, кому что стало ближе,
Одни – всю прелесть Натали,
Другие – тайну Моны Лизы.

Но нет сомнений ни на миг,
Что ты, – пусть их черты вобрала, –
Была не копией других,
А, как они, оригиналом!

БЕЛЫЙ СВЕТ

Так устроен белый свет,
Как бы ни хотели,
В мае – яблоневый цвет,
В январе – метели.

Вечен тот круговорот,
Вслед за летом – осень,
После тучи небосвод
Просветляет просинь.

Всяк всему свой будет час,
И тому порукой,
Если встреча ждёт сейчас,
То потом – разлука.

Что поделать? Ну и пусть...
Сожалеть не надо,
За весельем будет грусть,
За печалью – радость.

Быстро время мчится вдаль,
Как бы между прочим,
Отлистает календарь
Наши дни и ночи.

Скроет вьюга белый свет,
Как тебе ни грустно,
Не успеешь жизни вслед
Даже обернуться.

Так тому, наверно, быть...
И хочу заметить,
Надо белый свет любить
Больше всех на свете.

Ведь никто не даст ответ
На вопрос несмелый:
Как иной устроен свет,
Если он не белый.

Предназначено ль судьбой
В вечности суровой
Хоть однажды нам с тобой
Повстречаться снова?

БЛАГОСЛОВЛЯЮ ИМЯ Я ТВОЁ

Взгляни, мой друг, подобно синей птице,
Какой крутой бывает высота,
Чтоб замереть на миг и удивиться:
Да неужели минуло полста?

Давай пройдём по ним, как по ступеням,
Чтоб каждым мигом жизни дорожить,
Чтоб спорить с ветром, слушать птичье пенье,
Взахлёб пить небо, вьюгу закружить.

Самой кукушке что-то напророчить,
Как в детстве, ухо приложить к земле,
Услышать, как кузнечики стрекочут,
От знойного июля разомлев.

Упасть в траву, грустить, смеяться, плакать,
Узнать, что значит радость и печаль,
Зажечь зарю, не замечая слякоть,
На звёзды заглядеться по ночам.

Смотреть, как звонко вспыхивают грозы,
По самой кромке радуги пройти,
С беспечной русокосою берёзой
Под теплым ливнем вымокнуть в пути.

Идти с мечтой, во что-то верить свято,
Прощать обиды и нести любовь,
И умирать от ощущенья счастья,
И трижды воскресать для жизни вновь.

И наяву вдруг истину постигнуть,
А может быть, впадая в забытьё,
Что в каждом дне и часе, в каждом миге
Благословляю имя я твоё!

БОГАТСТВО

Милый друг! Огорчаться не стоит,
Что нам час испытаний настал,
Что я терем тебе не построил,
Да и славы себе не снискал.

Что тебе не нашёл доли лучшей,
И богатства себе не скопил,
Но зато отворил тебе душу,
Но зато – целый мир подарил.

И чего только в нём ни отыщешь –
Всё, чем славятся наши края,
Пусть я беден, хотя и не нищий,
Но богаче порой короля.

***

Был мир в цветах и звуках вальса
Объят и счастьем, и любовью,
А День Победы начинался,
Наверно, с поля Куликова.

А может быть, когда окно
В Европу Петр открыл по праву,
А может быть, Бородино
И стало днём отцовской славы.

И может быть, в багрянцах стяга
Непобедимого, святого,
Что гордо взвился над рейхстагом,
Был предков зов, была отвага
И удаль с озера Чудского.

И пусть под знаком сатаны
Не могут быть побеждены
Потомки огненной Победы!

***

Быстро срок, отпущенный нам, минет,
Хотя мы торопимся все жить.
Значит, надо просто каждым мигом,
Каждым днем рожденья дорожить!

Жизнь прожить – ну это же, конечно,
Милый друг, не поле перейти,
Посмотри, как вьюгою под вечер
Замело дорожки и пути.

Как бледнеет небо голубое,
Лес темнеет на семи ветрах.
...Встретимся ли снова мы с тобою,
Как песчинки две, в иных мирах?

ВОЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Перетянуты ремнями
Да с полосками погон
Парни, снятые на память,
Прежде чем идти в огонь;

Прежде чем тонуть в болотах,
В танках заживо гореть,
Подниматься в рост с пехотой
Познавая страх и смерть;

Прежде чем в свинцовых бурях
Взгляд свой, полный синевы,
Как небесный свет лазури,
Навсегда остановить.

Журавлями улетевшие,
Не вернувшись к нам назад,
С фотографий пожелтевших
На живых они глядят

Удивлёнными глазами,
Будто ищут энский полк,
Когда их отдать призвали
За Отечество свой долг.

Будто, словно взрыва вспышки,
Бередит им дух сейчас –
Кто сегодня из мальчишек
Жизнь за Родину отдаст?

***

Всё тебе даровано природой:
Щедрость сердца, верность, красота,
Данная от Бога, и отроду
Добрая душа, что неспроста

Распахнулась, словно поле, настежь,
Убежав за синий окоём,
Нет того лишь, что мы просто счастьем
Хоть не знаем в чём оно, зовём.

Уж не в том ли, что на белом свете
Довелось родиться, верить, жить,
Видеть солнце, радоваться лету
И в лесу с берёзками кружить.

ДРЕВНЕЕ РЕМЕСЛО

Шум жаток, словно всплески вёсел...
Там, за околицей села,
Поймёшь душой – из всех ремёсел
Древнее нету ремесла.

О, миг выращиванья хлеба!
Непревзойдённый миг, когда
Слились в одно земля, и небо,
И пот, и солнце, и вода.

И раскалёнными глотками
Пьёт небо-пахарь из ковша.
И руки грубые, как камень,
К штурвалу тянет не спеша.

И потому так пахнут вкусно
В печи нагретые листы,
Что хлеб, как вечное искусство,
Не терпит... суеты.

***

Задувает весенний свежак,
Чуть качаются темные ели...
Как же так? Как же так? Как же так? –
Слышу звон я весенней капели.

Тают в поле, как сахар, снега,
Солнца луч всю тебя озаряет,
Как же ты мне сейчас дорога,
Как душа моя вдруг замирает.

Как же так? Я душою постиг,
Что у жизни самой на излуке
Наступает когда-нибудь миг
Неизбежной и вечной разлуки.

Как же так? Я не слышу ответ
В звоне первой весенней капели,
Отыщу ли когда-то твой след
В голубой бесконечной купели.

Остаётся душа молодой
И весной, и в седые метели...
Как же так? Расстаемся с зимой
Мы под стук этой первой капели.

***

Замели мой край родной метели,
Устилая белым пухом путь,
Словно в поле лебеди присели
Перед дальним лётом отдохнуть.

Прежде чем снега в степи запляшут,
Кажется, насколько хватит взгляд,
Белыми крылами они машут
И над милой родиной летят.

Так и мы, когда-то превращаясь,
Словно в песне, в белых журавлей,
Пролетим, с родной землёй прощаясь,
Над безмолвным сумраком полей.

И с земли, не ведавшей покоя,
Устремив в седую даль глаза,
Будет кто-то нам махать рукою
И глядеть печально в небеса.

ЗНАК ПРИМИРЕНИЯ

Чуть дыша, почти неслышно
Ветерок прошёл по крышам,
А потом по небу жарко
Кто-то чиркнул зажигалкой,
И клинки дамасской стали
Ярко в небе засверкали.
В тот же миг сквозь грома бой
Грянул ливень озорной,
Пузыри пуская в лужах...
Пробежать по ним бы, друже,
С кличем детства в том пути:
«Дождик, дождик, припусти!»
И, поверь, припустит ливень
Для мальчишек тех счастливых...
Ну, скажи, куда он мчится,
Запряжённый в колесницу
Да ведомый чёрной тучей,
Словно в бой идёт кипучий?
Будто всё уже в раздоре:
Небеса, деревья, долы.
Между кем ведётся битва,
Войско чьё в степи разбито?
Неужели будут в ссоре
Это небо, это поле?
...Нет, смотри: за край сёла
Туча грозная ушла,
И сквозь пост сторожевой
Вышла радуга дугой
Через все столпотворенья
Добрым знаком примиренья.

***

...И прорастали грозы русым хлебом,
И падали степные травы ниц,
И, кажется, промчался в тёмном небе
Табун глаза косящих кобылиц.

Гром, небо расколов на части, грохнул,
Салютом молний степь озарена,
По листьям дождь рассыпался горохом –
И снова воцарилась тишина.

И с неба капли серебра сорвало,
И засветилась синей лентой даль,
И снова свет высокий разливала
Полей необъяснимая печаль.

***

Как казним мы порою себя,
Не увидев, хотя мы и зрячие,
Как мелькнула однажды судьба,
Что была только нам предназначена.
Где, мой друг, затерялся твой след, –
Не расскажут ни горы, ни реки,
Я ищу тебя тысячу лет,
А живу лишь чуть больше полвека.

***

Когда солнце греть уже устанет,
Скрывшись за далёкие поля,
Излучает лунное сиянье,
Уходя в таинственность, земля.

И когда от нас уходят годы,
И возврата в полдень больше нет,
От тебя, как от земли, исходит
Тайною мерцая, лунный свет.

В нём печаль и поздние прозренья,
И надежд звенящая струна,
Пусть продлятся чудные мгновенья,
Когда ты луной озарена.

МИСС ЗЕМЛИ

Пережив дожди и грозы,
Излучая свет души,
На пригорок свой берёзы,
Как на подиум, взошли.

Я любуюсь станом тонким,
Вижу милые черты,
Их бы выдвинуть на конкурс
Королевы красоты.

Всем пришлись они б по нраву
Статью, взором голубым,
Верю, что не будет равных
В целом мире нашем им.

Не могу, представьте, долго
Жить я где-нибудь вдали
Без красавиц длинноногих,
Настоящих «Мисс Земли».

МОЁ БОГАТСТВО

А меня одно богатство манит,
Начисто лишённое хлопот:
Запросто вмещается в кармане
Мой потёртый маленький блокнот.

В нём несу я добрым людям вести
Из степных глубинок и глуши,
В нём звенят мои стихи и песни,
Самоцветы сердца и души.

В нём услышишь шорох перелесков,
Посвист ветра, шорох синих трав.
И игру весеннего оркестра
Птиц, с ума сводящих по утрам.

Всё при мне – и звёзды в поднебесье,
И в широком поле дальний след,
Яблоня, что в мае, как невеста,
Нарядилась в белоснежный цвет,

И удачи все, и неудачи,
И огонь души, и гроз салют...
Разве я не буду всех богаче,
Если строки в сердце запоют!

НА КУРГАНЕ

Ах, пролейся, степная синь,
На ладони степного ветра,
Задохнись горьким счастьем, полынь,
Чтоб запахло горечью лето.

Я за вами уйти готов.
Заповедные мудрые тропы...
Из глубинных далеких веков
Всё мне чудится конский топот.

И я вижу сквозь тихий туман,
Что ветрами с озера сдунут,
Позабытый всеми курган
Со своей одинокою думой.

А над ним дни мятежно светлы,
На просторах, мечом рассеченных,
Навсегда догорают цветы,
Словно память о давних сечах.

И на землю, где жил я и рос,
Где шумели битвы и грозы,
Проливается нежность рос,
Словно в душу первые слёзы.

***

Вот и отшумели
На дворе метели,
И светлей над нами
Стали небеса...
Мы и оглянуться
Даже не успели,
Как снега осели
И пришла весна.

Веселей за окнами
Стали птичьи стаи,
И зима осталась
Где-то позади,
Так и пролетают,
Как снежинки, тая,
Собираясь в годы
Из мгновений дни.

Вот и отшумели
Белые метели,
Золотится солнце,
Звонко снег дробя,
С первою капелью,
Что поёт свирелью,
С добрым настроеньем,
С радостью тебя!

***

Я лишь с тобою вместе смог
Полюбоваться так воочью,
Как из трубы идёт дымок
Морозной ясной звёздной ночью.

Услышать утром за окном
Зимою теньканье синицы,
На майской радуге вдвоём
С весенним солнцем прокатиться.

В лесу полянками кружить,
В лукошко собирая лето,
Как хорошо, как чудно жить
Нам на старинном белом свете.

Я, как и ты, душой постиг,
Когда уже всё ближе вечер,
Что этой жизни дан лишь миг,
Ну, а потом наступит... Вечность.

***

Не прерывайте муз полёт!
Пусть, словно волн морских стихия,
Сама душа во мне поёт,
Когда пишу свои стихи я.

Как трудно ни было б подчас
Нам в нашем поиске грядущем,
Пусть осеняет муза нас
И вдохновляет лира Пушкина!

***

Ничего мне больше и не надо,
Лишь на землю древнюю ступить,
Лишь бы затеряться в неоглядных
Островах берёзовых в степи.

Лишь уйти за дальние просторы
Да поводья ветра сжать в руках,
Лишь глотнуть чуть горький дым истории
С сизоватой дымкой кизяка.

Приподняться над полями мирными,
Где незримо зреет урожай,
Где холмы, как дерзкие батыры,
Тишину степную сторожат.

Мне б войти в преданья да былины,
В душу века зорко заглянуть,
Скачет-скачет всадник на равнине,
Устремляя к горизонту путь.

Там, где шли, подобно урагану,
В небыль кочевые племена,
В изголовье положив курганы,
Степи пробуждаются от сна.

Слившись вместе с поднебесной ширью,
Тихо дремлет гладь Ишим-реки,
И мечами воинов-батыров
По степи блестят солончаки.

И кругом, где облака кочуют,
Из расщелин треснутой земли,
Ржавые, как древние кольчуги,
Буйные колосья проросли!

ОГОНЁК

Шаг ещё – и свалит ветер с ног,
Одолеет путника усталость.
Но блеснул далекий огонёк
И – тревог дорожных не осталось.
Он, мерцая, свет дрожащий льёт.
Неужели есть ещё надежда
Завернуть туда, где есть жилье,
Выпить чаю.
Высушить одежду.
Неужели выйдет на мороз
Дед из хаты, встретив, словно друга.
И к утру, как сумасшедший пёс,
В конуру забившись, стихнет вьюга.
Огонёк души!
Ты был и есть
Для идущих доброю надеждой,
То исчезнешь, подавая весть,
То опять звездой печальной брезжишь.

***

О, как торопимся мы жить,
А жизнь, увы, проходит мимо,
Нам не дано остановить
Мгновенья лет неуловимых.

Ну так куда же мы спешим,
И не пора ль остановиться,
Послушать зов своей души
И оглядеться, чтоб, как птица,

Что от подруг отстала вдруг
На грозовом крутом ветру,
С печальным криком не кружиться
Осенним днём над полем чистым!

ОДИНОЧЕСТВО

Дождь идёт, шумят ли грозы,
Вихри ль снежные метут,
Но стоит одна берёза
Со своей кручиной тут.

В бесконечном чистом поле,
В милой сердцу стороне,
То ль с одной собою, то ли
С миром всем наедине,

То ль из леса, то ль из сада,
Убежав однажды вдруг
От косых недобрых взглядов
И от зависти подруг!

А ещё от злых пророчеств,
От кликуш и воронья...
...Может, это одиночество
Дожидается меня.

ПАМЯТНИК ДЕРЕВНЕ

Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве.
Н. Мельников

А нужен ль памятник деревне,
Плетням поникшим да избе,
Еще с времён тех самых древних,
Она – как памятник себе

С простой церквушкой и погостом,
Мычащим стадом и гумном
Да с русской печью, щами постными
Всем тем, кто знает, что почём.

Попробуй, выжить так сумей-ка,
Неся свой крест сквозь тлен и прах,
Подобно маме в телогрейке
Иль деду с посохом в руках.

Какою праведной и стойкой,
И терпеливой надо быть,
Чтоб пережить все перестройки
И всё на свете пережить!

РОДНЫЕ КОРНИ

Жанне

Нас с детства ветры странствий манят,
Но жизнь вверяет нас судьбе,
Так улыбнётся ли в Германии
Она от нас в дали тебе?

Да, там, конечно, полный орднунг,
Всего в избытке. Просто рай.
У нас раздрай. Но будь же гордой –
Родных корней не потеряй!

Без наших зим, берёзок русых,
Полей бескрайних, журавлей,
Наверно, как у нас ни грустно,
И там не будет веселей.

Так помни: нет на свете лучше, –
В краях далёких и чужих, –
Страны Чайковского и Пушкина
И просто – прадедов твоих.

РОЖДЕНИЕ

Как мучает порою нас,
Как все на свете поколенья,
И в добрый, и в недобрый час
Загадка нашего рожденья.

Мы начинаем вспоминать
Степных пожарищ привкус знойный,
Когда нас провожала мать
На наши праведные войны.

Эпохи, годы, времена
Прошли,
промчались,
отпылали,
И позабыл я имена,
Какие в прошлом мне давали.

Но всё же я когда-то был,
Я вспоминаю смутно-смутно,
Как по родной земле ходил
И от неё ушёл под утро.

Придёт когда-нибудь пора,
И мне расскажут, как я сбылся,
И сколько раз я умирал,
И сколько – заново родился.

И там, где от стрелы врага
Я пал лицом к закатам вьюжным,
Стоит заброшенный курган
С моей одеждой и оружием.
В каком же веке и году,
Печальный прах вдруг потревожив,
Я за мечом своим приду
И вырву молнию из ножен?

***

С радостью щемящей или болью,
Смешанной с ветрами пополам,
Побродить бы мне во чистом поле
По зелёным ласковым шелкам.

Зажигая серебром осоку,
Огоньком таинственным всегда
В изголовье у небес высоко
Вспыхивает ранняя звезда.

Постою я тихо у тревожной,
За ночь остывающей воды,
Вдалеке от взглядов осторожных –
Спутников ненастья и беды.

Что случится или не случится,
Только знаю – будет вечно степь
Светом звёзд в высоком небе литься,
Травами печально шелестеть.

***

Серебрит деревья иней
И меня посеребрил,
Только взор твой, синий-синий,
Милый друг, я не забыл.

Сквозь года, ветрам открытым,
Что секли нещадно нас,
Разве будут позабыты
Свет надежд, сиянье глаз?!

Ах, глаза те с поволокой!
В них печаль родных полей
Отразилась так глубоко,
Что в душе от них теплей.

Словно бьёт, не иссякая,
Ключевая в них вода,
И качается, мерцая,
Чуть зеленая звезда.

От того они мне ближе,
С каждым годом всё ясней –
В них, как в зеркале, я вижу
Отраженье жизни всей.

Всё, что было, – не забылось,
И хоть я давно седой,
Ты вошла и... озарилась
Юность вдруг передо мной!

СТАРЫЙ ПАРК

Выхожу за парк в запарке
И поверить не готов,
Что деревьев стало в парке
Меньше, чем пивных ларьков.

Нет уже чугунной пушки
Для мальчишеских проказ...
И не встретят Гоголь с Пушкиным
На аллее главной нас.

Одиноко стало в парке
Без скульптур старинных тех,
То ли в ссылку, то ль на свалку
Их отправили навек.

И не стало муз прекрасных...
Повернулось время вспять,
Как посмели мы на классиков
Подло руку поднимать?

ТОСТ

Друг всегда нам был, конечно, в радость,
Потому что дружба – не пустяк,
Мы уже со многими расстались
На земных дорогах и путях.

И уже не скоротаешь вечер
Вместе с ними дружною семьёй,
Разошлись, уехали далече
Или в мир ушли они иной.

Ну скажи, что б делал я, друг милый,
В суете бегущих быстро дней,
Если б ты одна не заменила
Настоящих преданных друзей.

Без обид ненужных и упреков
Мы прошли с тобою долгий путь,
Пока есть ты – я не одинокий,
Потому и тост мой краток: «Будь!»

ТРОЙКА

Жизнь несёт, как тройка,
По степи нас круто,
Не сказать ей: «Стой-ка!
Подожди минуту».

Чтоб хотя бы только
Сквозь снега метельные
Уносилась тройка
Хоть чуть-чуть помедленней.

Но мы видим сами,
Как сверкают звёзды,
Как несутся сани,
Как скользят полозья.

В зиму беспокойно,
Рассыпая искры,
Что-то наши кони
Мчатся слишком быстро!

***

Хоть метёт свирепо вьюга,
Нам всё чудится вдали
Наше детство, запах луга,
Пар, идущий от земли,

И всё самое родное,
Что с годами нам милей,
Ширь простора голубого
И печаль родных полей,

Свежесть первого морозца
И прохлада летних рос,
Вкус водицы из колодца,
Что испить нам довелось,

И всё то, что душу греет,
Что потом всю помнишь жизнь.
Повелеть бы: «Ну-ка, Время,
Подожди! Остановись!»

Но оно не отзовётся,
Чуть мерцая, как звезда,
А что было – не вернётся,
Не вернётся никогда.

Чередою дни уходят,
Чуть оглянешься назад,
Как уже нам: «С Новым годом!» –
Улыбаясь, говорят.

ЦВЕТ

Цвет вполне определённый
В каждом возрасте у нас.
У отрочества – зелёный,
И, наверно, – в самый раз.

Словно небосклон в июне,
Мимолётный, будто дым,
Привлекает возраст юности
Цветом дивно голубым.

А на нём ещё ни проседи,
Ни единой тучки нет,
Их с собой приносит осень,
И закружит жёлтый цвет.

А потом ещё несмело,
Будто жить ему не век,
Осыпает цветом белым
Наши годы первый снег.

Я ИДУ К ТЕБЕ

Я иду к тебе от родных берёз,
На душе моей так светло.
Зачерпну в ладонь горсть пшеничных звёзд,
И полей унесу тепло.

Нас с тобой навек здесь свела судьба,
Посмотри на степь ты вокруг:
Золотой стеной зашумят хлеба
Там, где мы пройдём, милый друг.

Пусть нам первый снег выпал на виски,
Честь и верность мы пронесли
Сквозь года с тобой у Ишим-реки,
Где не гаснут зори вдали.

НА СТРЕМНИНЕ

Чуть-чуть горчит простор полынный,
Все также безоглядна даль,
Ну отчего на сердце хлынула
Невыразимая печаль?

К семидесятой выйдя вехе,
Не взять мне в толк в пути большом,
Что я остался в прошлом веке,
А в новый – так и не пришёл.

Стою один, как на стремнине,
Не в силах сделать шаг, другой,
И что там за ещё незримой,
Но проступающей чертой?

***

Раньше день казался целым годом.
Отчего ж, нам кажется, сейчас
Уже год, как зимний день уходит
Очень уж стремительно от нас.

Ну так что ж? Печалиться не стоит,
Что зима завьюжит за окном.
Мы в предзимний возраст свой с достоинством,
Как бы трудно ни было, войдём.

И давай же, что б ни говорили,
Скажем вьюге жизни: помоги
Обрести нам молодости крылья
Среди зимней непроглядной зги!

ЧТОБ СВЕТИЛАСЬ ДУША

Говорим мы с печалью:
Вот начать бы сначала,
Жизнь пошла б по-другому...
Ну, кому незнакомо
Это странное чувство
Удивительной грусти,
Когда жизнь на излёте,
А душа вся в полёте!

А душа молода –
Нипочём ей года,
Но щемит что-то грудь –
Ничего не вернуть!

Но зачем жить иначе?
Что судьбой предназначено,
Так тому, значит, быть,
И не надо тужить,
А принять, как положено,
Песню ту, что уж сложена!

И с любовью большою
Спеть её не спеша,
Улыбаться душою,
Чтоб светилась душа!

ПОЭТ С РАСПРАВЛЕННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Как среди прозаиков имя Ивана Петровича Шухова должно без сомнения стоять первым в ряду русских литераторов Северного Казахстана, так звездой первой величины на поэтическом небосводе Приишимья бесспорно будет всегда сиять имя поэта Владимира Георгиевича Шестерикова.

При всём кажущемся творческом и житейском благополучии (вышли в свет девять поэтических сборников, он прожил семьдесят один год) человеческая судьба Владимира Шестерикова была насыщена испытаниями и страданиями.

И как бы это ни звучало банально, мол, лишь страдающая душа способна художественным словом выразить и боль, и муки, и любовь, и красоту, но именно об этом думается, когда перечитываешь стихи Шестерикова.

Накануне семидесятипятилетия со дня рождения Владимира Георгиевича в редакции издательства «Северный Казахстан» было решено собрать в один том бóльшую часть его стихов, и я с душевным трепетом взялся за это дело, в который уже раз переживая волнительную, пусть и невидимую встречу с поэтом. В стихах его жизнь, его чувства, мысли, сомнения в себе и уверенность в правоте вечных истин.

Родился Владимир Шестериков весной 1939 года. Память военного детства сохранила лишь ощущение голода и холода, а после войны щемящее чувство виноватости от счастья, когда отец вернулся с фронта. Виноватости потому, что в семьях друзей-сверстников уже оплакали похоронки. Но беда неожиданно подобралась и к их семье.

Вспомнились больничные невзгоды,
Белые халаты медсестёр,
И в постели прожитые годы,
И недуга яростный костёр.

Откуда было знать деревенскому подростку, что в жизни каждому человеку предназначен свой ад, и пройти его предстоит самостоятельно. Страдания могут сделать человека мелочным и мстительным, особенно от безысходности и невозможности объяснить самому себе, почему пытка мучительными болями выпадает именно тебе. Кто знает, каким бы вышел из этих испытаний Владимир, не будь рядом старшего брата Лёни. Это он не

позволял младшему брату унывать, внушал, что человек способен противостоять ударам судьбы, что он, Володя, не хуже иных, что он просто другой, особенный. И что за плечами у него не горб, а сложенные и не расправленные до времени крылья. Об этом стихотворение «Подранки», которое шестидесятилетний Шестериков включил в сборник «Лиловые острова»:

Хотя мы не горели в танках,
Но простынёй заметены,
Лежим в больнице, как подранки
Незабываемой войны.
Пора б к ребятам воротиться
В родное дальнее село,
Лететь бы с ними вольной птицей.
Да что там... Сломано крыло!
Обход свой делает в палатах,
Как врач заботливый, весна...
Был День Победы. Сорок пятый!
Но продолжалась та война,
Напоминая поневоле
Мне о себе в полночной мгле.
Не знающей пощады болью
В неровно сросшемся крыле.

Спустя годы Владимир Георгиевич вспоминал, что именно в санаториях и больничных палатах его заворожила поэтическая лира, когда он слушал стихи, которые читали учащиеся городских школ во время шефских концертов для больных сверстников. Мелодия слов будоражила воображение и призывала его рассказать о своих чувствах, поведать миру мысли и переживания в чудесных ритмах с красивыми рифмами и в волшебных образах.

Нет, не зачерствела у мальчишки душа, не озлобилась на мир. Ведь чтобы ощутить очарование небесных звёзд, просто необходимо наступление темноты, а уж от тебя и только от тебя самого зависит умение глядеть в бездонный мрак и видеть неземное чудо, слушать окружающую тишину и слышать удивительную музыку внутри себя.

Прав был брат Леонид, он не только не похож на других внешне, он и чувствует по-другому:

Лежим в палате, как положено,
Гадаем: что там, на обед,

А на обед дают пирожное!
И пляшет детвора в ответ.
Но есть причуды у больного,
Я чудаком в тот день прослыл,
Когда вдруг сухаря ржаного
Взамен у няни попросил.
Вот так отец мой перед боем,
Чтоб сохранить души закал,
Идя дорогой фронтовою,
Сухарь хрустящий доставал.
Я, как и он, навек запомнил,
Собрав все крошки до одной,
Пропахший дымом, полем, домом,
Бодрящий дух, сухарь ржаной.

После окончания школы при выборе высшего учебного заведения сомнений, куда поступать, у Владимира не было – только на филологический факультет Петропавловского пединститута. По окончании вуза был приглашён в редакцию областной газеты «Ленинское знамя», и журналистика в его лице нашла преданного профессионала. За сорок восемь лет трудового стажа он прошел путь от корреспондента газеты до редактора литературно-художественного журнала «Провинция». Свою работу он не просто любил, был искренне предан ей и считал главным делом жизни. Он лауреат многих премий Союза журналистов. Коллеги признавали и его талант, и его мастерство, и сам он искренне гордился принадлежностью к пишущей братии, готовой преодолевать любые трудности «ради нескольких строчек в газете».

Бахвальство, выпячивание себя, популизм, конъюнктура – все эти качества были противоположны характеру Владимира Георгиевича. Требовательность к себе, ответственность перед читателями за свои публикации всегда преобладали в его творчестве, и если он не чувствовал такого же отношения к делу в среде коллег, то очень переживал из-за этого, ведь «полуправда – это ложь», считал взыскательный поэт и принципиальный журналист Шестериков. Возможно, отсюда и всегдашняя грустинка в его улыбке, и задумчивая молчаливость, и строгая разборчивость в дружбе. Он не был замкнутым человеком, но любил простое одиночество:

Ты говоришь, и ты права,
Что мне бывать нигде не хочется,
Что стал я чаще выбирать
Себе в подруги одиночество.

Судьба и в молодости продолжала испытывать его на жизненную прочность: безвременная гибель брата, неискренность неверных друзей, обман властных чиновников. Уже в первый свой поэтический сборник «Новые стихи» он включил стихотворение о предательстве:

И взглядом тоже предают,
Как будто что-то продают...
И я боюсь: вдруг в непогодину
За тихий угол и уют
Сегодня друга, завтра Родину
Глаза вот эти предадут.

И как же доверяться новым лицам, если бывшие друзья безжалостно ранили его в самое сердце жестокой изменой:

И через боль я вижу ясно
Сквозь холодок его лица,
Что бывший друг порой опасней
Беды, ненастья и свинца.

Всё чаще раненую душу поэта врачевали и согревали встречи с бесхитростной природой. Именно в берёзовых рощах и ковыльных степях, на хлебных нивах и речных берегах, среди заснеженных полей и цветущих лугов в монологах с живой природой рождались откровенные стихи-признания:

Когда тепло друзей не греет,
Приятен снега свежий хруст...
И подтверждают мне деревья,
Что высшее веселье – грусть.

Общаясь с природой, Владимир Шестериков получал отдохновение души. Он чутко замечал календарные изменения во временах года и практически каждому месяцу находил соответствие в состоянии души: «А может, август – это возраст, / Что в сердце постучался мне», «Серебрит деревья иней / И меня посеребрил», «Пришла ко мне пора, когда / Зима с весною перепутана».

Более полувека прожил Владимир Георгиевич в городе, но так и не смог отвыкнуть от родных просторов полей, от милых берёзовых рощиц, с детства и навсегда вошедших в его душу: «Я увидеть снова жажду / Сердцу милые края», и чувством восторга от общения с природой он постоянно делился с читателями.

Мы, конечно, не вечны.
Только вечны всегда
Синь небес бесконечных
И снега, и звёзда.
Эх! Пролиться б дождями,
Быть и всплеском воды,
И печальным дрожаньем
Одинокой звёзды,
Белым снегом черёмух,
Звоном колоса в зной,
Ивы сладостной дрёмой
Над степною рекой...
Чтоб закат долго-долго
Над землёй догорал,
Чтобы кто-то в восторге,
Как и я, замирал.

В стихотворениях, связанных с природой родного края, формировался образный строй самобытной поэзии Владимира Шестерикова. Рождались удивительные метафоры, необычные эпитеты, неожиданные сравнения. «Как весело в мае прорвалось и брызжет / Зеленое пламя из лопнувших почек!», «Зарядил осенний дождик / И прядёт за нитью нить», «Разотрёшь шершавый колосок, / И блеснут в ладонях капли солнца!», «Задумчиво играет ветер / На белых клавишах берёз».

Эту особенность молодого таланта заметил знаменитый земляк Иван Петрович Шухов. У него бывал Владимир в редакции знаменитого «Простора», от него получал первые уроки творчества, именно Шухов написал рекомендацию Шестерикову для вступления в Союз писателей. Вот как вспоминал Владимир Георгиевич об одной из встреч с мэтром литературы:

«Я вынул из небольшого портфельчика несколько своих творений. Одно из них посвящалось хлеборобам «Чистовского», где я родился и окончил среднюю школу...

И слышу я дивные песни
В краю, где родился и рос
И славится хлебом чудесным
Родной мой Чистовский совхоз.

Читая его, Иван Петрович немного нахмурился, пожевал губами и, не дочитав до конца, отложил в сторону.

В другом стихотворении речь шла о предстоящей разлуке со своей малой родиной. Заканчивалось оно так:

Кто мог рассыпать летом снег
На лепестки степных ромашек.
И я стою, как будто мне
Здесь Родина косынкой машет.

Шухов неопределённо хмыкнул, лицо его посветлело:
– Написано с душой. Побольше таких стихов. А это, он взял отложенный в сторону листок с первым стихотворением, выброси, милый, в корзину.

Из того урока, неожиданно данного «самим» Шуховым, я вынес твёрдое убеждение, что даже складные, искусно зарифмованные строки – это ещё не поэзия, если в них не поёт, не радуется, не печалится душа».

Позже об этом же самом Шестериков высказался в стихах так:

Не увидишь никогда глазами
То, что видно зрением души.

Подарком судьбы для Владимира Георгиевича стала встреча с его будущей женой Ниной Тихоновной. Любовная лирика в творчестве всех поэтов – это особый космос, в котором место лишь двоим, но благодаря чудесному творческому дару и способности выразить в словах нежданно открывшиеся чувства, а ещё и смелости опубликовать свои откровения, мы, читатели, становимся свидетелями удивительного монолога влюблённого человека. И пусть уже в их жизнях миновали вздохи юности, и пусть не пылкой молодости настало время, но два потерянных сердца нашли друг друга и соединились навсегда:

И кто же нас за то осудит,
Что вопреки природе всей,
Чем холоднее стал рассудок,
Тем стало сердце горячей.

Юность имеет наглость только себе присваивать право любить и быть любимым, мучиться от безответных чувств, страдать от ревности, петь песни от восторга взаимности, а ведь возраст зрелого осознания жизни тоже не лишён переживаний и светлых чувств, об этом поэтические строки пятидесятилетнего поэта:

Быть глупой ревностью томимым
И быть порой невыносимым,
Стараться лучше, чище быть,
А значит, просто полюбить.

И додумается ли юность ревновать не к сверстнику-сопернику, а к ветру, к дождю, к траве, наконец, к звёздам, отражённым в глазах любимой? Пожалуй, только в возрасте мудрости можно сказать: «Прости меня, что всю вселенную / К одной тебе приревновал».

Своей несравненной Нине поэт писал стихотворения во все годы их долгой совместной жизни. Жене и другу он посвятил свой седьмой сборник стихов «Благодарю», автору шёл тогда седьмой десяток лет. Не многим поэтам удаётся найти те сокровенные слова, что незаменимы в искренней признательности своей музе, у Владимира Шестерикова они звучат так:

Ты вовсе в том не виновата,
Сверкая яблоней в цвету,
Что слишком дорогую плату
Судьба берёт за красоту.

И ты глядишь в окно устало,
И белый свет порой не мил,
А мне всё кажется, что мало
Тебе стихов я посвятил.
Но обжигает душу жарко
То оправдание себе,
Что и у Блока, и Петрарки
Нашёл стихи я о Тебе!

Истинный поэт по своему предназначению всегда философ, размышляющий о судьбе человека и его предопределении, о неизбежности любви и быстротечности жизни.

Жизнь несёт, как тройка,
По степи нас круто,
Не сказать ей: «Стой-ка!
Подожди минуту».
Чтоб хотя бы только
Сквозь снега метельные
Уносилась тройка
Хоть чуть-чуть помедленней.

Но мы видим сами,
Как сверкают звёзды,
Как несутся сани,
Как скользят полозья,
В зиму беспокойно
Рассыпая искры.
Что-то наши кони
Мчатся слишком быстро!

Владимир Георгиевич не был ретроградом, он по достоинству оценивал и научный прогресс и технические достижения, но вот компьютер так и не освоил, не очень-то и стремился к этому, предпочитая клавиатуре карандаш и авторучку, не водил машину, потому что любил не быструю езду по асфальту, а размеренную прогулку по лесу. Но, не смотря на то, что он безоглядно верил в непреложность вечных истин, переданных нам предшествующими поколениями, ему всегда хотелось заглянуть и за горизонт завтрашнего дня:

К семидесятой выйдя вехе,
Не взять мне в толк в пути большом,
Что я остался в прошлом веке,
А в новый так и не пришёл.
Стою один, как на стремнине,
Не в силах сделать шаг, другой,
И что там за ещё незримой,
Но проступающей чертой?

Вопреки предсказаниям врачей, поэт прожил достаточно долгую жизнь: «День удивительно погож, / И щебет птиц на всех наречьях, / И хочется поверить в ложь, / Что всё на этом свете вечно». И всё же он был реалистом:

Лишь понимаю с каждым годом:
Приходит тот однажды час,
Когда мы в прошлое уходим,
А в будущем не будет нас.

Владимир Георгиевич и в семьдесят лет был полон энергии, строил планы на будущее, готовил к изданию книгу публицистических статей и том избранной поэзии. Вышел в свет его девятый сборник стихов «Прощёное воскресение». Но планам его не суждено было осуществиться. И всё же, уходя от нас, он как поэт успел сказать очень важные, а может быть, и самые глав-

ные слова: «Простим обиды всем без исключенья / И даже тем, кого нельзя простить».

Свободный, просветлённый, словно с расправленными крыльями, поэт поднялся над злосчастьями судьбы, встал во весь рост и как мудрый наставник обратился к нам ко всем:

Прощаю всех. И сам прошу прощенья
У тех, кого за что-то не любил,
За все обиды, ссоры и сомнения,
Чему виной я сам, быть может, был.
Нам всем, для мира и добра рожденным,
Воистину бы надо понимать,
Как хорошо, как важно быть прощенным,
Просить прощенья и уметь прощать!

По своей натуре Владимир Шестериков был человеком не публичным, в том смысле, что не любил шумных заседаний и выступлений на них, всячески избегал шумихи и суеты вокруг своего имени. Может быть, поэтому он не был отмечен высокими правительственными наградами, может быть, поэтому скромно и незаметно прошло его семидесятилетие. Его соратник по республиканскому журналу «Нива» Владимир Гундарев в недоумении от недооценки таланта друга-поэта сам присвоил ему звание «Почётный гражданин моего сердца». Когда по случаю юбилея аким Северо-Казахстанской области вручил Шестерикову в качестве подарка солидную сумму, Владимир Георгиевич всю её передал в фонд журнала «Провинция», который возглавлял со дня его создания. Таков он, скромный труженик пера, творец поэтического слова. А вот в чём он, пожалуй, действительно преуспел, так это в книгоиздательстве, вряд ли кому-либо из современников в Северном Казахстане удастся повторить его рекорд в этом деле, ведь сборники стихов Владимира Шестерикова уже разошлись более чем пятидесятитысячным тиражом. Хотя богатств он с этого не нажил, да и вряд ли материальные блага могли бы сделать его более счастливым. Совсем по иному виделась ему удача в жизненной лотерее: «Разве я не буду всех богаче, / Если строки в сердце запоют!»

И всё же сам поэт, скромно оценивая свои достижения, постоянно задавал себе такие вот вопросы:

А как себя я в мире выразил?!
Кем был? И правильно ли жил?
И сына я, увы, не вырастил,
И строк бессмертных не сложил.

Давно за полдень годы тянутся...
Нет прежней силы и огня,
Так что же всё-таки останется
На этом свете без меня?
Останутся на белом свете,
Пусть без меня с моей землёй –
Цветы весной и птицы летом,
И белый чистый снег зимой!

А ещё останутся в нашей памяти удивительно добрые стихи талантливого поэта Владимира Шестерикова и этот его десятый сборник избранной поэзии.

Настоящая книга, хотя и не претендует на полное собрание поэтического творчества Владимира Шестерикова, вмещает в себя большую часть из стихов поэта. Не все произведения, опубликованные в газетах и журналах, сам Владимир Георгиевич включал затем в свои сборники, это относится и к его переводам других авторов. В данное издание включены лишь избранные произведения, вышедшие в свет при жизни поэта и взятые только из его девяти изданных сборников стихов: «Новые стихи» (1969), «Костры земли» (1974), «Острова в степи» (1977), «Катер на Ишиме» (1979), «Второе зрение» (1988), «Лиловые снега» (1989), «Благодарю за всё» (2000), «Мгновения» (2007), «Прощёное воскресенье» (2009).

Василий Коноплев

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ 5
АВГУСТ 6
«А в детстве ярче каждый миг...» 7
АПРЕЛЬ 8
«В горах закаты цвета меди...» 12
ВТОРОЕ ЧУВСТВО 13
«А высшее веселье – грусть...» 14
«До отрешенности лихи...» 15
«И взглядом тоже предают...» 16
КАЛЕНДАРИ 17
КОМБАЙН 18
«Летят снежинки плавно, звонко...» 19
ЛУННАЯ СОНАТА 20
«Мальчишка с детства бредит небом...» 21
МАРТ 22
«Месяц в озеро с неба упал...» 23
«Мы входим в этот мир незримо...» 24
«Ослепляла солнца ярость...» 25
РАЗДУМЬЕ 26
РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ 27
«Тебя открыл я, как планету...» 28
«У любви тоже возраст свой...» 29
«У памяти свои мосты...» 30
«А в мире – шум и тишина...» 31
«А на юге цветы на праздник...» 32
БАЛЛАДА О ХЛЕБЕ 33
«В степи рождаются солдатами...» 34
ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА 35
ГРОЗЫ НАД СТЕПЬЮ 36
«Деревьев медных купола...» 38
«Задыхается конь. Спешит...» 39
ЗАКАТ 40
ЗЕЛЁНЫЙ ЦВЕТ 41
«И солнце смешано с печалью...» 42
ИМЕНА 43
«Когда-нибудь из дымки рыжей...» 44
КОЛКИ 45
КОЛЬЦО 46
КОНИ 47
КОСАРИ 48
КОСТРЫ ЗЕМЛИ 49
ЛЕС 51
«Летом мне не хватает снега...» 52
ЛИЦА 53
МАТЬ 54
МОЛЧАНЬЕ 55
МОЯ НЕ ПЕРВАЯ ВЕСНА 56
«На ветках тихо догорает лето...» 57
«На земле всё не вечно...» 58

«Не торопитесь рано в взрослость...» 59
ОБОЙМА 60
ОДА КАРТОШКЕ 61
ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ 62
ОСТРОВОК 63
ПЕРВОПРОХОДЦЫ 64
ПЕСНИ ВОЙНЫ 65
ПЛАНЕТА 66
«По степи стелют кошмы...» 67
ПОГОДА 68
«Пришла пора взглянуть с тобою...» 69
«Пусть из рук наших дальних сверстников...» 70
«Пусть мороз выбивает морзянку...» 71
МОЁ ПРИИШМЬЕ 72
СНЕГ В СЕНТЯБРЕ 73
СНЕГИРИ 75
СНЕЖНАЯ ДЕРЖАВА 76
СТЕПНАЯ РОДИНА 77
СЧАСТЬЕ 78
ТИШИНА 79
ТРОЙКА 80
УВЕДИ НА ЛУГА 81
ШАХМАТНАЯ КОРОЛЕВА 82
«Ах, кони деревянные...» 83
«В медлительное лето...» 84
В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ 85
«В увяданье – особый свет...» 86
«Весна рождается в мороз...» 87
«Вхожу в распахнутый простор...» 88
«Есть слова, что, как день, светлы...» 89
«Живёшь, как в тихую погоду...» 90
ЗАДАЧА 91
«И миг, и тишина полей...» 92
К НАМ ВОЗВРАЩАЮТСЯ СНЕГА 93
«Как всё с тобою мимолётно...» 94
«Какая чудная погода...» 95
«Какой тревогой тайной сердце дышит...» 96
«На ветру, прямо в синее небо...» 97
«На закат, любимая, взгляни-ка...» 98
ТВОРЧЕСТВО 99
ОРЛЫ 100
ОТЧЕСТВО 101
ПАМЯТЬ 102
«Парни из двухтысячного года...» 103
ПЕТРОПАВЛОВСК 104
ПОЗДНЕЕ ЛЕТО 105
«Помолчать...» 106
ПРОБУЖДЕНЬЕ 107
«Пусть ветры конницей отчаянно...» 108
«Разудалые ветры бродят...» 109
РЯБИНОВЫЙ ОГОНЬ 110
СУДЬЯ 111
ТРИ РАДУГИ 112

УРОК ЧИСТОПИСАНИЯ ... 113
«На каких высотах упали...» ... 114
ШИНЕЛЬ ... 115
«Ах! Хороша в степи отава...» ... 116
БЫВШИЙ ДРУГ ... 117
В ДОРОГЕ ... 118
В СТЕПИ ... 119
В ТРИДЕСЯТОМ ... 120
«Всё, как прежде, при встрече...» ... 121
ВИТЯЗИ ... 122
«Выгибая царственные шеи...» ... 123
ВЬЮГА ... 124
ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ ... 125
ГОРЯЧИЙ ЦЕХ ... 126
«Задаём себе вопрос мы трудный...» ... 128
«Задувает ветер на деревьях листья...» ... 129
ЗАКЛИНАНИЕ ... 130
«И сколько тайн в степных просторах...» ... 131
«Карнавал устраивает осень...» ... 132
КАТЕР НА ИШИМЕ ... 133
«КЛАССИКИ» ... 134
«Куда ведут далёкие просторы...» ... 135
КУКУШКА ... 136
МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ ... 137
НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ ... 139
«Нам о многом сегодня напомнят...» ... 140
«Нас вечно в странствия влечёт...» ... 141
НАСТЯ ... 142
«Не дрогнула охотника рука...» ... 144
НЕОТРАЖЁННЫЙ СВЕТ ... 145
ОТЕЦ ... 146
ПЕТРОПАВЛОВСК ... 147
ПИСЬМО ... 148
ПОДКОВА ... 149
ПОЕЗД ... 150
ПОСЛЕДНИЙ КРУГ ... 151
ХЛЕБНЫЙ СНОП ... 152
«Поступки, мысли и слова...» ... 153
ПЯТЫЙ ОКЕАН ... 154
«Сверстницы мои! Вы вырастали...» ... 155
«Сжигают прошлогоднее жнивьё...» ... 156
СИНОПТИКИ ... 157
СНЫ ... 158
СТРОЧКА ... 159
СУХОВЕЙ ... 160
ТЕЛЕГРАММА ... 161
ТРАКТОР НА ПЬЕДЕСТАЛЕ ... 162
«У возраста свои календари...» ... 163
ЦИКЛОН ... 164
ЧЁРНЫЙ ЖАВОРОНОК ... 165
«Что ты на прощанье мне сказала?...» ... 166
«А гриб чудовищный потряс...» ... 167
«А у осени славна казна...» ... 168

БЕРЁЗКА КОСМОНАВТА ... 169
В ПОЛНОЧЬ ... 170
«В цветенье гнутся ветки...» ... 171
ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО ... 172
ВОРОН ... 173
ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ ... 174
ДЕНЬ ПОБЕДЫ ... 175
«Древние наивней были нас...» ... 176
«Еще цветы не вянут поздние...» ... 177
ЖАМАН-ШУБАР ... 178
ЗАПАСНЫЙ ПУТЬ ... 179
ЗВЁЗДОЧКА ... 180
ЗОРЬКА ... 181
КАРДИОГРАММА ... 182
ЛЕБЕДКИ ... 183
МАНЕКЕНЫ ... 184
НЕ В СЧЁТ ... 185
«Не надо женщину разгадывать...» ... 186
НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА ... 187
НОЧНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ ... 188
ОБОРВАННЫЕ СТРУНЫ ... 189
ОГОНЁК ... 190
ОДИНОЧЕСТВО ... 191
ОКЕАНЫ ... 192
«Отлиты строки из металла...» ... 193
ПЕРВЫЙ ОГОНЬ ... 194
ПЕСНЯ ... 195
ПЕТРОВКА ... 196
«Пикируют птицы все ниже и ниже...» ... 197
ПЛАЧ МАТЕРИ ... 198
«Позаросли озёра ряской...» ... 199
ПОЗДНИЕ ЯГОДЫ ... 200
«Полдень подремать в степи прилёг...» ... 201
ПОЛЕВОЙ ВАГОНЧИК ... 202
ПРЕДЗИМНЕЕ ... 203
ПРОХОЖИЙ ... 205
РЕВНОСТЬ ... 206
РОЛЬ ... 207
РУЧЕЙ ... 208
САНИ ... 209
СЛОВА ... 210
СОРОКА ... 211
СТАНЦИЯ ДЕТСТВА ... 212
«Творенье – это словно магия...» ... 214
ТОВАРНЫЙ ПОЕЗД ... 215
УГОЛ ... 216
ЦВЕТНОЕ СТЕКЛО ... 217
ЦВЕТОК ... 218
ЦЕЛИННАЯ ПАЛАТКА ... 219
«Я был метелью опалён...» ... 221
«Я сразу дождь узнал по голосу...» ... 222
«Трава окопная ржавеет...» ... 223
ЯНДЕБА ... 224

«А как себя я в мире выразил?!...» 225
«А полуправда – это ложь...» 226
«Ах, где вы, мальчишки-задиры...» 227
БЕРЁЗЫ 228
БЕССМЕРТНИК 229
БРИГАДНЫЙ НАЛАДЧИК 230
«В печурке белой яростно горят...» 231
ВАСИЛЬКИ 232
ВРЕМЕНА ГОДА 233
«Все кричат на свадьбе: «Горько!»...» 234
«Всё слаще пряный дух отавы...» 235
«Всё – в семнадцать – считается первым...» 236
«Всегда душой к тебе стремиться...» 237
«Встают над июнем рассветы...» 238
ГЛАЗА 239
«Говоришь ты мне всё чаще...» 240
ГРОЗНЫЙ ДИАГНОЗ 241
ДЕД ЕГОР 242
ДЕТСТВО 243
ДЯДЯ ГНАТ 244
«Еще зима свершает бег...» 245
«Звенели в ошеломлённой...» 246
ЗЁРНА В КОНВЕРТЕ 247
«Знакомый нехитрый пейзаж...» 248
ИЮНЬ 249
«Как важно вовремя уйти!..» 250
КАЛЕНДАРЬ 251
КАПИТАНЫ СВОБОДЫ 252
«Караван гусей плывёт вдали...» 253
КОЛОС 254
КРЫЛЬЯ 255
«Легко меняют очертанья...» 257
ЛИСТОГОН 258
ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ 259
«Море мне подарено тобою...» 260
«Мы, конечно, не вечны...» 261
НАДЕЖДА 262
«Осенний лес и пуст, и гол...» 263
ОСЕННИЙ ЛИСТ 264
«Открыты широко ворота...» 265
ОТЦОВСКАЯ НИВА 266
ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ 268
«Под крылом – в немеренных просторах...» 269
ПОДРАНКИ 270
«Ползла позёмка по земле...» 271
ПОРА СУХОРОСА 272
«Почему-то непременно...» 273
ПТИЧИЙ БАЗАР 274
«Пусть характерами схожи...» 275
РАЗЪЕЗД 276
РЕПРОДУКТОР 277
РОДИНКА 278
РОДНИК 279

«С душою, полною огня...» ... 280
СВЯТАЯ ЛОЖЬ ... 281
СИБИРСКИЕ МАДОННЫ ... 282
СИНИЦА ... 284
«Скользит твой взор за птичьей стаей...» ... 285
СКОРЫЙ ... 286
СНЕЖНАЯ ЯГОДА ... 287
СТАРЫЙ ДОМ ... 288
«Стихи рождаются из прозы...» ... 289
«Строчек огненная плавка...» ... 290
СУХАРЬ ... 291
УЧИТЕЛЬ ... 292
ЧЁРНАЯ БЕРЁЗА ... 293
ЧУДАКИ ... 294
«Эту землю не охватишь взглядом...» ... 295
ЭХО ТИШИНЫ ... 296
«А высшее веселье – грусть...» ... 297
БАЛЛАДА О БЕРЁЗАХ ... 298
«Бегут вперед неслышной ратью...» ... 301
«Благодарю за всё, что было...» ... 302
«О, русских воинов отвага...» ... 303
ВЕРА ... 304
«Всё проходит – радость и невзгоды...» ... 305
ВСЕХ НАС ЖИВЫМИ ДЕЛАЕТ ПАМЯТЬ ... 306
«Вьюга за окнами мечется птицей...» ... 308
«Давай с тобой представим девочку...» ... 309
ДЕЛЕНИЕ ... 310
ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ВОЙНЫ ... 311
«И через боль я вижу ясно...» ... 312
«Как судьба нас ни кружила...» ... 313
«Клеил он крестóм конверт...» ... 314
«Когда закружит в поле вьюга...» ... 315
«Когда неслышно и незримо...» ... 316
«Мгновенья счастья и размолвки...» ... 317
«На судьбу нам не надо сетовать...» ... 318
НАШИ МАРЬИ И ИВАНЫ ... 319
«Не спрашивай меня: «Который час?»...» ... 320
ПОД ЗНАКОМ ЭДЕЛЬВЕЙСА ... 321
«Посмотри, дорогая...» ... 322
«Предгрозовая тишина...» ... 323
«Скинут осени наряд...» ... 324
«Стояли за окном деревья...» ... 325
СУДНЫЙ ЧАС ... 326
ТЫ ВОВСЕ В ТОМ НЕ ВИНОВАТА ... 327
«Я не сравню тебя ни с кем...» ... 328
БЕЛЫЙ СВЕТ ... 329
БЛАГОСЛОВЛЯЮ ИМЯ Я ТВОЁ ... 331
БОГАТСТВО ... 332
«Был мир в цветах и звуках вальса...» ... 333
«Быстро срок, отпущенный нам, минет...» ... 334
ВОЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ ... 335
«Всё тебе даровано природой...» ... 336
ДРЕВНЕЕ РЕМЕСЛО ... 337

«Задувает весенний свежак...» 338
«Замели мой край родной метели...» 339
ЗНАК ПРИМИРЕНИЯ 340
«...И прорастали грозы русым хлебом...» 341
«Как казним мы порою себя...» 342
«Когда солнце греть уже устанет...» 343
МИСС ЗЕМЛИ 344
МОЁ БОГАТСТВО 345
НА КУРГАНЕ 346
«Вот и отшумели...» 347
«Я лишь с тобою вместе смог...» 348
«Не прерывайте муз полёт!..» 349
«Ничего мне больше и не надо...» 350
ОГОНЁК 351
«О, как торопимся мы жить...» 352
ОДИНОЧЕСТВО 353
ПАМЯТНИК ДЕРЕВНЕ 354
РОДНЫЕ КОРНИ 355
РОЖДЕНИЕ 356
«С радостью щемящей или болью...» 357
«Серебрит деревья иней...» 358
СТАРЫЙ ПАРК 359
ТОСТ 360
ТРОЙКА 361
«Хоть метёт свирепо вьюга...» 362
ЦВЕТ 363
Я ИДУ К ТЕБЕ 364
НА СТРЕМНИНЕ 365
«Раньше день казался целым годом...» 366
ЧТОБ СВЕТИЛАСЬ ДУША 367

В. Коноплев
ПОЭТ С РАСПРАВЛЕННЫМИ КРЫЛЬЯМИ 368

Владимир
ШЕСТЕРИКОВ

ЧТОБ СВЕТИЛАСЬ ДУША

Дизайн и верстка Е. Горковенко
Корректор Е. Анискина

Отпечатано
в ТОО «Издательство
«Северный Казахстан»
150001, г. Петропавловск,
ул. Кошукова, 5.